

АНДРЕЙ
АРХИПОВ

ВОЛЖАНЕ

ПОВЕТАЛУЖЬЕ

ВЕТАЛУЖЦЫ

ВЕТАЛУЖСКАЯ ПРАВДА

Волжане

Андрей Архипов

**Волжане: Поветлужье. Ветлужцы.
Ветлужская Правда (сборник)**

«АСТ»

2011, 2013

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Архипов А. М.

Волжане: Поветлужье. Ветлужцы. Ветлужская Правда (сборник) /
А. М. Архипов — «АСТ», 2011, 2013 — (Волжане)

ISBN 978-5-17-982494-7

Волею судьбы горстка наших соотечественников вместе с детьми затерялась в ветлужских лесах. Но заблудилась не только в пространстве, а и во времени, очутившись в Киевской Руси XII века, за полтора десятка лет до начала ее распада на отдельные княжества. Первая задача – выжить, что не так-то просто, потому что упомянутая судьба приносит одно испытание за другим. А затем? Плыть, куда вынесет течение, или все-таки попытаться изменить окружающий мир вокруг себя? И что для этого нужно? Власть, сила, деньги, друзья... враги? Или необходимо еще огромное желание жить и получать радость от каждого прожитого дня в этом мире? Ибо без радости – что это за жизнь и зачем что-то менять...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-982494-7

© Архипов А. М., 2011, 2013
© АСТ, 2011, 2013

Содержание

Поветлужье	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	55
Глава 9	63
Глава 10	73
Глава 11	83
Глава 12	92
Глава 13	101
Глава 14	111
Глава 15	121
Глава 16	130
Глава 17	141
Глава 18	154
Глава 19	168
Глава 20	177
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Андрей Архипов
Волжане: Поветлужье. Ветлужцы.
Ветлужская Правда (сборник)

© Андрей Архипов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Поветлужье

Глава 1 Пропажа

Вовка приоткрыл глаза, выплюнул горький стебелек травы, уже набивший оскомину, и приподнялся на локте. Тень от полупрозрачного облака медленно сбегала с лица, и яркие лучи заставили его опять зажмуриться – солнце было почти в зените и пекло, несмотря на еще не наступившее лето, немилосердно. Картинка окружающего пейзажа отпечаталась на закрытых веках яркими зелеными пятнами – первое разнотравье луга за небольшой извилистой речкой и сосновый бор, взбирающийся на пологий холм у горизонта неровными, рваными уступами.

«И сколько можно тут сидеть? – Долгое ожидание отца все-таки выплеснулось наружу мысленным ворчанием. – Задержится на часик, называется. Я уже давно прибежал бы на место. А если рвану сейчас, то можем разминуться... Интересно, Тимка еще плутает или уже дрыхнет по дороге домой? Может быть, не успевал засветло и переночевал где-нибудь на озере, в наспех сооруженном шалаше? Нет, тогда бы он уже явился в деревню! Разве что дядя Коля его перехватил по дороге и выдрал так, что Тимка не смог дальше идти... Эх, лучше бы так и было!»

Вовкин дружок пропал вчера, отправившись рыбалить утром на озеро, благо в школу бегать уже не надо было. Точнее, его пропажа обнаружилась вечером, когда после заката солнца Тимка не пришел с рыбалки, а Николай Степанович прибежал к ним домой выпрашивать про замыслы своего отпрыска. Вопросы в основном были о том, что сынок говорил, куда собирался пойти и когда обещал вернуться.

Ответы были даны незамедлительно, с честными глазами и заскребшей где-то в дальнем уголке совестию. Якобы пойти тот собирался на ближнее озеро – оно находилось недалеко, километрах в семи за сосняком, а вернуться обещался вечером, с уловом.

На самом деле Тимка подбивал Вовку, кроме рыбалки, смотаться еще в сторону далекой лесной поляны, украшенной двумя мощными дубами.

Деревья были очень старыми, поросшими покрывалом светло-зеленого лишайника от корней до начала веток. Толщины они были невероятной – такие гиганты даже несколько человек не могли обхватить зараз. Если сильно вытягивать ногу, то требовалось двенадцать ребячьих шагов, чтобы обойти вокруг каждого великана, а уж такого красивого мха на других деревьях Вовка никогда не видел.

Стояли лесные красавцы на опушке леса, за многие годы разогнав всю древесную мелочь в стороны от себя. Рядом с ними бил родник, крутым зигзагом сворачивая от поляны к одной из многих лесных речушек. Вода была очень холодная, а ветки деревьев так густо закрывали пространство над источником, что там спокойно можно было переждать дождь. Именно поэтому местные любители охоты, изредка забредавшие в лесную глухомань, сворачивали сюда.

Самим дубам, наверное, было более тысячи лет, по крайней мере, так болтали старики на завалинках. Как-то раз в деревню даже приезжали какие-то ученые. Якобы чтобы измерить возраст великанов и взять под охрану.

«С ружжом кого-нить поставят», – чесали языком местные бабоньки, однако проводить заезжих гостей на место никто не взялся, а сунувшийся было в разговор Вовка получил легонько по губам.

Потом уж отец ему объяснил, что никто из местных не хочет устраивать в окрестностях экскурсионную тропу. Места здесь тихие и спокойные. Лишних людей, туристов и другого такого добра тут даром не надо.

Излишне любознательным приезжим всегда объясняли, что леса здесь обыкновенные, в основном смешанные. Частенько встречаются, конечно, сосновые боры и дубовые рощицы, но чтобы деревья по несколько метров в обхвате – это явно досужие сплетни. Так и отваживали редких любопытствующих.

А для мальчишек на этой лесной поляне самым захватывающим были не огромные дубы и даже не чистейший родник с холоднющей вкусной водой.

Хотя, чего греха таить, полазить по веткам толщиной в обхват, а то и полежать на них было одно удовольствие. Можно представить себя таким Соколиным Глазом и высматривать что-нибудь с верхушки дерева, оглядывая расстилающийся вокруг нехоженный лес. Обитаемые места при этом были прикрыты на юге холмами и ничуть не резали глаз рукотворными сооружениями.

Мальчишек манила противоположная сторона – чуть дальше в лесу расстилалась небольшая россыпь болот, и там можно было пострелять уток, если выпросить на минутку ружье у надзирающих взрослых. Пусть даже дичи на болоте было совсем немного, иначе бы охотники протоптали более широкие дорожки через лес, возможность стрельнуть лишний раз из настоящего ружья...

Вот это был искус так искус.

Поэтому в том, что Тимка намылился посетить эти места, ничего странного не было. Однако то, что он не вернулся к десяти часам вечера, заставило Вовку от своего вранья испытать некоторые угрызения, а еще через час его совесть и вовсе перешла от царапанья к покусыванию.

Можно было, конечно, воспользоваться поговоркой отца.

Тот иногда после ссор с Вовкиной матерью приговаривал, что «своей совести надо выбить зубы, тогда она будет тебя облизывать всю оставшуюся жизнь». Сам он, правда, при этом всякий раз шел на примирение первым, однако такая позиция в итоге не помогла, и дело закончилось семейным разладом и разводом.

Тем не менее с малых лет Вовка поговорку запомнил и теперь пытался крепиться в соответствии с нею, не выдавая конечной цели Тимкиного путешествия.

Собственно, Вовка и приехал к отцу на летние каникулы из города, где жил теперь с матерью и отчимом, ради таких вот походов. Они были огромной отдушиной в его обыденной и пыльной городской жизни, тем более что в этих местах он родился и жил до девяти лет и уже не представлял себе отдыха без леса и рыбалки.

И вот на тебе, такое из себя начало лета!

Причем он собирался идти с Тимкой вместе, но отец перед этим как раз попросил его помочь по хозяйству, так что Вовке пришлось остаться, смолчав о своем желании. Если бы взрослые узнали, что они собрались на поляну... О-о-о, тут был бы весьма вероятен исход с многочисленными телесными повреждениями где-то в районе пониже спины.

Проблема была в том, что стояли великаны в глубине таежного леса – взрослые, кстати, и называли его тайгой, хотя в разговоре иногда путались. Мол, «не в тайге живем, а в людях, а настоящая где-то в Сибири находится».

Однако местный лес ничем от нее не отличался, и что ни лето – в близлежащих селах снаряжались экспедиции за плутающими приезжими грибниками. Да что там говорить про городских, если местные тоже терялись, и не всегда такие поиски заканчивались успехом. Даже здешний егерь Иван Михалыч, исходивший все тропки в окрестностях села и не такого уж далекого заповедника, признавался, что иногда застывает в ступоре, потому как ему кажется, что попал он в совершенно незнакомую местность.

При пасмурной погоде и в густой чащобе, где мох на деревьях растет чуть ли не со всех сторон, а компаса при себе нет, поди, определись, куда идти. А пару дней погуляет в лесу иной

человек, переночует на холодной земле, закусив сырыми грибами, и все, сломался: кажется ему, что ни сам не выйдет, ни его не найдут.

Поэтому парни всегда помнили строгий наказ – в тайгу без взрослых ни шагу!

Но помнить-то помнили, однако искус брал свое и по краешку таежной чащи к дубам смельчаки все-таки заглядывали.

«Вот и дозаглядывались», – подумал Вовка к одиннадцати часам вечера, вздрогнув от скрипа вылезшей из гнезда старых ходиков кукушки. И отправился сечь повинную голову – к отцу, который в свою очередь повез его к дому Тимки, без слов усадив на старенький мотоцикл «Урал».

Однако дом друга оказался пустым, даже щеколда на входе была откинута и дверная створка сиротливо хлопала о порог, влекомая ночным сквозняком. Судя по всему, Николай Степанович укатил в соседнюю деревеньку из пяти неказистых изб, мирно заканчивающую брренное существование на этом свете без связи и электричества, чтобы проверить наличие своего оторвы у своей же тещи.

Поэтому Вовка был препровожден обратно домой и силой уложен спать, а всю информацию (и пару подзатыльников) о поисках получил уже рано утром от хмурого отца, который забежал позавтракать. Ближний лесной массив они со Степанычем прочесали ночью, глуша двигатель на лесных дорогах и вслушиваясь в свои одинокие замирающие крики посреди темного леса. Но дальше в тайгу не сунулись, да и добром бы это не кончилось. С утра же на ноги были подняты остальные соседи, и те из них, кто смог отложить свои дела, ринулись в лес, поделив районы поиска на квадраты между собой.

Вовкин же батя сказал, что вернется часам к одиннадцати за обедом для всех, принимающих участие в поисках. Правда, оговорил, что может и задержаться на часок. Сына он оставил кашеварить, отдав наказ ждать его у моста через речку.

Вот Вовка и ждал. Уже часа два.

Хорошо еще, что соседка осталась командовать небольшим отцовским фермерским хозяйством. Она знала, что и где лежит, а также к кому обращаться, если со скотиной случится беда.

Хотя, собственно, к кому еще обращаться, кроме отца? Он единственный ветеринар в округе.

Был. До распада колхоза.

Дальше, как рассказывала та же соседка, все, что могли, поделили – благо народу было немного, а остальное хозяйство оказалось заброшенным и заросло травой.

«Ладно, прорвемся, – продолжил рассуждать Вовка, откинувшись обратно на спину. – Главное сейчас, чтобы санкции за Тимкино “гулянье” не испортили весь летний отдых. Вообще-то вряд ли что-то серьезное могло случиться, все-таки пацаны с взрослыми иногда туда хаживали. Дорога хоть и глухая, но достаточно известная...»

С другой стороны, лежала она далеко от дома, да и пробираться сквозь бурелом всегда очень муторно.

Опасных зверей в округе почти не попадалось, хотя медведи иногда и забредали. Но те с человеком предпочитали не связываться, так же, как и порядком выбитые волки, сытые в последние дни расплодившимися мышами.

Так что, скорее всего, Тимка просто подвернул ногу, а еще вероятнее – решил пострелять уток из одолженного позавчера у Вовки самострела, да и задержался до темноты. В любом случае он не дурак. Если уж поймет, что заблудился, то биться в истерику и бежать непонятно куда не станет. Сядет и будет ждать криков или выстрелов. Если что на дерево залезет, посмотрит, в какую сторону надо идти.

«А кстати, самострел – зверь... – Мечтательная улыбка расплылась на Вовкином лице. – Хотя сам-то я его и попробовать толком не успел. Все откладывал до приезда сюда, а Тимка как увидел его, так и прицепился – дай пострелять, дай пострелять!...»

И не удивительно: выглядел самострел действительно классно. Стальная пластина, выточенная из рессоры (по крайней мере, так ее рекламировали во дворе, в один прекрасный момент сошедшем с ума на изготовлении стреляющих изделий), резной деревянный приклад, спусковой механизм и капроновый шнур. Вот за него как раз было боязно – вдруг лопнет, да по глазам...

«Хотя нет, не достанет, приклад вроде длинный получился. Со спусковым механизмом только пришлось повозиться».

Так называемый орех, удерживающий тетиву в заряженном состоянии, был выточен из твердого дерева и посажен на шпindel. Сам спуск сначала получался неудобный, потому что хотелось иметь настоящий средневековый, с предохранителем, а там мороки по соединению всех деталей!..

В итоге он был сделан пистолетным в виде угольника под девяносто градусов, с одной стороны упирался прямо в зарубку на орехе, с другой – сидел на жесткой утопленной пружине. Кроме того, поверх спускового крючка была поставлена предохранительная скоба. А вот рычаг типа «козьеи ножки» не получилось приспособить, времени не хватило до каникул.

«Ничего, – подумал Вовка, – в следующем экземпляре обязательно будет».

Только заряжать самострел приходилось с помощью ног – нагибаешься, берешься за тетиву, ногами в плечи лука, рывок и... оказываешься на земле, а может, и в луже. Ну да, первый раз так и было, тетива лопнула. Потом он нормальный шнур нашел и приноровился.

«Но тяжело идет, зараза такая...»

А в тот раз Вовка пришел домой с грязной мокрой спиной и получил втык и нотацию, что подрастающее поколение совсем не бережет своих родителей. Промолчал, конечно, но никто же не виноват, что тетива порвалась!

Пока он рассуждал, вдалеке показалось неспешно продвигающееся облако пыли.

«Ага, вот только не с той стороны, – подумал Вовка. – Батя, видать, через другой мосток проехал, и зашел сначала домой. О-го-го, а в коляске-то вертикалка лежит – старенький ИЖ-12. Это куда же это мы собрались?»

– Давай залезай, Володька, сейчас расскажу все по пути.

Отец устало нагнулся за котелком с картошкой и пакетом с бутербродами, заботливо завернутыми в бумагу, и забросил все вместе с пластиковыми флягами в коляску.

– Нашли твоего дружка, – начал рассказывать он на ходу, тихонько тронувшись через мостки. – Народ уже по домам расходиться стал, я как раз подвозил кое-кого. Только вот что-то Тимка сам не свой – истерика с ним, что ли... А может, просто перенервничал – ерунду какую-то мелет про огромное озеро, про стаи гусей на нем. Где там озеро-то? Болото дальше есть мелкое – не утонешь, только вывалиешься в грязи.

– Это, какое?

– Да ты должен знать то место, мы туда иногда уток с тобой ходили стрелять. Так что, скорее всего, врет он, как сивый мерин. Однако проверить надо, мы со Степанычем решили – пусть ведет, а выпороть никогда не поздно. Может быть, за болотом что-то и есть не очень большое, туда давно никто не совался напрямик, а в обход – все ноги стопчешь, если не переломаешь. Вот поэтому я ружье и прихватил. Взял еще десяток патронов с дробью, вдруг придется утку на ужин стрельнуть...

И уже под нос отец пробурчал.

– Да картечи на всякий случай... Небось, егерь не замает за весеннюю охоту без разрешения.

– Это Тимка-то? – вдруг спохватился Вовка, осознав, что его друга поймали на обмане. – Ты чё, пап? Это я могу... э-э-э... сболтнуть что-то ради красного словца. А Тимка и раньше всегда правду в глаза любому мог сказануть, а уж после смерти матери зарок дал. Сказал, что с этого момента врать больше никому не будет, даже если за правду накажут сильно. Хуже, мол, чем сейчас, точно не будет. Он, по-моему, даже специально нарывается...

Тимка действительно нарывался. К примеру, в школе, если учителя замечали любой непорядок в классе, то знали, что могли обратиться к нему.

И он, если принимал малейшее участие в шалостях, всегда сознавался, не закладывая при этом остальных. А потом шел беспрекословно убирать битые цветочные горшки и стекла, оставляя дневник на столе учителя.

Если же не участвовал, но страдали при этом невиновные, то подстерегал зачинщиков на улице и пытался заставить их принять наказание.

Обычно это продолжалось до чьих-нибудь кровавых соплей. Либо Тимкин соперник был бит и соглашался с его доводами, либо тому надоедало размазывать юшку по всклоченной физиономии правдолюбца, и он шел в учительскую, только чтобы отделаться от него.

Организованную один раз «темную» Тимка стойчески перенес и только с бóльшим ожесточением стал отстаивать свои убеждения. Всеми вокруг это называлось обостренным чувством справедливости, а сам Тимка говорил, что ему так легче. В последнее время стоило ему только заявить, что он не возражал бы против признания виновных и те просто молча поднимались, чтобы принять наказание.

– Кстати, а что ты еще в коляску набросал, бать? Домой заезжал, что ли?

– Угу, наведалься. Картошки еще взял, в золе ее напечем. Ну и набор для ущицы: лук, чеснок, морковь, соль... В любом случае супчика похлебаем, что бы там Тимка ни обнаружил.

– А зажигалку взял? – прокричал Вовка ему на ухо. – А снасти? Лески, крючки?

– Даже лучше, вон сеточка капроновая лежит, бреднем пройдемся! А «энзэ» – топор, одеяло, зажигалка, ложки, кружки, бутылки... словом все нужное всегда в коляске валяется! Блин... ядрена Матрена!

Как только они съехали с наезженной грунтовки на заросшую тропинку, несовершенное транспортное средство стало сильно подбрасывать на лесных колдобинах, и отец вынужденно замолчал.

Наконец семейный «тарантас» выполз к небольшому оврагу, за которым расстился густой смешанный лес.

Пахнуло свежестью, еловыми ветками, терпким настоем прошлогодних прелых листьев... и вонючей гарью, облако которой медленно догнало ездовых и накрыло удушливым покрывалом.

– Собирай все вещи в мешок, – прокашлялся отец. – Да привяжи крышку к котелку и сунь его в пакет, а то будешь потом свои припасы со стенок рюкзака собирать... Ага, давай его сюда. Одеяло сверху накидывай. Тебе вон ту сумку. Всё, потопали...

Пробирались к месту Вовка с отцом около двух часов. Шли тяжело. Упавшие деревья перемежались крутыми овражками, склоны которых были покрыты прелыми почерневшими листьями, скрывавшими мокрую глинистую почву. Ноги разъезжались, теряя опору, и Вовка пару раз соскользнул в ручей на дне одной из промоин.

Ботинки были уже покрыты толстым слоем грязи, не желающей отчищаться на трухлявых сучьях, разбросанных по краям незаметной тропинки. Да и та начала понемногу исчезать и скоро совсем потерялась в пробивающейся сквозь старую осеннюю подстилку траве, зеленые ростки которой почти полностью скрыли следы побывавших тут людей.

Только по кое-где обломанным веткам, сломанным стеблям папоротника и не до конца истлевшей пачке из-под сигарет можно было угадать, что человек когда-то ставил свою ногу в этом мрачном месте.

Лес был похож на нетронутые заросли старого валежника, собранного неведомыми силами в одном месте. Помимо прочего, сухостой был приправлен сочащимися влагой мхами, которыми поросли сгнившие на корню деревья.

А еще он пугал царящей вокруг тишиной.

Даже обычной живности почти не было, словно звери избегали давящей мрачности бурелома. Только неугомонные сороки стрекотали где-то по верхушкам деревьев, да мелькнула раз заячья спина в кустах.

– Ну, все, скоро выйдем, просвет уже виден... вон и Николай, уф-ф... – шумно перевел дух Вовкин батя, одновременно перелезая через очередное препятствие, перегородившее путь на опушку. – Эх, твою дивизию... Михалыча нам только не хватало! Он, конечно, мужик правильный, договориться с ним можно почти завсегда, однако если упрется на своем, то грузовиком не сдвинешь... Ладно, давай двигай, Володька, вон твой кореш сидит, голову повесив! Отвлеки пока парня от неминуемой порки.

Михалычем Вовкин отец называл егеря, который был лишь чуть-чуть его старше. За свою жизнь прошел тот, что называется, воду, огонь и медные трубы. Жил изначально в каком-то большом городе, воевал всю первую чеченскую сразу после военного училища, был в самом конце ранен и капитаном ушел в запас. А дальше, по слухам, пребывал в таком подавленном настроении, что чуть ли не в монастырь собрался податься. Однако потом одумался и уехал в глухое село к дальней родне, где немного потоптался и пошел в егеря.

Жил Михалыч большую часть года один в своей лесной избушке, только на зиму перебираясь в селение к родственникам. Поначалу попытался держать марку в лесном хозяйстве, но потом обнаружил, что семьи в деревне хотя и не голодают (кто ж на земле с руками из правильного места себя до такого доведет?), но сидят в полном безденежье. Стал иногда подкидывать им мяса на продажу по городским родственникам.

Однако подчистую выбивать живность в округе все равно не давал.

Весной же вообще всех, пришедших в лес с оружием, гнал домой под угрозой его отнятия, хотя и делать это без участкового права не имел. Если, говорил, дать тебе селезней на отстрел, то ты ведь не остановишься, пока все патроны не изведешь, а я один и за вами всеми уследить не могу.

Мужики ругались, но слушались. А уж про их уважение к егерю сказал случай, когда приезжие охотники (их называли потом в деревне «краснопиджачниками») подстрелили без лицензии лося и послали Михалыча «куда Макар телят не гонял», пытаясь продолжить отстрел небольшого лосиного стада. Тогда он поднял всех боеспособных мужиков в округе (никто не отказался!) и грамотно обложил стоянку охотников.

Ружья те, конечно, не отдали (да и не стал на этот раз егеря нарушать нелепого закона), а доводить пререкания с ними до крайности с порчей машин и имущества никто не стал (пулю в спину от новых хозяев жизни получить никому не хочется).

Однако лося и настрелянную дичь мужики отняли и пообещали прострелить колеса, если те тут же не уберутся. Полтора десятка человек с оружием наперевес могут в этом убедить кого угодно, особенно если не ведутся на матерки и крик, а попытки пойти врукопашную пресекают выстрелами под ноги.

Так что своим Михалыч небольшие послабления давал, а чужих, приходящих без разрешения, всем миром спроваживали. Как везде, в любом замкнутом сообществе. Да еще дополнительно огородились от лихих джипперов перекопанными лесными дорогами. А с разрешением – что ж, только плати деньги и пали с удобных насестов в прикормленных заранее кабанчиков.

Поскольку местность стояла на отшибе и дороги были не ахти какие, то подобных столкновений было мало и живности более-менее хватало на всех. Прямых же конкурентов человека – волков, единственно опасных зверей, водившихся в близлежащей местности, повыбили

почти начисто. Остались только особи, забредавшие из заповедника. Поэтому-то, несмотря на активные Тимкины поиски, особой опасности от зверья никто не ожидал.

– Привет, Тимка! Как же тебя угораздило-то? – Пожав руку, Вовка устало уселся рядом на травяную кочку. – Пострелял хоть?

– Ага. Вон добыча, – Тимка кивнул на пару довольно больших тушек гусей. – Из-за нее и поверили, что я на озеро вышел. Только я почти все болты твои расстрелял, Вовк... Пару в озере утопил, не рассчитал, а еще три штуки в кусты засандалил, не нашел потом. Вот, чуток всего осталось, с наконечниками из толстых гвоздей.

– Слушай, здорово! А те болты... да ну их. Тем более что большую часть я из тонкой оцинковки наклепал, они все равно дюймовую доску не прошибают – плющит их... Расскажи лучше, как ты смог попасть-то? Я уж не говорю, что сумел подобраться: гусь все-таки птица осторожная! – вывалил Вовка ворох восклицаний и вопросов. – Подранков не оставил? Куда идти надо?

– Случайно получилось. Одного бил влет, когда целая стая поднялась. Стрелял наугад и попал в крыло. Тот упал и в кустах запутался, так что добивать пришлось. А второго я долго ждал – спустился в камыши, схоронился за травяной кочкой, брюхом траву примял, улегся... Ноги, правда, в воде пришлось держать. Полчаса прошло, прежде чем гусь в камышовом просвете показался. Замерз как цуцик, особенно когда доставал его из воды. Хорошо, что там ила немного и достаточно мелко. Но я его метров с пятнадцати достал, Вовк, наповал! Арбалет у тебя хорошо бьет! И ложе выглажено ровно, прицеливаться легко, и стрела точно в цель уходит.

– Не арбалет, а самострел, Тимк. У нас на Руси именно так их называли. А выглаживать я его действительно старался – без этого точности не будет. Вот я еще защелку принес, – потихоньку от взрослых потянул Вовка из кармана тонкую изогнутую пластину. – Смотри, если тут поставить, то она пойдет кругом над орехом, и болт прижимать как раз будет... Видишь, как пружинит?

– Эй, молодежь! – донеслось от стоявших около родника мужиков. – Собирайтесь, пойдем смотреть на ваши чудеса, пока нас никто не видит и на смех поднять не может. И послушайте, кстати, какая тишина стоит... Ни ветерка, листок не шелохнется! Даже сороки галдеть перестали.

– Вчерась то же самое было, дядя Слав, – затараторил Тимка, обращаясь к Вовкиному отцу. – Мало того, я даже родника почти не слышал, как будто вымерло все кругом. Меня такая жуть взяла, что я сразу от трех дубов рванул вон в ту сторону, еще по дороге на молодое деревце наткнулся! В нем аж хрустнуло что-то, а я себе синяк на лбу поставил, вот...

– Ну, точно заговариваться стал малец, – протянул егерь. – Уже и дубов у него три... Видать, головой об это деревце хорошо приложился.

Вовка вдруг услышал приглушенный всхлип и обернулся на Тимку. Тот стоял с бледным лицом и слепо таращился в сторону своего поднятого пальца.

– Эй, Тимофей, ты не обижайся, я же пошутил, не хотел тебя... Эй, эй, малец, ты что? – завокнулся Иван.

Тимкин лоб покрылся испариной, глаза начали бегать по поляне, потом закатились, и он рухнул плашмя в траву перед собой.

– Володька, воды от родника, быстро... вон кружка около рюкзака стоит!

Общими усилиями Тимка был приведен в себя, щеки его от похлопываний покраснелись, а вся рубашка была залита водой.

– На попей, сынок, что ж ты? – суетился Николай. – Ну, что такое случилось? Пей, пей же...

– Дуба же три...

– Да три, три, конечно, ты помолчи, полежи...

Состояние Николая было близко к шоковому. Он впервые увидел, как его сын, самая настоящая оторва с шилом в заднице, упал в обморок.

– Все, все, бать, мне уже нормально. – Тимка повернулся к своему другану, видимо, не доверяя взрослым, которые были готовы во всем с ним соглашаться. – Вовк, а что случилось с третьим дубом? Молнией пожгло? А остатки где после пожара? Блин, да не было вроде никакой грозы. А что случилось? Его ведь не спилишь и не вывезешь отсюда.

– Вроде всю жизнь было две штуки, Тимк...

– Да? Ну ладно, ладно, будем считать так... – Тимка как-то затравленно огляделся вокруг. – Все, бать, я нормально себя чувствую, это, видимо, от тишины вокруг... Это... как его, воспаленное воображение!

Тимка хотя и не особо хорошо учился, но был довольно начитанным и такими словами бросался на раз.

– Ну, все, пошли на озеро!

– Какое озеро? Без тебя сходят, а мы с тобой сейчас домой двинем. Все, я сказал! – рыкнул на сына Степаныч.

– Без меня вы его не найдете! А я уже действительно нормально себя чувствую... – начал возражать Тимка.

Наконец, спустя пятнадцать минут уговоров и такого же времени отдыха на одеяле (для профилактики, как сказал Николай, и в качестве компромисса, как подумал Тимка), команда вышла в путь.

Винючник переполюха сначала пошел впереди, но, как понимал Вовка, направление его движения полностью совпадало с тропинкой, ведущей на болото, и егерь вскоре оттеснил мальчишку назад и стал самостоятельно торить путь.

Так они и пробирались вперед около получаса, наблюдая мелькавшую впереди спину Михалыча в брезентовом плаще с двустволкой через плечо.

Бурелом неожиданно сменился светлым сосновым подлеском, перемежающимся березовыми рошицами по краям оврагов, и это вызвало недоверчивое ворчание у всех мужиков по очереди.

Наконец, перевалившись через небольшой холм, поросший молодыми кряжистыми дубками, колонна смешалась и буквально скопом вывалилась на озерный простор, что вызвало оторопь и одинокий хриплый возглас Николая:

– Едрена канитель!

Все обозримое пространство на северо-западе занимал вытянутый овал водной глади, заполненный гамом и визгом диких гусей, а также всевозможной пернатой мелочи.

– Как в тундре на Севере! – ахнул Вовка, вспомнив передачи «В мире животных». – Ну, Тимка, ты даешь, какую красоту нашел!

– Гх-хм... Тимофей! – прокашлялся егерь. – Ты уж, конечно, прости меня за прошлую напраслину, но... гхм... не может этого быть, потому что не может быть никогда! Я же тут полтора месяца назад все излазил, да и наши деревенские, хоть и запрещаю, наверняка бывали... Родники прорезались все вдруг? И рыбы оказалось сразу тьма? И тут же пролетные птицы облюбовали себе это место и плюнули лететь на родину? Ладно... Гадать, что да как, вечером за костром будем, а то стемнеет, пока возимся... Мужики, размещаемся! По такому случаю разрешаю отстрел. Немного, чтобы остальные из деревни слюной не захлебнулись, не набегали сюда и не испортили такую благодать...

Глава 2

Разговор ни о чем

Тимка и Вовка сидели на траве, наплевав на всякие мелочи вроде зеленых, не отстирывающихся пятен на штанах. Свесив ноги с обрыва, они предавались созерцанию закатного светила, падающего в верхушки деревьев на другой стороне озера.

– Слушай, Тимк, – во второй раз завел допрос Вовка, нарочито не вспоминая первую неудачную попытку. – И все-таки, почему ты не вернулся засветло? Вышел рано, на ближнее озеро не заходил... До этой поляны идти три часа, еще час до озера. Ты в двенадцать прибыл, так?

– Даже раньше, до тайги я на велосипеде доехал и в кустах его схоронил.

– Еще час или полтора на гусей, так?

– Два с половиной...

– Угу. Отдохнул, осмотрелся, обсох на солнце – еще час, правильно?

– Ну...

– Тогда в семь-восемь вечера ты при любом раскладе должен быть уже дома. Раскалывайся, что ты тут нашел и отчего в обморок грохнулся? Ведь повыносиливей меня будешь...

– Да так и было! – сорвался на полукрик Тимка. – Полпятого я уже возвратился на поляну, но тут почему-то стемнело, и я дальше не полез! Я еще подумал, что часы сломались, и решил переночевать около родника, – продолжил он чуть тише. – Утром меня там и нашли.

– Часы сломались? Скорее, просто увлекся и не заметил, как время ушло...

– Нет, я по своим ощущениям чувствовал, что еще не вечер... А тут вдруг раз! И сразу ночь, звезды.

– Ну... А может с тобой как с теткой Меланьей случилось? Она, по ее словам, шастала по лесу три дня, а когда все-таки нашла обратную дорогу, то дома ее встретили, будто она всего часа на четыре уходила... Ох, и скандал был! Она своего зятя чуть ли не скалкой начала утюжить, пока соседи не зашли на крик и не рассказали, что сегодня с утра ее видели у колодца с корзинкой. Та и на них взъелась! Мол, вы тут сговорились, хотите меня со света сжить... Уж когда ей телевизор включили и новости того дня показали, только тогда и успокоилась... Правда, у тебя время немного по-другому отыграло, но уж очень похоже!

– Не знаю, Вовк, может, и так.

– А что там с третьим дубом? Чего ты его поминаешь постоянно?

– Да был он, был! – в полный голос закричал Тимка. – Мы же там помост соорудили на ветвях и перила! Ты там еще навернулся вниз и левую руку сломал, тебя на «буханке» в медпункт возили в районный центр! И шрам остался на запястье от этих стержней... как его... Илизарова, вот!

– Где? – задрал рукав рубашки Вовка.

– Ну, вот тут должен быть, – неуверенно закончил Тимка. – Не вру я, Вовк...

– Да верю я!

– Эй! Слышен крик, а драки нет, – донеслось от костра. – Давай, ребятня, подваливай, гуси в глине уже пропеклись, сейчас доставать будем.

На скатерке по волшебству появились столовые принадлежности, бухнулась фляга с водой, залитая по горлышко у родника, и пара запотевших бутылок водки, охлажденных в озере. Михалыч с Тимкиным отцом, разделяющие в сторонке гуся, истекающего умопомрачительным запахом, тут же одобрительно крякнули.

– Ну, Вячеслав Владимирович, знаешь, чем порадовать. А то нам как-то не до нее, родимой, было, когда этого сорванца искали.

Тут же разодранная на куски птица разлетелась по тарелкам, и через пару минут, сопровождаемых пластиковым звяканьем стаканов и хрустом перемалываемых челюстями кусков, пошел неторопливый разговор о жизни, ничем не отличающийся от тысяч таких же разговоров на кухнях необъятной страны.

– Вот вы, пацаны, на нас неодобрительно смотрите... Вот ты особенно, Тимофей, – начал, как самый старший, егерь. – Спиваются, мол, отцы ваши, как и другие мужики в деревне. В чем-то вы правы, хотя еще пару лет пройдет, и вы сами начнете хохолки друг перед другом и девками задирать, да горькую потреблять. А уж курить-то втихаря наверняка пробовали не раз... Только спешу заметить, молодежь, что ваши отцы сильно отличаются от других! Ума не пропивают, а посмотреть со стороны местной пьяни, так и вовсе трезвенники трезвенниками, только по своим да церковным праздникам в стакан наливают. Ну, вот еще под такой великий повод, как сегодня.

Михалыч прокашлялся, подмигнул своим собутыльникам и продолжил.

– А руки-то у них какие золотые! Вот твой отец, Володька... Во-первых, с образованием! Ветеринар – человек на селе всегда уважаемый. Во-вторых, свое хозяйство – и опять же тут профессия пригодилась. В-третьих, в помощи никому не отказывает, лечит скотину соседям за «спасибо». Другой и плюнуть без денег не согласился бы, а он и в дождь и снег... За это и жинка его поедом ела, а потом, как сверкнуло ей в глаза золотишком, так бросила все и укатила... Э-э-эх...

– Михалыч, хватит при детях-то...

– Извини, Слав, просто свои потуги на этом пути вспоминаю.

– Да ладно тебе, пап, – отозвался Вовка. – А то я не понимаю ничего! У мамы с отчимом только и разговоры про то, кто что купил и что надел. Вот в возраст войду и к тебе перееду!

– Ну-ну... – грустно улыбнулся Вячеслав.

– Так вот, про что это я... С головой у вас отцы, ребята, – продолжил, улыбнувшись, егерь. – Твой, Тимка, в молодости механизатором был, а как колхоза не стало, новую профессию освоил, теперь в кузне горбатится... Если кому оградку сковать или починить что по хозяйству, то к нему. «Николай, родной наш, помоги, выручи, век не забудем...» Так, Степаныч?

– Да уж почти кончились те кованые оградки! Да ну их к лешему! Навезли польских заготовок и теперь дешевле купить все в магазине, да сварить в одно целое! Ручнаяковка никому не нужна! По крайней мере, сюда, в глубинку, за этим уже никто не поедет...

– А говорят, что теперь ты ножи взялся изготавливать, да узор травить на клинках выучился? Покажешь? – заинтересованно спросил егерь.

– Да что там показывать... Так, пару на заказ сделал. Не скажу, что все премудрости при этом освоил, пока на любительском уровне.

– А травишь-то как?

– Да этим, как его... хлорным железом. Тут ведь не в нем суть. Главное – нарисовать, чтобы рука не дрогнула... Окунаю в парафин клинок, а потом по нему завитки накладываю. Вот это как раз самое мутное.

– Понятно... Главное ведь, ребятки, для нашего человека, чтобы у него какая-то цель большая была в жизни. Или дело интересное, или оставить по себе добрую память, а то и просто чего-нибудь достичь, самому себе доказать. Что-то возвышенное ему нужно, что ли, не просто кусок изо рта у другого отнять... Тогда он жилы из себя рвет, стараясь этого добиться. Вон как страну расширили! А впереди ведь простые поселенцы шли, навстречу опасности, к вольной жизни!

– От плохой жизни они убегали, Михалыч, от крепостничества, от притеснений.

– Не всегда, Слав, не всегда. Вот у меня прадед держал на Кубани табун лошадей, дом богатый был. Когда Столыпин землю раздавал в Сибири, то он все распродал и со всей семьей

рванул в те места. Не поверишь... за месяц, пока добирались, все деньги со своей женой пропили да прогуляли, приехали на место голы и босы. Получили земельный надел в тайге, топор да лопату, как говорится, в зубы за казенный счет, и вперед... Так за год он на кедровых орехах так поднялся, что опять скотину и лошадей завел, пятистенок поставил. Зачем все это ему надо было, а? Что-то просит все время русская душа, к чему-то стремится... А если не получает она того, что нужно ей, то через некоторое время человек ломается. Или спивается, или засасывает его трясина стяжательства... Вот поэтому у нас гениев и талантов без меры в стране, а с другой стороны полно опустившихся людей или такой сволочи, что рука отказывается пристрелить, хочется зубами рвать... Никто в мире до сих пор понять не может, чего же все-таки наша душа просит, даже мы сами! Может, потому и говорят об ее загадке!

– Ну, не скажи, Михалыч, – влез в разговор Николай. – Иногда человек такой рождается, что с детства его научить ничему доброму нельзя, все под себя гребет, едрена вошь... Все только я, да я, да для себя, какая уж там душа? Встречал я таких, и не так уж и редко.

– Бывает и такое, бывает. Иногда случается на переломах истории, как у нас было. Народ звереет от голодухи, нищеты. Все ходят нервные, злые... так что, может, это и генетически передается. Потом все устаканивается, конечно, но поколение вырастает почти напрочь отмороженным...

– А когда все как в болоте живут, лучше, что ли? Все равно некоторые кропают друг на друга доносы или просто делают ближнему пакость. Приезжал тут один городской франт, рассказывал, как он при переезде мощные колонки к стене поставил и врубил по самое «не могу». Соседям своим решил праздник устроить. Пусть порадуются, мол! Самого его все равно на этом месте завтра не будет, и они ему уже ничего не выскажут... – Николай рубанул в воздухе рукой от избытка чувств. – Хотелось мне ему по роже двинуть, да жена покойная... земля ей пухом, не дала – праздник какой-то не хотела портить. А родился-то и жил этот урод в тишине да покое, когда ни о каких переломах истории и подумать никто не мог.

– Да уж, бывают люди на свете, которые, кроме чувства гадливости, ничего не вызывают, – опять согласился Иван. – Это уже как раз от воспитания зависит. Может, это даже как раз тот случай, когда с его предков вся мерзость началась... Ведь воспитывают не только словами, но и примером своим.

– Что там ни говорите, мужики, – начал Вячеслав, – но народ после перестройки в худшую сторону изменился. У нас еще ничего, а в городе что творится... Грызут друг друга почему зря, все думают только о том, как бы обогатиться. А если какие терзания и есть у кого, то вином заливают... Каждый норовит проехаться за чужой счет, а уж столица первая под себя гребет, скупает все подряд и соки из людей выжимает! Капитализм, мать его!.. Люди, конечно, отвечают тем же! Пофигизмом к делу на урезание зарплаты, формальным подходом на эту самую соковыжималку. Другим человек стал, равнодушнее, что ли...

– Так я и говорю, от воспитания многое зависит и от традиций, – поднял указательный палец вверх Иван. – Если свои традиции все порушили, а ведь порушили же, истребив как класс крестьянство в тридцатые годы, то где другие взять? Запад тебе поможет только деньги грести лопатой! Туда же грести, на Запад! Да еще технологии даст, чтобы лопата получалась поболее! А с такими дарами народу неинтересно жить, он даже себя не воспроизводит! До войны еще рожали по привычке, в деревенских семьях по восемь – девять детей было, а начиная с конца тридцатых всех погнали с земли на завод работать. Да и после войны при Хрущеве так прижали деревню, что крестьяне сами оттуда побежали... А в городе что? Там все думают только о себе любимых, детей не рожают. Нищету, мол, плодить не хотят. Обставляют квартиры мебелью заграничной, коврами да хрусталем – и нате вам, нищие. Как будто их предки во дворцах жили! Не рожденных еще детей уже убивают своими заплесневелыми мозгами! Так и вымрем все, потому что сердцевины в нас не осталось...

– Прав ты, конечно, Михалыч, – кивнул Николай, опрокидывая стопку. – Только вот оборону перед войной тоже надо было создавать, промышленность поднимать. Не скрутил бы Сталин всех в железный рог, так и вырезал бы в войну фашист весь народ... И насчет тебя у меня закавыка есть. Ты ведь в свои почти сорок лет, уж прости меня, не женился и детей ни нажил. А других осуждаешь.

– Твоя правда, и про то и про другое. Нужно было до войны и после нее хозяйство поднимать... И технологии всегда необходимы, чтобы детей и жен защищать, только вот не надо ради этого искоренять свою суть и ломать народ через коленку! Как поступить надо было – я тебе не скажу, одно знаю: никакое промышленное развитие не может достигаться ценой человеческого горя и огромного количества невинно замученных и убитых. Вот начальников, которые проворовались, надо было отстреливать! Вместе с уголовниками! Не теми, которые колоски с поля таскали от голода, а которые грабеж и воровство себе в профессию записали. Вообще всю элиту в стране надо время от времени перетряхивать. Согласился взяться за дело и не справился – снимать и на веки вечные в подсобники, без права занимать какую-нибудь должность! А то хозяевами жизни себя чувствуют от безнаказанности, а не слугами народными!

– Да ты...

– Только вот не надо меня сейчас осуждать, Степаныч, что я так жизнями людскими вольно предлагаю распоряжаться. Одних расстрелять, других на задворки жизни... И вопросов провокационных не надо! Типа, если немного расстрелять, это ничего? И где граница между «много» и «немного»? И еще что-то там насчет слезы невинного ребенка... Я, если надо, переступлю не только через слезинку, но только если будет надо! Мне, тебе, детям вот нашим, но не ради каких-то там идеалов!

– Да я что... я ничего, Михалыч, что ты взъелся-то? – опешил Николай.

– Извини, в душе накопилось... В лесу, пока бродишь, какие только темы сам с собой не обсуждаешь... А в продолжение разговора вот что скажу. Есть такое выражение: «Не верь, не бойся, не проси». Пусть оно из арестантской жизни, но ведь и для многих других дел подходит. Верить надо только своим, а доверять тем, кто за тобой идет! Не бояться делать то, что должно! За родных-то бояться сам бог велел... И не надо просить ни у кого милости жить, как ты хочешь! За это надо драться!.. А еще нечего других упрашивать, чтобы они жили как ты! Не надо всему миру доказывать, что ты первый, единственный и самый передовой, а также учить этот мир жить по-своему! Надо просто делать так, чтобы людям лучше жилось!

– Да так и делали!

– Делали вообще всем людям вокруг, а надо тем конкретным, за которых ты в ответе! А другие сами к тебе потянутся, особенно те, у кого стержень внутри пожиже будет. Некоторые ведь сами с усами, их никаким примером за собой не вытянешь. Вон японцы, к примеру... Уж на что Вторую мировую проиграли, а кто скажет, что они другими внутри стали, несмотря на то что переняли потом все западное? Меняются все, конечно, но зачем менять внутреннюю суть, как мы? Зачем? Порушили страну, отказались от себя, стараемся быть похожими на других. На Европу ту же кичливую, которая в своих колониях геноцид творила, а теперь про всеобщее благо талдычит! А от этих метаний мы только шатаемся без своего нравственного стержня! Как бы ни дошататься!

– Думаешь, если стержень появится, как в старые времена, то все хорошо будет? – усмехнулся Николай. – С чего же тогда революции одна за другой век назад вспыхивали? От хорошей жизни? Или ты думаешь, что нравственный стержень твой во всех раньше был? Во власть имущих, к примеру?

– Это ты меня уел, признаюсь. И сейчас во власть пустые люди идут, и раньше то же самое было. Редко-редко вменяемый человек попадется – и тот ничего поделать не может, даже если на самый верх залезет. Хотя в любом случае лучше иметь хоть что-то делающих, чем тех, что страну протрындели... А ведь какая бы власть ни была, чуть поменьше начальнички воровали,

воруют и будут воровать, пока с корнем их не вырвать. Чем сильнее облизывают задницу того, кто повыше них сидит, да славословят про народ и его защиту – тем больше в карман кладут! Да ладно бы только это! Народ же за быдло держат! Как у нас все хорошо да сколько сортов колбасы в магазине лежит! А народ этот только такую колбасу может купить, которую есть нельзя! Столько дерьма, прости господи, в нее напихано! И никто эту дрянь наверху запрещать не собирается, потому что сами на этом наживаются хорошо! Только умильные рожи из ящика строят. А люди утратили эту... пасс... Вячеслав, как ты говорил?

– Пассионарность...

– Вот! Выбили все хорошее в людях, когда они жилку свою за что-то дельное рвали. За детей, за лучшую жизнь... Не за сытую – за нее и сейчас друг другу глотки рвут, а именно за хорошую... свободную, что ли. Сказать не могу... И что тут делать, тоже не знаю. И насчет меня... – продолжил Иван. – Не встретил я никого, вот и не нажил детей. А по старым традициям дед или отец мне бы холку намылили еще лет до двадцати и невесту сосватали. Теперь бы жил и детей растил... Было бы для меня это хорошо или нет, не скажу. А вот для продолжения рода это очень даже неплохо!

– Ты вот, Иван, поминаешь традиции, – чуть сменил тему Вячеслав, вскочив на ноги и потянувшись в усеянное звездами небо. – Да у нас на Руси всегда тьма народов была, а у каждого они свои. И на Руси, и на той же Украине. А у татар даже религия другая...

– А ты еще забыл тех, кто все эти народы и создал... Словене, поляне, древляне, вятичи, меря, мурома, мещера – из них русские получились. Булгары, часть удмуртов и мари, что они успели подмять, это те же татары. Кто там еще был – я даже не знал никогда, не то чтобы упомянуть. Чуваши вроде бы из тех же племен вышли, что Волжскую Булгарию образовали, но не пожелали ислам принять, наособицу остались... Все разные, но принимают нас во всем мире как единых! Значит, есть какая-то схожесть, что-то общее во всех народностях, раз они живут вместе. Иначе друг друга изничтожают на корню, следов не остается... Так о чем это я? Традиции у всех свои, но все они о том, как землю пахать, как дом строить, как детей растить. А традиций, как деньги зарабатывать, я не припомню что-то. Вот так-то...

Михалыч неожиданно отвлекся и оглядел притихших ребят.

– О... пацанва уже наелась от пуза и засыпает, наслушавшись наших бредней. Ну, так о чем же нам при них за бутылкой говорить? Не о бабах же! А великих мыслей о спасении Расеи мы выдать на гора так сразу не готовы!.. Ладно, давайте спать. Постели ребятам, Слав, одеяла я за тобой положил, а нам пенек и моего спальника хватит, по ночам сейчас тепло...

Он потряс полупустой бутылкой водкой, отбросил ее в сторону и со смешком закончил:

– Эх, даже одну втроем не допили, вояки!

Глава 3

Нежданная встреча

Несмотря на ясное, вызвездившееся под вечер небо, утро пришло сплошными серыми ключьями туч, накрывшими галдящий озерный мирок теплым покрывалом. Начал накрапывать мелкий нудный дождь, заставляя спящих людей недовольно ежиться и забираться глубже под одеяла, чтобы не прерывать сладких утренних сновидений.

Один лишь егерь проснулся и выбрался из-под разложенного спальника, приступив к обычному для себя утреннему моциону. Спустя несколько минут он уже гремел ложками и котелками, намывая их в прибрежном песке. Потом разжег костерок, забрав из-под куста заготовленные еще с вечера дрова, и повесил котелок над огнем. Вскипятив воду и заварив чай, выложил рядом немудреные сушки и стал собирать мешки и рюкзаки, предварительно дав команду на подъем.

Молча, позевывая и содрогаясь от утренней прохлады, народ бродил от озера к близлежащим кустам, пытаясь проснуться, и напяливал на себя редкие влагонепроницаемые шмотки, чтобы защититься от висящей в воздухе влаги.

Наконец, сгрудившись у костра, все стали греметь кружками и собираться в обратный путь.

Пробирались в сторону поляны долго. Заметная только из-за вчерашних следов тропинка немного повиляла в утреннем сумраке и сама собой исчезла. И хотя точного времени никто не засекал, прошло более чем сорок минут, прежде чем егерь спохватился и послал мужиков оглядеться вокруг. Однако, не получив от них никаких обнадеживающих сведений, повел колонну дальше.

Бурелом довольно скоро кончился, и потянулся светлый смешанный лес, часто перемежаемый сосняком. Через верхушки деревьев проглядывало чистое голубое небо, уже освободившееся от утренних туч. Влажный поначалу воздух прогрелся, и чувство сырости ушло.

Ботинки легко пружинили по старой хвое, доставляя удовольствие от ходьбы.

Время быстро и незаметно скользило вперед.

Вовка с Тимкой иногда отбегали в сторону, кидались шишками по порхающим среди деревьев белкам и сосредоточенно рассматривали очередного красноголового дятла.

Наконец был объявлен привал и слово взял Иван.

– Вот что, мои дорогие, потерялись мы. Сначала я думал, что просто промахнулись мимо нашей поляны. Шли ведь строго на юг, так что через пару часов куда-нибудь, да должны были выйти. Однако часы эти давно прошли, да и лес здесь совсем другой – светлый, сами видите. Такого у нас отродясь не бывало... А уж эта история с озером, чудесное пришествие которого мы как-то серьезно до сих пор не обсуждали... Короче, мужики и хлопцы, – егерь бросил взгляд на безмятежно развалившихся на траве ребят, – решать нам надо, куда дальше двигаться. Попрошу по старшинству высказать свое мнение. Сначала ты, Николай, потом Вячеслав, далее Тимка, как прямой участник всей этой круговерти, а напоследок Володька...

– Михалыч, если уж ты заблудился, то нам-то дороги вовек не найти, – ответил, сплюнув в сторону, Николай. – Надо переть напролом, как шли! Выйдем к какой-нибудь речке и пойдем по течению. А там появятся обжитые места или увидим кого-нибудь... Тогда просто стрельнем в воздух и спросим дорогу.

– Если по пройденному времени считать, то деревню свою мы уже минуть были должны, а шли-то еще ходче, чем пробирались к озеру, – задумчиво прокомментировал егерь высказанное предложение. – На юге же от деревни сплошных лесов нет, поэтому мы с запасом должны были бы на открытом месте оказаться. Разве что леший нас по лесу кругами водил, да я ведь на солнце каждые две минуты смотрел. Так что... давай теперь ты, Вячеслав.

– Не нравится мне вся эта история с озером и дубами... тремя, – стрельнул глазами в Тимку тот. – Не послушать ли вначале, что молодежь скажет? Они довольно долго шептались и спорили, может быть, что-то прояснят нам? А, Тимка?

Тот, насупившись, покачал головой и не сказал ни слова, даже получив локтем в бок от Вовки. Последний долго не отступался, однако поняв, что его усилия разговорить друга не приводят к положительному результату, начал сам.

– Боится он, бать, что засмеете вы его. С ним же такие приключения произошли и непонятности!

И Вовка стал рассказывать про пресловутый третий дуб, всегда, по Тимкиному мнению, присутствующий на поляне, про рано наступивший закат и абсолютную тишину, про свою якобы сломанную руку... А также про тетку Меланью, про то, как Тимка шишку набил о дерево, про летающие тарелки, барабашек и разные необъяснимые явления, которыми буквально кишит окружающая жизнь и познания о которых Вовка получил в городе из телевизора, подключенного к без малому полусотне каналов кабельного вещания.

– Предположим, сынок, ты так долбанулся о дерево, что у тебя в голове день мог сократиться... – начал размышлять Николай. – Скорее всего, ты без сознания некоторое время провалялся.

– Нет, Степаныч, не все так просто, – прервал его Иван. – Часы пяти не показывали, когда темнота упала, так? Ну-ка покажи, Тимка, может, они встали? Да нет, почти правильно, две минуты – не та разница. А уж про сломанное запястье... Придумать такое у взрослого фантазии не хватит, не то что у одиннадцатилетнего ребенка! Вот если... Говоришь, Тимофей, когда тишина наступила, побежал с поляны долой? А в какую сторону?

– Ну, не побежал, а так... заторопился. Сначала к дубу, хотел на помост влезть... Хватнул по пути мешок, самос... трел, – договорил все-таки Тимка до конца. – А потом о корень зацепился и... хрясь, в какое-то дерево влетел. Ну, ссадину потрогал и дальше почесал. Вот.

– Ты что-то надумал, Михалыч? – заинтересовался Вячеслав. – Что значит «вот если...»?

– Что значит, что значит... Любопытной Варваре знаешь что оторвали? Сам молчишь, а другие должны все сразу выкладывать? Ладно, ладно, не обижайся, просто не время еще моим мыслям наружу выходить. Слишком уж все запутанно и странно. Как говорится, все страньше и страньше... Вот выйдем из леса – все сразу прояснится. По коням! Впереди еще полдня. Попить, оправиться, позавчерашние бутерброды в зубы и... дай бог нам выбраться из этой хрени!

После привала шли ходко, но постоянно озирались на солнце, лишь иногда отвлекаясь на живописные окрестности. Лесной живности стало, не в пример вчерашнему дню, гораздо больше. Мальчишки даже пару раз увидели лисий песочный хвост, порскнувший куда-то в кусты.

Однако егерь почему-то зарядил ружье крупной картечью и взял его наизготовку, положив дуло на плечо, благо, ветки не мешали. Вовкин отец, поглядев на Михалыча, тоже осмотрел свою двустволку, оставив, правда, ее висеть за спиной.

Стали немного забираться на восток и под вечер, часов в семь, уже порядком уставшие от топая по начавшему густеть лесу, набрали на хорошую поляну с ручейком.

В молчании побросали вещи и разбрелись вокруг на поиски дров. Развели костер, вскипятили чайку и принялись за остатки вчерашних гусей. Вовка с Тимкой сразу после ужина заснули на разбросанных вокруг костра одеялах, взрослые немного поговорили ни о чем и тоже начали укладываться спать, перенеся разговор на следующий день.

Не просто же так говорят, что утро вечера мудренее! Мало ли какая мысль посетит за ночь?

Но новый день не принес ничего нового. Все долго отсыпались после вчерашнего длинного похода, потом нарочито медленно стали завтракать теми же зачерствевшими бутербродами и чаевничать.

– Так, у нас, кроме хлеба и консервов, осталась пара потрошенных гусей и картошка. Той вместе с овощами килограммов шесть будет, – приподнял мешок егерь. – Негусто. Если кого-нибудь съедобного встретим, отпразднуем салютом из наших стволов, а пока нам надо решить, куда будем двигаться дальше. Я вчера повернул на восток. Надеюсь выйти в сторону Ветлуги, если будем держаться этого направления. С жильем на этой реке погуще, однако лес, как видите, начинает портиться. Места мне совершенно незнакомые, а километровку и компас я отдал мужикам при поисках и, как на грех, обратно не забрал. Да и не думаю я, что карта могла бы помочь нам сейчас... Ладно, доедайте, собирайтесь. А вам, ребята, придется потерпеть. Сегодня нам надо постараться выйти к людям, поэтому подстраивать скорость движения под вас, как вчера, мы не будем... Но если что – жалуйтесь. Жалобы будут рассмотрены в плановом, так сказать, порядке! Жалобщики – наказаны!

– Слушаюсь, мой капитан! – вытянулся во фрунт Тимка и отдал честь на иностранный манер.

– Кгх-х-хр... – состроил рожу егерь. – Руку к непокрытой голове в русской армии не прикладывают, кадет!

Тут уж и Вовка включился в игру, вытянувшись и отдав честь, прикрыв макушку другой ладонью.

– Эх-х-х, робяты! Мне бы вас годочек погонять, такие справные солдаты бы вышли! – улыбнулся бывший капитан.

– А что, Михалыч, – присоединился к игрокам Вячеслав и хитро подмигнул пацанам, – не стать ли тебе на время нашим командиром? Пока не выведешь? А звать мы тебя будем капитаном. Лесным. Лесной капитан – звучит!

– А вот стану, только слушайтесь, – вошел в роль новый начальник. – Рота, подъем! Стройся!.. Отставить! Разбирай пожитки и пешим порядком в колонну по одному шагом марш! Ать, два... Тронулись, значит.

Весело начав утро под неясные перспективы дальнейшего блуждания, пятерка затерявшихся путешественников лихо протопала часа три. Громко раздавались команды для «кадетов», взрослые вставляли веселые шуточки и вспоминали дела славной молодости и беззаботного детства.

Участников похода не смущали их ни скользкие овражки с мелкой порослью кустов, ни завалы из сгнивших деревьев, преграждавшие путь. Небольшие озерца обходились на раз, более продолжительные топкие болотца переходились с большей осторожностью.

Один раз Вячеслав чуть не попал в мочажину, привлеченный в стороне сочной зеленой травой, но вовремя отпрыгнул назад с внезапно провалившейся под его весом моховой кочки. За это он был подвергнут командиром нудной лекции о вреде глупости, а также о необходимости соблюдать интервал движения и не сходить с тропы.

Но в целом шли бодро и довольно долго.

Еще часа четыре, пока не выдохлись.

И уже начали присматривать место для небольшого роздыха, как впереди раздался рев кем-то потревоженного зверя.

– Николай, ты с детьми! Топор в руки! Вячеслав, заряжай жаканом, если есть, – ринулся вперед Иван, скидывая наземь рюкзаки.

Вовкин батя отрицательно покачал головой но, перехватив ружье, побежал за егерем.

Промчались метров пятьдесят.

Открывшаяся им на небольшой полянке картина заставила обоих на пару секунд застыть в оцепенении.

Огромный медведь нависал над повергнутым наземь человеком с залитым кровью лицом. В стороне оторопело стоял подросток лет двенадцати, одной рукой поправляя сваливающуюся на глаза холщовую шапку, а второй судорожно удерживая что-то похожее на копьецо с перекладиной пониже наконечника. Свое неказистое оружие он направлял на зверя, оперев торец в землю позади себя.

– Слава, у тебя ведь дробь? Стреляй в воздух! Только не в медведя, в того не вздумай, мы его не положим с нашим арсеналом!

Тут же прозвучал выстрел, и топтыгин соизволил обратить внимание на новых участников противостояния.

– Ты посмотри, какой здоровый... Если раздражим, то получим по полной программе!

Парнишка же просто уставился на них, приоткрыв рот и бросив заниматься своим головным убором.

Зверь несколько мгновений постоял, оценивая новых противников, отошел на пару шагов от распростертого тела и, слегка развернувшись боком к двум людям, издавшим такой грохот, приподнялся на задних лапах и протяжно заревел.

Видя, что это ничуть не повлияло на расстановку сил, медведь немедленно бросился в атаку.

– Слава, стреляй и перезаряжай! – во всю глотку закричал Иван, делая несколько быстрых шагов к медведю одновременно с выстрелом в воздух.

Бурый зверь тут же остановился, словно налетел мордой на незримое для него препятствие. Даже загромок хозяина леса как будто бы поднялся дыбом от такого движения.

После этого мохнатый великан медленно поднялся на задние лапы и боком пошел в сторону. Сделав несколько шагов, он опустил обратно на землю и стал медленно уходить в кусты. Пройдя метров пять, повернулся назад и еще раз заревел, вытягивая оскаленную пасть в сторону своих противников, а затем не спеша удалился.

Люди на поляне медленно проводили глазами грозного зверя, а затем еще несколько минут вслушивались в затихающий в стороне треск под лапами лесного исполина.

– Ну, ты гигант, Михалыч... Я думал, нам хана пришла, – напряженно выдохнул Вячеслав. – Ты же никогда не рассказывал о своих встречах с мишками...

– А я и не встречался с ними... так. Издали иногда видел. Знаю только, что бежать от него нельзя. – Егерь опустился на колено, опершись на ствол осины. – Не в службу, а в дружбу, Слав... Сбегай за Николаем с детьми, приведи сюда. Медведь вроде в другую сторону ушел, но так безопасней будет. И рюкзак мой тащи, а я пока посмотрю, что там с раненым...

Вячеслав рысцой убежал, а Иван поднялся, подошел к лежащему без памяти окровавленному человеку и помахал рукой подростку, застывшему с рогатиной.

– Давай подваливай, парень, поможешь! Как же вас угораздило на мишку нарваться? – егерь начал ощупывать раненого. – Давай-ка перевернем его на спину. Да ты помогай, помогай, что стоишь, как будто не понимаешь... От шока отойти не можешь, что ли? Так... дышит, ребра вроде целы. По крайней мере, он не стонет, когда его трогаешь. Ага, по морде лапа прошла, вон как кожа болтается. Сейчас ребята подойдут... ага, бегут уже. Слышь, Вячеслав, ты у нас ветеринар как-никак, обработай рану, а я сейчас парнишку поспрашиваю, где у них тут жилье! Раненого надо срочно нести к врачам... Хотя, может, его и нельзя тревожить, посмотри опытным глазом, я и пропустить что-то мог.

Михалыч повернулся к напуганному пареньку.

– Так, родимый, теперь с тобой... Как зовут? Откуда путь держите? Где тут у вас ближайшая деревня? Твоего спутника нужно в больничку доставить...

Тот переводил тревожный взгляд с одного лица на другое, остановился на мальчишках и, видимо, что-то для себя решив, закланялся в пояс и затараторил, невнятно при этом произнося половину слов. Сгрудившиеся вокруг раненого путешественники различали только некоторые, пробивавшиеся сквозь всхлипы, выражения.

– Спаси вас Христос, добрые люди... Мыслил, смертушка пришла от лютого зверя... Батюшка мой... век благодарить буду. Дай вам Бог доброе здравие на многая лета!

– Так, стоп, богомольный! – прервал его командирским рыком егерь. – Отвечай по существу, где ближайшее село?! Только нормальным русским языком говори, а не тем, которым пытаешься объясниться...

После десяти минут мытарств информацию мужики все-таки выудили, но пришли к мнению, что предки парня явно заблудились здесь несколько сотен лет назад, потому что тот отвечал с дикой примесью какого-то славянского наречия. Понятные выражения выглядели примерно таким образом:

– А? Э-э-э... Радиславом кличут... А весь у нас поставлена на Ветлуге... Сами мы с батюшкой по зиме белку промышляем на заимке... Ныне же сруб решили поставить, а сами мы с Переяславля, вольные людины... Я там и родился... Убегли со своей отчины, согнали нас вороги с родной землицы... налетели... и поча нарубати мужей лучших... Ну, мы и сбегли, уж не поубивали нас... Живем тут среди язычников...

– Чудно ты говоришь, добрый молодец, – подстраиваясь под Радислава, продолжил расспросы Иван. – Понимать мы тебя, конечно, понимаем, иногда, правда, через слово, а то и два, но... Врач у вас где? Доктор? Батюшку твоего лечить надо, а для этого лекарь нужен... Чтобы отец твой потом живой и здоровый бегал!

– Не совсем разумею... Нет у нас ни лекаря вашего, ни волхва, одни мы с батюшкой на полсотню поприщ. А до веси нашей идти целую седмицу. Сруб мы тут порешили заложить, да хозяин лесной не позволил.

– Так, Вячеслав, что у тебя?

– Вроде больше никаких повреждений не вижу. По голове лапой мишка заехал, кожу сорвал со лба. Иголка есть, с собой носишь?

– В рюкзаке, во внешнем кармане есть. Там в катушке с шелковыми нитками пара штук торчит. Тимка, пулей неси, – отдал приказание Иван. – А ты что, Вячеслав, хочешь ему лицо шить?

– Угу, сейчас в водке вымочу твою галантерею, да обработаю лицо... Красавцем, конечно, не будет, но в темноте никто не должен испугаться. Черт, водку взяли, а лекарства забыли...

– У меня остатки бинта и йод чуть-чуть есть в том же рюкзаке. Рожу себе расцарапал, перевязал да сунул туда... – Михалыч повернулся к ребятам. – Тимка, слышал? Тащи до кучи! Больше, правда, нет ничего, аптечку впопыхах выложил и забыл... Едрит твою медь! И карту и аптечку, а как раз понадобились позарез... Так, хлопцы, план такой – Вячеслав шьет и вызывает охотника... Как твоего батюшку зовут, богомольный?

– Антипом наречен.

– Так вот, Вячеслав лечит Антипа, а мы стоянку разбиваем. Таскать охотника никуда не будем, пока он в себя не придет. Давайте, ребята, на поиски воды. Николай, ты ружьецо Славино возьми, проводи ребят... Вы тоже, хлопцы, в пределах его видимости топчитесь... Шумите погромче, трещите сучьями, переговаривайтесь! Все по серьезному, без шуточек, уяснили? А я пока лапника нарублю да с местным населением пообщаюсь... Уж больно у них с отцом наряд интересный – лапти, онучи да копыя со стрелами... Старообрядцы-фанатики, затерявшиеся в ветлужских лесах? – пробурчал себе под нос Иван. – Ха! Дела наши грешные идут все страньше и страньше. Ну да про это я уже упоминал вроде...

Ручей мальчишки нашли довольно быстро и, утопив канистры в ямине, быстро их наполнили. Потом Тимка с отцом начали рубить лапник, собирать дрова, разводить костер... Вовка помогал неожиданно ставшему лекарем Вячеславу. Михалыч активно общался с юным охотником.

Другими словами, активно обустроивались.

Как-то плавно, без каких-либо неуместных обид или терзаний (почему, мол, не я?) все безоговорочно приняли, что старшим в их команде будет егерь. Отчасти потому, что тот был немного постарше Николая и Вячеслава, отчасти из-за того, что пользовался уважением на селе.

Возраст и положение всегда принимаются во внимание в такой тонкой штуке, как отношения между людьми.

Однако самым главным доводом был тот, что в Михалыче чувствовалась военная косточка. Человек не боялся принимать решения и брать на себя ответственность. А такое особо ценится в наш век, когда частенько мужики бегают от этой самой ответственности из-за своей лени, прячась за женским подолом и прикрываясь словами о равноправии и женском феминизме.

Да и выглядел капитан в отставке достаточно солидно – сухой, жилистый, среднего роста, с пробивающейся сединой на голове и шрамом в продолжение левой брови.

В общем, герой своего времени, как по заказу.

Вот только «морда лица» у него немного подкачала. Нет, не урод, но девки толпами не бросались, оттого и проходил всю жизнь холостым: где же в лесу суженую найдешь?

Поэтому, когда Иван позвал всех к костру чаевничать, оставив Радислава сидеть со своим отцом около наспех сооруженного ложа из лапника и одеял, все беспрекословно бросили дела и подсели послушать, что же командир узнал нового.

В конце концов, любопытство тоже сыграло свою роль. Недаром Вовка получил втык от отца за то, что постоянно отвлекался от операции, прислушиваясь к негромкому разговору егеря с юным лесным отшельником.

А вот вести, которые принес к костру командир, пришлись по нраву не всем.

– Он не один раз повторил, что весь, то бишь деревеньку, поставили переяславцы, которые снялись со своих родных мест из-за набегов половцев... – В этот момент Иван мотнул головой, будто сам не верил в то, что говорит. – Сюда они прошли водными путями практически через все земли Киевские и Черниговские, а также Рязанское, Муромское и Ростовское княжества. Шли Днепром, волоком через Болву к Жиздре, а далее уже в Оку и Волгу. Названия притоков могу соврать – названия слышу в первый раз, однако последний из них идет, как я понял, по землям вятичей. Прошли их малой кровью и хорошо, что только своей, иначе не выпустили бы их оттуда. В общем, настолько пострадались, что забились в самое глухое лесье. Как говорит подросток, – к язычникам, то бишь к черемисам.

– Да что ты за бред несешь, Михалыч! – сразу отрубил Николай. – Какое рядом Ростовское княжество, какое Рязанское? Половцы, черемисы какие-то? Этот парнишка просто сбрендил в своих лесах! Видимо, у этих лесных охотников история застыла на татаро-монгольском иге, и они до сих пор ее рассказывают своим внукам и правнукам! Такое ощущение, что они из леса тысячу лет носа не показывали! Хрень собачья!

– За что взял этот бред, за то и вам продаю! – повысил голос Иван. – А придумать такое в своем состоянии и при таком раскладе он не мог. Что скажешь ты, Вячеслав?

– Что тут скажешь! – пожал Вовкин отец плечами и посмотрел на радостно заулыбавшихся мальчишек. – Это ребятня забегает сейчас с горящими глазами. Как же, такое приключение, потом будет, что рассказать одноклассникам! Сначала в тайге заблудились, а потом такое! Только вот боюсь, что заблудились мы конкретно. А с учетом чудес, которые нас преследовали с самого начала, думаю, что обратно домой нам скоро не попасть.

– Люди у нас в лесу, случалось, пропадали... – неторопливо добавил Иван. – Что уж с ними происходило, один бог ведает. Судя по всему, мы тоже... попали в историю. Так что готовьтесь к самому неожиданному!.. А ты не шуми, Степаныч. Никто выводов пока не делает, может, все и образуется, но пока программа минимум – донести в целостности и сохранности охотника к их стоянке, предварительно подождя, пока он оклемается... если, конечно, оклемается.

А потом, может быть, организуем поход на Ветлугу. Посмотрим, что за весь такую они там поставили...

Глава 4

Старый новый мир

На второй день пострадавший охотник начал, не приходя в сознание, стонать, а под вечер очнулся и с трудом разлепил глаза. Обведя осоловелым взглядом открывшуюся ему поляну со множеством незнакомцев, он приподнял голову и попросил пить.

Вячеслав отправил его сынишку искать затерявшийся берестяной туесок, исполняющий роль стакана, а сам кинулся поправлять примочку с настоем цветков ромашки, собранных тут же на поляне. Раны на лице активно подсыхали, и он беспокоился, что охотник их свезет. Однако тот трогать ее не дал, пока его мутный взор не остановился на лице отпрыска. Только в этот момент он успокоено откинулся обратно и дал поправить сбившийся компресс.

– Ну вот, очнулся, а ты боялся, что не оклемается, – засуетился вокруг больного отрядный ветеринар, обращаясь к Радиславу. – Ничего, будет жить, если не помрет...

– Слав, ты чего? – вскинулся Иван.

– Да шучу, шучу я, – поправился сразу тот, разглядев встревоженное лицо отрока, понявшего смысл его слов. – Не бойсь, если очнулся твой батя, то в голове уже все по местам встало. Поправится.

Радислав после этих слов немного успокоился и начал откликаться на задаваемые ему вопросы. А тех было много. Делать было особо нечего, и путешественники начали всю выпрашивать парня про его житье-бытье. Понимали они его с середины на половину, но это только подогревало их любопытство.

Сам он тоже спрашивал, в основном его интересовала одежда незнакомцев, ружья, назначения которых он так и не смог понять, и почему-то вопросы религии.

На его просьбу перекреститься сразу отозвались Николай с Тимкой и, немного погодя, Иван. Причем последний сделал это двуперстием, оценив недоуменный взгляд Радислава, брошенный на первых двух «верующих». Достав же вслед за этим крестик на шнурке, егерь еще и заслужил одобрителный кивок со стороны паренька.

Также удивился Радислав отсутствию бороды у мужиков. Подбородки, конечно, заросли щетиной – кто же в тайге будет бриться? Но по сравнению с окладистой «лопатой» его отца это выглядело как-то несолидно, что вызывало у пацана некоторое недоумение и новые вопросы.

Однако времени на их удовлетворение хватало, поскольку больших дел у остановившихся на привал путников не было. Едой они неожиданно оказались обеспечены.

Охотники перед самым столкновением с медведем завалили сохатого, из-за которого, скорее всего, у них и разгорелся спор с мохнатым хозяином леса. Завалили того двумя стрелами, одна из которых торчала в нижней трети груди, а вторая в шее.

Иван с Радиславом после упомянутого чаепития как раз и занялись его разделкой.

Лося перевернули на спину, закрепили его в таком положении лежащими неподалеку бревнышками, а потом егерь начал разрезать шкуру от гортани до кончика хвоста, а парень – пялиться на его нож, не сводя своих горящих глаз. Через некоторое время малец все-таки очнулся и стал помогать вспарывать кожу ног, после чего, соединив разрезы, взялся стаскивать шкуру. Содрав ее и расстелив, вспорол брюшину, вытащил желудок, подрезал на шее пищевод с трахеей и через отверстия между ребрами вытащил все это в грудную клетку.

Потом парнишка под оторопелыми взглядами Вовки и Тимки, наблюдающими за его сноровкой с восхищением, оттащил внутренности в сторону и там уже отделил на траве съедобные части, завернув их в подросшие листья то ли лопухов, то ли другого какого растения.

Все это молодой охотник проделал, едва не свернув себе шею в сторону отошедшего к костру Ивана. Его горячие взгляды так явно прожигали спину егеря, что тот по завершении церемонии разделки торжественно преподнес Радиславу свой нож в подарок. Паренек густо

покраснел, поняв, что фактически выпросил оный предмет своими пламенными взглядами, но от дара отказываться не стал.

Иван же объяснил потом, что этот довольно затрапезный ножичек специально выпростал наружу для таких целей, а свой рабочий, принесенный еще из армии, не собирается никому дарить или менять в сложившихся условиях. Пригодится еще.

Парнишка же, видя, что об отце его заботятся, и окончательно растаяв от вожделенного подарка, перестал обращать внимание на необычный вид незнакомцев. А уж признав в них христиан, перестал скрывать все подробности своих походов и переселения в данную местность.

Как и прежде, не все из речи Радислава было понятно, но через некоторое время ухо уже привыкло к славянскому наречию, и большинство его слов, хотя далеко и не все, постепенно стали укладываться на привычные понятия и выражения.

Причин ухода переяславцев из княжества было несколько.

Во-первых, непрекращающиеся половецкие набеги, приносящие с собой разорение деревень в округе, пепелища и смерть родичей. Несмотря на удачные ответные карательные рейды, породнение княжеских семей с половецкими ханами и использование степняков в княжеских разборках, покоя на границе переяславского княжества не было.

Половецких орд в степи насчитывалось более дюжины, а уж более мелких родов, не входивших в крупные племенные союзы, и того больше. Не замиренные родством или мечом степные грабители совершали стремительные наскоки, убивали или уводили в плен захваченное население, продавая его на рынках Крыма или возвращая обратно на Русь за выкуп.

Поэтому община (а именно так перевели слово «вервь», употребленное Радиславом) в составе нескольких весей решила бросить полусожженные после очередного набега хозяйства и уйти на поселение в сторону Ростовского княжества, на северо-восток. Люди были все вольные, скреплены родственными связями, а поскольку никаких долгов перед князем они не имели (кроме ежегодного урока и воинской повинности в качестве пешего войска им ничего не назначали), проблем с уходом у них не возникло.

Второй причиной была смерть ранней весной переяславского князя Святослава Владимировича.

С датами у Радислава не складывалось, поэтому он даже год от сотворения мира не мог назвать, не говоря уже о летоисчислении от рождества Христова, но имена князей, названия княжеств, городов и рек перечислял довольно бойко.

Из-за этой особенности отрока Иван с Вячеславом никак не могли привязать к дате описываемые им события, хотя уже понимали, что закинуло их довольно далеко. Может быть, даже в тот же самый мир, если, конечно, Радислав не сошел с ума.

Кстати, именно версии о безумии подростка придерживался Николай, не желая даже вступать в обсуждение чего-то другого.

Еще одну интересную теорию подсказал Тимка, признавшись, что молодое деревце, на которое он налетел, было молодым дубком.

Если предположить, что на пару дней на поляне открылся какой-то временной тоннель, о которых так любят говорить в фантастических фильмах, то Тимка, попав в него, сломал третий дуб в его деревянном младенчестве. И вернувшись на поляну, выросшего дерева он, конечно же, не увидел.

После таких рассуждений Николай обозвал всех дураками, отобрал у мальчишек самострел и удалился разбираться с продуктом детского творчества. Оставшиеся лишь пожалели плечами и продолжили допрашивать Радислава, который ничего не понял в их пространственных рассуждениях о тоннеле.

Это было неудивительно, половину употребленных слов мальчонка слышал в первый раз.

Так или иначе, но упомянутая им смерть князя являлась определенной вехой во временной привязке, хотя про него самого никто из выспрашивающих и слыхом не слыхивал.

Между тем рассказ Радислава все длился, и история обростала новыми подробностями.

Как оказалось, довольно долго князем переяславским был Владимир Мономах, но после того как тот перебрался в Киев, городом и окрестностями стал управлять его сын, Святослав.

Однако это правление было очень коротким, спустя год он умер и на княжество сел его младший брат Ярополк.

И его приход непосредственно затронул настрой верви.

Спустя короткое время у небольшой части старой дружины возник конфликт со ставленниками нового хозяина Переяславля, в результате которого полтора десятка воинов разорвали свой договор с князем. Единственный десятник из разорвавших роту имел родню, давно уже осевшую в названной верви и община обзавелась профессиональным сопровождением. Часть его потом осталась в Суздале, а семь ратников, уже насытившихся службой, решили влиться в ряды переселенцев.

Сколько всего человек отправилось в путь на следующий после конфликта год, Радислав точно сказать не мог, потому что к ним прибавились еще попутчики из близлежащих земель. Однако вышли общинники на четырех огромных досчаниках и семи насадах¹, из которых только три последних были куплены, остальные же суда просто наняты у переяславских купцов.

Не мог Радислав подсчитать и общее количество людей, осевших в веси, однако уверял, что точно больше двух с половиной сотен. И это не считая малых детей до четырех-пяти лет.

Большую часть общины составляли именно бабы и дети, оставшиеся без кормильцев. Тем не менее защитить поселение все-таки было кому, многие из мужей верви до этого числились в пешем ополчении. И именно их наличие перевесило при решении вопроса, где обосноваться и строить жилье.

Еще в пути большинством голосов общинники решили идти не под князя, а отправиться на новую землю, еще не обложенную погостами. Таковую, занявшись расспросами по пути в Суздаль, нашли на реке Ветлуге, где обитали черемисы и остатки вытесненных ими отсюда на реку Вятку отяков.

Рядом, чуть западнее, а также в самих суздальских землях жила мера, а если от устья Ветлуги перебраться на другой, правый берег Волги, то можно было столкнуться с мордвой.

Черемисы тоже обитали по этой стороне реки, и часть их селений доходила почти до ростово-суздальских земель, платя дань этому княжеству. Вниз же по Волге и частично в низовьях Оки черемисы были уже под пятой Волжской Булгарии.

А тут, в Поветлужье, рассудили переяславцы, ни то, ни се. Если обоснуемся без ссор с соседями, то заживем без пригляда, а будет плохо – уйдем в верховья Ветлуги, куда почти дошло своими восточными границами Ростово-Суздальское княжество, и чуть севернее которых была зона влияния Великого Новгорода.

Чесал языком Радислав так хорошо, что Вячеслав на ухо командиру высказал сомнение по поводу излишней доверчивости рассказчика к незнакомым людям, особенно в такие времена и при таком его положении. Это, конечно, если принять за истину, что они попали именно туда и в то время, про которое рассказывал отрок.

¹ Досчаник (дощаник) – плоскодонное палубное судно, использовавшееся главным образом для транспортных целей на большинстве рек. Впервые появились в древнем Новгороде в XII–XIV вв. Строились полностью из досок и не имели обычной для того времени выдолбленной из дерева основы. Насад – небольшое речное плоскодонное беспалубное деревянное судно, обшивка корпуса которого образована путем насадки досок продольными кромками на специальные шипы. Подобную обшивку (без напуска досок друг на друга) принято называть обшивкой *вгладь*. Суда, обшитые внакрой (с некоторым напуском досок), назывались *набойными*.

В ответ на это Иван также тихо ему ответил, что за болтливый язык тому еще от отца попадет, когда тот очнется. С другой стороны, Радислав не сказал ничего такого, чего не могли бы знать соседи переяславцев. А на особого хитреца, заманивающего незнакомцев в ловушку, паренек явно не был похож.

Вышло немного не так.

Когда больной охотник понемногу стал подниматься, а это случилось на третий день, то первым делом он попросил сына сопроводить его в кусты, а оттуда уже донесся приглушенный гневный шепот и звук затрешины. Вячеслав с Иваном с улыбкой переглянулись, но вышедший из кустов отец Радислава первым делом, пошатываясь, поклонился и представился.

Речь его была еще непонятней, чем у сына, но основное можно было разобрать, тем более что за пару дней к некоторым языковым особенностям местного говора все уже привыкли.

– Здраве будьте, добрые люди. Кличут меня Антипом, охотник я, сын кузнеца нашего, Любима. Благодарствую за то, что спасли жизнь мою и кровиночки моей. Благослови вас Бог! И прощения прошу за отрока сего... Не отблагодарил он вас за спасение... – Антип бросил косой взгляд на Радислава, – и не отдался за подарок ваш. Не побрезгуйте в свой час отведать гостеприимства нашего...

– Ты садись, садись, Антип, – кинулся Вячеслав к нему. – Нельзя тебе еще головой-то так мотать.

– Спаси тебя Бог, лекарь, не ведаю твоего имени. Что понял я в беспамятстве, за то и повинился, но имен ваших не расслышал.

– Вот наш командир... э-э-э... воевода, скажем, так, – Вячеслав неудачно попытался перевести на старославянский язык статус «лесного капитана». – Иван Михалыч зовут его, а мы коротко называем Михалычем или егерем.

Иван слегка наклонил голову, не пытаясь оспорить ни своего нового положения, ни попытки Вячеслава говорить от имени всех. Далее Вовкин отец представился сам, а также назвал Николая, ковыряющегося в отдалении, и ребят, отиравшихся около него.

– Невместно мне спрашивать у спасителей своих, откель вы, но Радькой сказано было, что братья вы нам по вере. Да и сам я просил вас ужо гостеприимство мое принять... Но вида вы зело странного, и спросов тьма будет у общины нашей.

– Не изволь беспокоиться, Антип, – перебил его Иван, беря разговор в свои руки. – Что можем, то расскажем, а о чем умолчим, о том не обессудь. Откель мы? Хм... Издалека, не поверишь... Вовка, подь сюда. Вот ответь на вопрос, откуда мы все, что нас объединяет? Так, чтобы одним словом объяснить, мне самому интересно. А тебе будет проще понять, Антип, если дите об этом скажет...

– Откуда? Ну... я сам из города, из Нижнего, а остальные из деревни. А одним словом? Ну... река нас объединяет, вдоль по Волге живем, я чуть выше, а остальные чуть ниже... не знаю что сказать, Иван Михалыч.

– По Волге? Поволжские земли, знать? – Антип, озадаченный ответом, покрутил головой. – Тока там в низовьях нехристи одни... Разве что в верховьях Волги реки? Но о городе таком я и не слыхивал...

– Нет, не в верховьях, а живут... жили у нас не только нехристи. А насчет названия... Волжанами нас зови, – даже обрадовался егерь, отойдя от опасной темы. – А то, что ты города нашего не знаешь... Да нет больше его!

– Нешто ворог пожег? Али другая какая беда?

– Считай, что как не было его, – туманно ответил Иван. – А вот про нас разговор особый. У себя я был, скажем, не воеводой, а чуть пониже... ушел на покой в чине сотника, если по-вашему. Но то дело прошлое, да и наука моя воинская сильно отличается от местной. Так что по некоторым вещам меня и за дитя неразумное принять можете, а в некоторых я вам фор... пример покажу. Остальные люди – мастера своего дела, скажем так. Пришлось нам покинуть

наши земли, и назад возврата, судя по всему, для нас нет. Ищем мы место, где осесть можно, да осмотреться вокруг. Можешь ли подсказать такое?

– А... могу, пожалуй, – немного приосанился Антип, поняв, что у него появился повод отдариться. – И ранее христиан в вервь нашу в княжестве Переяславском принимали, не чурались. По границе жили, рукам для меча и для сохи всегда дело находилось, а уж ныне... Ныне среди язычников живем, народ чуждый и языка не знает нашего... Таки мыслю я, что мужи сильные и христиане православные в общину нашу с честью могут войти. Обещать не могу, но слово свое за вас скажу...

– А живете как?

– Живем? Непросто нам живется... Выкупили мы землицу для веси у ветлужского кугуза, князька местного, токмо поклониться ему весомо пришлось мечами да бронью, себе почти ничего не оставили. А оружие не помешало бы. Хоть торговлишка наша соседям лишь выгоду несет, а сторожиться все одно приходится. Людишки тут дикие и воинственные, иной раз глядят косо, а кугузу не всяк из них подчиняется. Кто-то помыслить может и на копье нас взять. Ладно, что железо здесь худое, мечи... дрянь мечи, одно слово, но и костяными стрелами ежели забросать, так смертушка многим придет...

– Кугузу подчиняетесь?

– Владычества над нами нет ни у кого! Тут все так и черемисы в том первые! Разве что те из них, кто повыше устья Оки сидят, суждальцам белкой отдают. А до этих мест руки еще у Суждали не доросли.

– Суждали?

– Да хоть так, хоть Суздалью ее величай, все едино. Если у черемисов погостов нет, то нас тем паче не тронут, православные мы. Разве что болгарцы, но те тоже неблизко... Ох... Ажно в глазах потемнело.

Вячеслав бросился к пошатнувшемуся больному и Иван свернул разговор.

– Утомили мы тебя, Антип. Отдыхай! Спасибо тебе за приглашение, каким бы боком потом оно нам ни повернулось... А мы пока меж собой обсудим дела наши скорбные... Отдыхай!

Иван отошел в сторону, помахав рукой Николаю и прихватив с собой за локоть Вячеслава.

Разместившись на бревнышке импровизированной скамейки, уже устроенной на месте ночлега, и подождав, пока все собравшиеся разместятся, егерь начал:

– Ну, братцы мои дорогие, как говорится... помешательство не может быть групповым. Или может, но не такого качества. Слышал, Николай, что нам Антип пел?

– Слышал краем уха, – мрачно пробурчал тот.

– Так вот, господа попаданцы, если все это правда, а к этому все и идет, то дороги нам обратно не найти. По крайней мере, сейчас, в нашем состоянии. Патроны кончатся – и хана. Медведь задерет или дикий абориген на шкуру подстрелит. И так, правда, подстрелит – не удержится от соблазна чужаков приветить. Но даже если дойдем обратно и найдем то озеро, то кружить около него и надеяться, что этот тоннель еще существует, можно бесконечно. Я уже недавно сформулировал программу минимум, теперь лишь повторяюсь. Предлагаю выходить с охотниками к этой веси. Надеюсь, ради нас они прервут на несколько дней свою попытку устроить тут зимовье. А там уж как-то попытаемся влиться в общину, будем потихоньку познавать окружающий мир.

– Мне тут вот такая мысль пришла, – решил присоединиться к егерю в своих рассуждениях Вячеслав. – Если мы верно рассудили насчет третьего дубка, то наше малейшее действие здесь может так сдвинуть историю, что если даже мы вернемся, то это будет, скорее всего, уже другой мир. Спасли охотников? Считайте, уже все. Если они вернутся обратно к себе, то любое их действие и даже любая встреча может вызвать такой вал изменений, что мы уже не должны

будем в будущем родиться. Вот так-то. И даже если не выйдут, то не факт, что все останется по-прежнему... Кто теперь знает, как должна была закончиться их встреча с мишкой?

– Итак, голосуем: кто за то, чтобы идти в весь? – решил подвести итог Иван.

Все мрачно, поглядывая друг на друга, потянули руки. Даже Николай поднял руку с зажатым в ней топориком. Вроде совсем недавно все с удивлением, даже иногда с улыбками слушали, как Радислав и Антип рассказывали о своих приключениях. А теперь, после констатации факта, что они попали в совершенно нестандартную ситуацию и идет речь уже об их жизнях, подавленное настроение опустилось на всех собравшихся без исключения.

– Ты верно сказал про общину, Михалыч, – решил прервать затянувшееся молчание Вячеслав. – Только вот возьмут ли нас? Как бы Антип за всех ни просил, решающего слова он, вероятно, не имеет, так? – Вовкин отец дождался ответного кивка и продолжил: – Надо подумать, что мы можем предложить этим людям. Не только наши жизни и труд. Взять-то, может быть, они и возьмут, но распоряжаться без нашего спроса потом ими будут...

– В этом ты прав, Слава, очень прав, – согласился Иван. – Ну, так давайте и выскажемся, что каждый может предложить. Тимка? Вовка?

– Э-э-э-э... Ружья у нас есть! – выпалил Тимка. – А еще зажигалка и... еще разные вещи, вот!

– Эх, Тимка, – прервал его друг. – Патроны если кончатся, то новых не сделаешь. Пороха еще нет, наверное, раз луки, копья и мечи у всех. Газ для зажигалки тоже негде взять... А вот знания у моего папы и твоего есть. Мой лечить умеет, а твой в технике и кузнечном деле разбирается. Вот!

– Прав ты, сынок, конечно, – согласился и одновременно возразил Вячеслав. – Только вот для лечения лекарства нужны, которых здесь нет, да и пользую я буренок и другой скот, людей врачевать не приучен. Травы, конечно, знаю, как только не приходилось выкручиваться в свое время, но...

– Но анатомию человека знаешь, – поправил его егерь. – Пластическую операцию обычной иглой-ниткой провел. Даже не дрогнул, когда шил раненому лицо, да и сам ты это решил, а не просьбу мою выполнял. Так что каким-никаким, а лекарем в этом времени ты должен быть неплохим. Все-таки ветеринарный кончил, и практика была большая. А уж со скотиной, – улыбнулся он попытавшемуся возразить Вячеславу, – ты царь и бог. Так что один плюс у нас есть.

– Э... ладно.

– Дальше. Картошка, ребята. Мы ее совсем не трогали и не надо. Раньше вместо нее репу выращивали. Не знаю как вам, но я в сыром виде сей овощ погрызть могу иногда, однако с картофелем ее даже рядом не поставишь. Морковь, чеснок и лук я тоже у вас в котомке видел. Уху мы так и не сварили. Чеснок вроде раньше был: «стоит в поле бык печеный, в одном боку нож точеный, а в другом – чеснок толченый». Вопрос, какой? Насчет лука и моркови не скажу, надо смотреть.

– Это два! – загнул пальцы Тимка.

– Ружья и патроны бережем. Вовка правильно сказал, что пороха еще нет, разве что в Китае. В любом случае, даже если мы вспомним простейшую технологию изготовления пороха, – Иван с печальным сарказмом оглядел собравшихся, – то для этого огнестрела наши знания все равно не подойдут. Так что не будем о невозможном! Задачи у нас другие стоят сейчас, в первую очередь – просто выжить. Так что бережем оружие на крайний случай. В лес в одиночку сходить, к примеру, или пугнуть кого грохотом. О том, что это такое, аборигенам пока не рассказывать, лады? Что еще, кроме лечения скотины и овощей?

– Нет, на лечение овощей я не подписывался, – засмеялся Вячеслав.

– Ну, вот, уже веселее стало... Что еще?

– Ну, племенной отбор для скотины организовать я могу, – добавил новоявленный лекарь. – Но это вещь долгая, в копилку средств выживания не пойдет.

– Угу. А ты, Николай?

– Наконец-то и до меня очередь дошла. Гхм... Значится так, в первую очередь нужно с отцом Антипа поговорить – может, я что могу здешним умельцам подсказать. По закалке там, ну... по кузнечному делу. Если надо механизацию какую, водяной молот схимичить, то это тоже ко мне. Смогем, я думаю. Сокровищ со дна морского я вам не обещаю, каменного угля на Ветлуге нет, да и руд железных здесь, окромя болотных, никогда не было, но качество изделий улучшить попробую. Хотя я думаю, что местный кузнец тоже не лаптем щи хлебает...

– Ну вот, Коля, а то все молчал да ворчал, – подбодрил Николая командир. – А как советовать, так нас всех обскакал!

– Обскачешь вас... на кривой козе. Это было третье, значит. Дальше. Гончарное дело, плошки всякие, горшки. Это наверняка в хозяйствах есть, но есть ли гончар среди переселенцев, еще нам неизвестно. А в гончарной печи как раз можно цементацию проводить, ну... качество железа улучшать. Так что можно это дело совместить. Глина в этих местах есть, а вот какая... нужно руками щупать. Она ведь разная бывает – для горшков одна, а для цемента, к примеру, известковая должна быть, мергель² называется. Хотя он тоже разный бывает, уж и не знаю, был ли в нашей местности. Ну, да это я далеко забежал... Что я хотел... да вот... для кирпичей тоже особая глина нужна. Раньше плинфу³ тоже делали, но опять же...

– Че делали, пап?

– Плинфу, кирпич такой плоский. Так вот я и говорю, опять же надо знать, есть ли специалист по кирпичам. Все-таки глину надо особо подготавливать. Раньше ведь ее как делали? На зиму оставляли в кучах, чтобы после замораживания она потрескалась, и с нею работать легко было, а при таянии снега из нее соли вымыло. Далее ее дробили и с песком мешали. Целый процесс. Но если народ только-только переселился, то материал такой опять же нужен будет позарез... Но тут я, как говорится, могу только советами: руками не делал – незачем было.

– Вот и четыре, вот и пять, – задумчиво произнес Иван. – Это уже надо просчитывать, хотя совместить было бы приятственнее. Уголь жечь все равно надо – что для кузни, что для керамики, что для кирпичей. И печи нужны. Опять же из огнеупорного кирпича...

– И в каждый дом русскую печку поставить, – добавил Вовка. – А то ведь топят здесь по-черному, наверно.

– Это да. Только русская печка вначале тоже топилась так же, – заметил Вячеслав. – Кстати, читал забавную вещь в какой-то газетенке. При Петре Первом вышел указ, запрещающий строить курные избы, ну... избы, топящиеся по-черному. Но крестьяне все равно так строили. И не только в силу традиций, но и якобы потому, что считалось – в курной избе и эпидемий всяких нет, и болеет человек меньше. Объясняли ученые потом, что, мол, черный дым под потолком – это как дезинфекция помещения. Уж не знаю, правда ли... Кстати, про инфекцию. Пока не притремся, старайтесь в близкие отношения, – новоиспеченный лекарь хмыкнул, посмотрев на мужиков, – ни с кем не вступать. Да и кашлять старайтесь в ладошку. Мы хоть и не городские, но вирусов, чуждых нашим предкам, у нас хватает. Кстати, я первым делом травки буду собирать, какие вспомню: лечить-то здесь больше нечем. А насчет печи для каждой избы... Это же сколько, Степаныч, кирпича нужно?

– Да куба два-три на один дом, – замялся на пару секунд Николай. – Это если по уму делать. Так что не знаю, справимся ли... Даже если помощь будет от общества. Все расчеты надо подробнее потом обсудить.

² Мергель – известковая глина.

³ Плинфа – название плоского кирпича в старину.

– А мы еще обучать можем, – вскинулся Вовка. – Чтению там, письму, счету, географии. Правда, алфавит, наверное, здесь другой, но математика та же.

– И математика другая, Володь, – возразил ему отец. – Считают-то, конечно, десятками и сотнями, но вместо арабских цифр раньше у нас пользовались буквами. А уж рассказывать им про круглую землю... Это может и костром пахнуть.

– Вряд ли... Инквизиции у нас не было, – встрял Иван. – Хотя с этим, конечно, поосторожнее. Однако все равно Вовке плюс за идею! Грамотных здесь почти нет. Если брать самую вервь – разве что из дружинных кто письмо знает. А считать тот же товар и вести записи можно и по-нашему, лишь бы правильно было. Так что... шесть! А там, глядишь, народу понравится наша грамота, особенно если людей с чистого листа начинать обучать, не ломая старых представлений. Тогда наша наука дорогого будет стоить. И это будет самый большой плюс в нашу копилку... Да и в копилку этого мира!

Глава 5

Хозяева веси

Вовка на секунду остановился, чтобы перевести дух.

Оттерев капли пота со лба, он поднял взгляд, чтобы проводить удаляющуюся Тимкину спину, и едва успел подставить руку под распрямившуюся еловую ветку, метившую ему прямо в лицо. Однако еще один жесткий колючий прут, прилетевший с другой стороны, прошелся метелкой по щеке, расцарапав ее в кровь. Устало вздохнув, Вовка оглянулся на замыкающего растянувшуюся колонну егеря и двинулся нагонять спутников.

Охотники вели волжан пятый день, выбирая по одним им известным приметам дорогу через сплошной массив смешанного леса. Мальчишки уже покрылись паутиной и мелким лесным мусором с головы до ног, ноги их заплетались сами собой, а усталость всей тяжестью навалилась на плечи, хотя Вовка с Тимкой и старались не показывать виду, что идут на последнем издыхании.

Причина этого шла немного впереди и, поглядывая на них время от времени, ехидно ухмылялась.

Однажды вечером, перед самым выходом в сторону веси, Радислав снял свою непослушную холщовую шапку, прикрывающую голову от лесного мусора, тряхнул головой и...

И откинул русую косу на спину, тряхнув бляшками венчика, придерживавшего до этого момента волосы под головным убором.

Вот те и Радька, оказавшийся Радой, девчушкой с темно-синими, чуть раскосыми глазами, на которых прежде никто и внимание заострять не собирался.

Антип только хмыкнул, глядя на остолбеневших мужиков и ребят. Видимо, не они первые попадались на удочку переодевшейся в мужское платье девчонки.

Причина такого маскарада была понятна. Для Радки было безопаснее играть роль мальчишки в сложившейся ситуации. По крайней мере, пока отец не очнулся и не встал на ноги. Все-таки трое взрослых незнакомых мужиков.

Сама же Радка объясняла потом ребятам, шагая рядом с ними по пружинящему блекло-зеленому мху, что в лесу одеваться в мужскую одежду удобнее. А без леса ей жизни нет.

Мать у нее года два как лихоманка забрала и на женской половине обитает она одна. Не с дедом же в кузне ей все свое время проводить! Тот ведь чуть ли не живет около своего горна. Да и не хочет она без отца долго оставаться, а он у нее пропадает на охоте большую часть года.

Про бронзовый венчик она тоже рассказала. Как он называется и что бляшки у него навешиваются по количеству исполнившихся годков. Оказалась она ровесницей ребят – ей тоже было почти двенадцать лет.

Антип как-то на привале тоже коснулся этой темы, посетовав на то, что девчушка растет без женского догляду, но признался, что уже привык к тому, что она везде его сопровождает. Даже когда он уходит в лес на месяц-другой.

Конечно, бабы в веси осуждали его за дочку, за то, что позволил ей заниматься мужскими делами. Однако Антип отмахивался от них обещанием отдать им Радку в обучение, как только упадет у нее первая кровь. Только чему уж больно мудреному они могут его дочурку научить? Да и станут ли передавать ей все свое умение, как родной крови? Готовить она умеет, в походе все на ней, одежду тоже аккуратно латает. А уж прясть да вышивать – дайте срок, научится зимними вечерами!

Так что легконогая Радка, неслышно ступая то по моховой глади края болота, то по свежей траве, скрывшей своими стрелами прошлогоднюю листву, радовалась последним месяцам своего вольного существования, то и дело обгоняя уставших мальчишек и искоса стреляя в них озорными бесенятами глаз.

Ей нравилось чувствовать себя опытной охотницей по сравнению с ровесниками. Перед кем же ей еще хвастаться своей пружинящей походкой и выносливостью? Не перед мальчишками же в веси, которые то и дело ее обзывают то бабой в портках, то мужиком в поневе, хотя собственно до поневы она еще не доросла, ничего не нося дома, кроме длинной рубахи.

На самом деле шли путники не очень быстро. То и дело останавливались, когда Антип лазил по деревьям и делал зарубки в случае присутствия непустой борти. Однако ребята подозревали, что он останавливался не столько для поиска пчел, сколько для того, чтобы они могли перевести дух.

Во время одной из таких остановок охотник поделился, что землянку для зимнего промысла он действительно хотел выкопать в нескольких днях пути от веси, но основной целью было разведать по поручению десятника, что за земли лежат в глубине таежного ветлужского леса, какие соседи здесь живут, не следует ли их опасаться.

Второй год их проживания здесь кончается, неотложные дела сделаны, пора уже и осмотреться.

Наконец в полдень, на одном из привалов около небольшой лесной речки охотник объявил, что подойдут к веси они сегодня в двенадцать часов дня. На недоуменное восклицание по поводу того, что полдень уже минул, Антип только пожал плечами.

– Истину глаголите, полуденное время ныне. Однако двенадцать часов наступит не скоро. Нешто по солнцу не видите? Около пяти часов придется еще идти.

Как оказалось, сутки в исчислении охотника и, видимо, остального местного населения делились на две части: светлую и темную, день и ночь. А часы считались от начала каждой. Поэтому когда Антип говорил, к примеру, что встанет на дневку в пять часов дня, это означало что произойдет данное событие через пять часов после восхода солнца, а не по механическим часам, демонстрация которых оставила его равнодушным.

Зачем, мол, нужны такие безделицы, да еще и в лесу? Правда, признал, что таких занятых вещиц не видел отроду, и посоветовал их спрятать, чтобы не вызывать дополнительных вопросов. И так уж слишком вид необычный.

При подходе к веси путники уже шли по еле заметной тропинке, которая вилась вдоль берега той же лесной речушки с крутыми берегами, местами соединенными меж собой поваленными друг на друга деревьями.

Впереди уже появился просвет, обычно предшествующий водной глади.

Внезапно кусты впереди зашевелились, и из-за них томной ленивой походкой выступила фигура небольшого росточка, глухо позвякивающая железом.

– О! Нежданные гости к нам пожаловали, сам Антип со своей дочуркой. Ох, да вы никак полон привели!

Голос оказался неожиданно густым по сравнению с гибкой, почти юношеской фигурой.

– Признавайся, Перун тебя одарил божественной силой, дева-воительница?

Оскалясь, воин шагнул к Радке и расставил руки в стороны, преграждая путь сгрудившейся за ней колонне.

– Не ты ли взяла на меч сего великана, славная дева? И остальных?.. Нет! Они просто испугались твоего грозного вида и сами попросились быть твоими холопами! Но где же твое оружие, пресветлая перуница?

– То гости мои, Свара, – выступил вперед Антип. – Животом своим обязан я им.

– А ты никто не спрашивал, смерд.

Бесцеремонно отстранив Радку и Антипа, воин в короткой кольчужке и шлеме с острым верхом и ниспадающей бармицей ступил в сторону Николая.

Степаныч был действительно здоров по сравнению со своими спутниками.

Высокий, под сто девяносто сантиметров, с круглым лицом, заросшим щетиной, могучими плечами и большими кулаками, испещренными шрамами и ожогами, он производил впечатление того самого отпугнутого выстрелами медведя.

Недаром Иван оставил его тогда присматривать за детьми: с таким богатырем им было явно спокойнее. Как рассказывал сам Николай, он и подался в кузнецы, чувствуя, что есть у него силы справиться с молотом и железом.

Сейчас же он растерянно моргал глазами, осознавая, что с приближением этого смуглолицего остроносого воина, поигрывающего рукой на оголовье меча, все слова его земляков о переносе в прошлое, от которых он до этого хотел отгородиться, сбываются.

При этом Николай особо не понимал, что говорит этот человек, кговору которого он еще не привык. Если Антип и Рада еще как-то старались подыскивать нужные слова, когда видели, что спутники с тоской вслушиваются в их речь, то воин говорил как привык, по незнанию не делая поправки, что его могут не понять.

Да и вел он себя как полноправный хозяин, сразу подойдя и начав ощупывать его рельефные мускулы. Хорошо еще, что в зубы не заглянул. Николай брезгливо стряхнул его руку и отодвинулся на шаг.

– Ох, добрый работник будет. Гривну дам... Нет, сорока кун хватит. Как, воительница? Вместо бронзового серебряный венчик носить будешь, а как поневу оденешь – за себя возьму. А откажешься отдавать, так сам охолоплю такого медведя, – продолжал воин, наматывая круги вокруг стоящего столбом Николая.

– Сказывал я тебе, что гостями они пришли в весь нашу. Окстись, Свара! – вскинулся Антип.

– Отведи ты их ко мне на двор дружинный, смерд, я найду им работу, – наконец повернулся к охотнику тот, не обращая никакого внимания на его слова.

Поняв, что пропускает самое интересное, Иван влез между Николаем и Сварой, ощутимо подтолкнув последнего в плечо. Не успела ярость перекосить лицо новоявленного хозяина, как егерь слегка поклонился тому.

– Исполать тебе, славный воин, – употребил он недавно узнанное от Антипа словечко. – У нас говорят, что «не запрягши, не погоняют». А ты уже место нам определил? Своей волей мы пришли, как гости, – подчеркнул он еще раз сказанное прежде охотником. – В полон ты нас не забрал, так что мы еще разберемся, кто кого охолопит.

Свара неожиданно подобрался, резко перейдя от своей расхлябанной походки в стойку дикой кошки и буквально подпрыгнул к встрянувшему незнакомцу, который был выше него на полголовы, и вперил в него немигающий взгляд.

– В чем же дело стало? Меч при мне. Тут же и решим.

– С мечом? Нападать на безоружного, бездеспешного человека? За что же чествовать тебя будут потом твои соратники? Хотя если ты хочешь... – протянул Иван.

– И как же ты желаешь волю божью испытать?

– Нож возьми, кольчуга на тебе, а я – так... голыми руками.

– Ты сказал, все слышали. Побью – холопом пойдешь.

– А если я тебя, то ты ко мне?

– Кха! – коротко то ли хохотнул, то ли каркнул Свара. – Воин к смерду? Я тебя просто отпущу, но ты на это напрасно надеешься...

– А кто тебе сказал, что я смерд? – пошел кругом вокруг переяславца Иван, разминая руки. – Не хвались, идучи на рать, хвались, идучи с рати... вот моя ставка.

Он медленно поднял правую ладонь. В ней неожиданно для всех появился нож, блеснувший полированной рукояткой и выделкой широкого лезвия из высокоуглеродистой стали длиной сантиметров пятнадцать, с двусторонней заточкой и зубьями на одной из режущих кромок.

Следом Иван добавил:

– На твой меч ставлю. Если сомневаешься, то проверь его крепость на своем клинке. – После этого егерь медленно положил нож на землю и продолжил боком движение по кругу.

– Красно выглядит. Но голыми руками ты меня даже не коснешься... До первой крови! – кивнул головой Свара, доставая засапожник. – Твоей. Тебе меня нечем порезать. Вот разве что я тебе зубы выбью, ты подберешь их, и вены ими себе вскроешь!

После этого воин хищно улыбнулся и двинулся вслед за соперником.

Стоящие люди сразу шарахнулись в стороны, и вокруг поединщиков образовалось пустое пространство.

Свара с улыбочкой поиграл засапожником, перебрасывая его из одной руки в другую. Потом резко пригнулся и сделал полупрыжок в сторону противника, проведя ножом резко перед собой.

– Да у тебя манеры уголовничка, парень, – съязвил Иван, не дрогнув перед мелькнувшим от него сантиметрах в двадцати ножом, и продолжил движение по кругу. – На испуг берешь?

Не поняв, что сказал соперник, но осознав, что роли поменялись и над ним издеваются, Свара погасил улыбку и атаковал колющим ударом прямо вперед. Егерь резко ушел влево и ударил ребром левой ладони по запястью дружинника, отклоняя от себя траекторию ножа.

Одновременно он захватил руку чуть выше запястья и уже ребром правой ладони ударил по основанию большого пальца, выбивая засапожник.

Для Свары это оказалось неожиданным, и когда противник оттянул захваченную руку на себя, то только проследил взглядом, как тот ногой ударил его по дуге в живот.

Однако пинок пришелся уже в напрягшиеся мышцы пресса. Чуть согнувшись от боли, следующий удар локтя в лицо Свара блокировал, а потом, бросившись перекатом на землю за вылетевшим ножом, разорвал дистанцию.

– Ох, придется тебя резать, путник... – напряглось от боли и ярости лицо дружинника, и он, сделав пару отвлекающих движений в стороны, ударил Ивана ножом сверху.

Егерь шагнул ему навстречу левой ногой, уклонив корпус поворотом, и блокировал удар предплечьем. Захватом вывернув руку противника в сторону, он поставил ему заднюю подножку и шагнул вперед, одновременно локтем приложив его в челюсть.

Удар был такой силы, что Свара упал на спину и несколько мгновений не двигался. За это время Иван подобрал выпавший нож и чиркнул по его запястью, которое сразу набухло капелькой крови.

– Вот и потренировались, – натужно выпрямился Михалыч, но тут же отшатнулся, потому что дружинник, очухавшись, сразу из положения лежа прыгнул в полуприсяд и потянул меч из ножен.

– Свара, остынь, – неожиданно раздался тихий, спокойный голос позади столпившегося на месте стычки народа. – Али ты виру хочешь заплатить за вытщенный меч?

– С чего виру-то? – сразу успокоился тот, опуская руку и умеряя яростный пыл в глазах. – Аще вынул бы меч, так кишки выпустил, и некому было бы спрашивать ту виру.

– Выпустил он... А с того виру, что наказ я другой тебе давал. Проверь людишек, а не упокой одного или другого.

Между Антипом и Николаем, одобрительно оглядев стать последнего, протиснулся полностью одоспешенный воин ростом, пожалуй, с Ивана. Судя по поведению остальных, этот человек решал тут все.

– Здравы будьте, добрые люди. Звиняйте, что так приняли вас неласково, но не время пока и не место с любовью вас встречать, погодьте до вечера. Ручаешься за людей, Антип?

– Так живот наш с дочкой уберегли...

– Я тебя не спрашиваю, – продолжил ровным тоном тот, – спасли они тебя или нет. Ручаешься ли ты за них?

– Да, Трофим Игнатыч, ручаюсь.

– Тогда води их через пажить, – выделил он интонацией направление. – Там, где в прошлом году скотину на выпас гоняли. В повети у себя расположишь – тепло ныне, а на закате поговорим. Ты, Свара, что стоишь?

– А шо? – отозвался тот, до этого опять перейдя в стадию ленивца и привалившись к ближайшей осине.

– Сопровождай путников, замена твоя вместе с вестником уже на месте. И это... меч-то отдай.

– Шо?! – взвился Свара, аж подпрыгнув на месте. – Это с чего? В бочаг я упал или с верей рухнул? Я твой наказ сполнял, Трофим, или нет?

– Сам забрал бы нож, коли в споре вашем последнее слово за тобой осталось?

– Ну... Так то другое дело! Меч отдам – кто на защиту веси встанет? Они кто? А я дружинник...

– Кто они... разберемся. А раз ты дал свое согласие на заклад, то слово держи. Ну... попробуй сговориться о другом. А ты, человеке, – Трофим повернулся к Ивану, – столкнись с воем, аще те польза есть в моем разумении. Добрых мечей на всякий заклад впрок не напа-сешься.

Егерь в согласии наклонил голову, провожая уже развернувшегося в сторону веси человека внимательным взглядом.

– Кто это, Антип?

– Десятник дружинный, Трофим Игнатьич. Он, спаси его Христос, довел нас сюда без потерь и заботится о веси.

– Глава ваш воинский?

– Глава, но не токмо по ратному делу. Мирскими делами в верви староста наш общинный ведает, а вот всем остальным и общением с язычниками всякими занимается именно он.

– Ну что встали? Антип, мыслишь, мне тут с вами радостно ноги неволить? – встрял в разговор Свара. – Давай-ка ходи на свой двор.

– От Свара, ты свара и есть. Лишь только десятник ушел, враз языком заплескал, будто баба за стиркой, – пробормотал охотник под нос и повернулся к своим спутникам. – Пойдем, неча замаятно с ним устраивать, все одно не сподобится доброго слова сказать!

– Мыслю, десницей ты по вые не получал давно, Антип? Я тебе худого не желаю, но язык-то придержи, а то откусишь... Слышь, как тебя, путник? – обратился воин к егерю.

– Иваном зовут, – откликнулся тот.

– Ты зла на меня не держи, не по своей воле я тебя зацепил, наказ был... Таки разойдемся по доброму и забудем, как не было ничего.

– Таки не по своей? Это десятник ваш тебя науськал меня охолопить? И что значит забыть? Меч должен, так давай сюда.

– Эй, эй, подожди, Иван... Как тебя по батюшке?

– Михалыч.

– Ты слыхивал, что десятник сказал? Меч не только мне – он обществу защита. И тебя прикрою в случае нужды.

– Ты в сторону разговор-то не уводи! Предложить что имеешь, кроме меча?

– Что тут предложишь? – разом погрустнел Свара. – За добрый меч полвеси взять можно...

– Лады. Будет тебе другое условие... по-вашему, урок. Научишь меня на мечях рубиться. Не смотри так удивленно, будто аршин проглотил. Учить будешь в течение года, не меньше чем по часу в день, и другой меч временно подберешь мне для учебы.

– Значит, в веси решили осесть... Добре. Так пойдет, – тут же заулыбался Свара. – А ты ведь не прост, Иван, ох, не прост. Сразу помыслил новый урок с меня взять, а?

– Сразу, сразу... Только вот что, проверять твоё обучение будем так. Если я выстою пять минут...

– Про что ты?

– Э-э-э... Антип, часцев вроде ты говорил? – дождался кивка охотника Иван. – Так вот, если я пять часцев простою против дружинника, которого выберу сам, то будем считать, что ты урок свой выплатил.

– Негоже так... А случится, что ты к учению не способен?

– Способен, способен. Но если будет спор по этому поводу, то спросим у десятника вашего, все ли силы приложил ты к моему учению?

– Ладно, – махнул рукой Свара. – Твоя взяла. Только гонять я тебя буду... Спаси тебя Боже. И не посмотрю, что ты стар для учения!

Повеселев от такой мысли, ратник ринулся в голову колонны, откуда вскоре донесся его зычный голос, ругающий Антипа за то, что он ведет людей через пни и кочки, будто они есть скотина говорящая, а не разумные божьи создания.

Глава 6

Первые впечатления

Иван сидел на чурбаке около повети, оказавшейся крытым сараем без одной стены с соломенной крышей, и рассуждал вместе с Николаем:

– Вот смотри, – провел он прутиком кривую линию на земле. – Вот такая у нас диспозиция. Ты у нас в погранвойсках срочную отбывал, значит, тоже человек в чем-то военный, может, что и присоветуешь. Это речка, которая называлась... не упомяну, как она по-местному звалась, но переяславцы ее окрестили Дарьей. У них все на «-рья» кончается, по-моему... В этом месте, – прутик уперся в кривую загогулину почти у самого устья лесной речки, – мы резко свернули на луг, пажить прошлогоднюю стало быть. Почему?

– Да ясен пень почему, скрывал что-то десятник, – присел рядом Николай. – И не отбывал я, а духов ловил, как раз на развал страны служба прилась. Я ведь всего на пару-тройку лет тебя помладше и...

– Угу, именно что скрывал... – не дал ему отклониться от темы Иван. – Видишь, речка петлю делает в самом устье? Показалось мне, что заводь там, за кустами, и то место с Ветлуги не заметно. Знать, насады они свои там хранят, про которые Радка проболталась... И смотри, как деревня расположена. Ее тоже не видно с реки за холмом, лес все застит. То есть выкупили они, конечно, землю, но сторожатся, ой, сторожатся чужого глаза! Не с руки им свой тын показывать, а на крепостицу ресурсов нет, да и защищать ее некому. Это во-первых...

– Перебью тебя, Вань. Ты хлипкий у них, а вышка всего одна, да и та над забором почти не возвышается. Правда, тут смотреть не на что. Пажить в глубину метров сто, а дальше лес, не увидишь ни черта. Но на Ветлугу такую конструкцию действительно лучше не высовывать от греха подальше!

– Точно. А по всему выходит, что и на нее у них сил не хватает. Один человек около заводи, один на вышке около ворот, один на лесной тропе, один на холме со стороны Ветлуги... Нет, вряд ли. Скорее всего, пацаны стерегут последние два места. Именно поэтому Свара с десятником нас и встретили почти у самой деревни. И то еле успели. Если на уме держим семь дружинников да посменную службу, то получается в самый притык. А значит?

– Значит, трое здоровых мужиков им позарез нужны. Для работы или для службы. Сколь бы их самих ни было, семь или целый десяток.

– Вот-вот. Поэтому все свои карты мы сразу выкладывать не будем. И так возьмут на жительство, только креститься двумя перстами не забывай, – ухмыльнулся Иван. – А своими мы в любом случае можем стать только после проверки делами или службой.

– Ты, как я понял, служить собираешься?

– А куда бедному егерю еще податься? Потому и к Сваре напросился.

– Как он к тебе лисой-то подкатывал. Вопросал, как по отчеству тебя величают...

– О, ты уже местными словечками бросаешься!

– Да какими местными... Хотя да, едрен батон. Понемногу врастаем в общество. Мы их словечками, а они, может быть, нашими пользоваться будут.

– Дай бог, дай бог... – Иван поерзал, ловчее устраиваясь на чурбачке, и продолжил: – Что насчет кузни скажешь?

Радка в самом начале пажити ушла в отрыв и около кузни, примостившейся рядом с тыном, их встретил дед Любим в обнимку с внучкой, вздернув поседевшую бородку и рассматривая, слегка сощурившись, новоявленных гостей.

Чинно поздоровавшись с отцом, Антип представил всю пешую процессию по очереди, упомянув про историю с медведем и про то, что пригласил путников погостевать.

Любим его на этом прервал, сказав, что надо сначала накормить гостей, а потом уже и разговоры вести своим чередом. При этом он успел цыкнуть на Свару, зашедшего, по его мнению, слишком далеко в кузню, отчего тот вылетел из нее как ошпаренный, а также поинтересовался любопытными взглядами Николая, которые тот бросал на видневшийся горн и инструменты в углу помещения.

Узнав, что тот тоже причастен к кузнечному делу, хмыкнул, но одобрительно пробормотал, что это дело зело доброе, помощники завсегда нужны. И послал Радку вперед попросить соседку Агафью собрать что-нибудь на стол поснедать. Девчушка нахмурилась, услышав про ту (оправдывая этим поговорку про одну хозяйку на кухне), однако спорить не стала и умчалась ланью вперед.

– Ничего особенного не скажу, – пожал плечами Николай. – Парой слов с Любимом всего лишь перемолвились, да и горн в полутьме не разглядел. А как расположена кузня, ты и сам видел. Понабросаны тонкие стволы на края яруги, все тят-ляп, на скорую руку. Надо признать, правда, что времени у них не было что-то дельное построить... А! Заметил я, что звук из оврага наружу глухо доносится, и все больше в сторону леса. Так что это еще один довод, что хоронятся они от гостей с Ветлуги. Если примут нас, то попрошусь у Любима осмотреться в его хозяйстве да поспрошаю, как железо они добывают и что с ним делают.

– Лады. Как железо они получают... в принципе понятно. В этих местах только болотная руда имеется. А вот то, что кирпича я у них не увидел и домишки плохонькие стоят, так это тебе флаг в руки, твоя идея была плинфу строгать.

– Ну да, моя. Лучше будет, ежели я по мастеровой части пойду... Тьфу ты! Правильно говоришь, уже начинаю местные обороты речи заимствовать.

Домишки внутри тына были действительно аховые. С точки зрения будущего, конечно. Да и что можно построить за пару лет, особенно если еще и другими делами надо заниматься?

Весь оказалась одной улицей с двумя рядами домов полуземляночного типа, разгороженных между собой жердяными изгородями либо плетнями. Каждый жилое сооружение было длиной метров девять-десять, с двухскатной крышей, упирающейся концами почти в землю и покрытой дерном.

Вход в них был с обоих концов.

Увидев рядом с задней дверью козу и девчушку лет шести-семи с хворостинкой в руках, Вячеслав высказал предположение, что используются эти строения не только для людей, но и для скотины. По крайней мере, зимой, в сильные морозы.

Отдельные летние пристройки для скотины тоже стояли. Сбиты они были из жердей и обмазаны наспех глиной. Вокруг копошились куры, однако другой живности видно почти не было. Как узнали потом от Антипа, скотину пасли на дальнем выгоне. Ближняя пажить весной заливалась водой и высыхала нескоро.

Труб над домами видно не было – это явно указывало на то, что топились они по-черному.

Исключений из такого рода жилищ, заглубленных в землю примерно на метр, было два. На небольшой площади рядом с воротами стоял деревянный двускатный сруб с высокой подклетью и торчащим на крыше дымоходом. К входной двери дома вела длинная пологая лестница, более похожая на мостки, однако в подклеть был еще один заход снаружи, выглядевший как небольшая дверца в половину человеческого роста.

Судя по зашедшему в дом воину, который за минуту до этого открывал им калитку, это была дружинная изба. Рядом с ней толкался народ, собравшийся среди дня поглядеть на гостей и неторопливо здоровающийся по очереди с Антипом и гостями, но с расспросами не лезший.

Вторым исключением был дом кузнеца, примыкавший к тыну в дальнем углу веси. Это был небольшой сруб, рубленный в лапу и объединенный под одной крышей с хлевом. Труба тут, к сожалению, тоже отсутствовала.

Придя на место, путники сложили вещи в отведенную им поветь на жердяной настил, служивший, видимо, для хранения сена. Рядом была пристроена сараюшка с глинобитным очагом для приготовления пищи, которым разрешили пользоваться при необходимости.

Свара около дома их бросил и уединился около колодца с бойкой молодухой, довольно смазливой и по виду явно не страдающей сдержанностью на язык. Так что все дальнейшие действия прибывших гостей, скорее всего, тщательно протоколировались и впоследствии живо обсуждались. Однако те явно не были склонны давать пищу для размышлений, быстренько почистили одежду, умылись с дороги и сразу же юркнули под крышу подальше от любопытствующих глаз.

Войдя в дом, гости перекрестились на образа (причем вся команда, не исключая обученных заранее мальчишек, слаженно осеняла себя двуперстием, хотя за хозяином слов молитвы, кроме Ивана, никто не повторял) и сели вечерять.

Пища была предложена немудреная, но голод путешественников прекрасно утолила. Сыто, оказавшееся холодным медовым напитком, приправленным сбором ароматных трав, щи и просяная каша с мясом. Хлеба не было.

После ужина Любим, сославшись на дела, покинул их на некоторое время, предложив отдохнуть. Антип же, всю дорогу от кузни что-то выведывавший у Вячеслава, уволок того за руку в хлев, пытаясь продолжить свое дознание. Ребятам взрослые дали задание разобраться все имеющиеся вещи, а Иван, прихватив с собой Николая, присел около сарая, чтобы разложить увиденное по полочкам в преддверии вечернего разговора с десятником.

После окончания беседы не прошло и пяти минут, как из хлева вышел Вячеслав, вытирающий руки пучком соломы, и Антип, семенящий за ним следом и вопросительно заглядывающий тому в лицо:

- Одна она кормилица у нас. Сдохнет, как есть сдохнет без помощи...
- Куда, сказываешь, ее гоняли на выпас?
- Да ить, как батюшка сказывал, она последнюю седмицу со всеми паслась на дальнем выгоне и вечер вроде там же была. А вот днесь на новое место ее погнали с соседской буренкой – трава сочная там...
- Похоже, там она и потравилась – нажралась травы сорной.
- Подскажешь чего, лекарь, али сдохнет она? – Антип огорченно махнул рукой и прокомментировал ситуацию сидящим около повети остальным гостям. – Стоит, милая, раздулась, дрожит, чуть не падает...
- А льняное масло у вас есть? – поинтересовался Вячеслав.
- Найду, не сумлевайся.
- Надо дать буренке несколько ложек, а также воды нагреть горячей, тряпицами ей крестец парить будем. А деготь берестяной?
- Есть, есть, как не быть?
- Будем еще теплую воду корове в горло вливать вместе с ним. Пропорции не скажу, сам попробую намешать. Рот ей только надо не забыть распереть чем-нибудь... пучком соломы, что ли. Давай неси все, попробуем полечить. – И прокричал в сторону уже убегающего Антипа, получив ответное мотание головой: – К соседке забеги, спроси, как там ее скотина!
- Ну как, дохтур? К вам на прием записываться можно? – дурашливо склонил набок голову Николай.

– Балбес ты, Николай, серьезным разве что выглядишь! Черт... образование, говорите, высшее? А без лекарств как предлагаете лечить, даже если симптомы понятны?!

– Да молчим мы о высшем образовании, молчим, – вступил в разговор Иван. – У меня те же проблемы были в армии, потом переучиваться приходилось. И я не про технику, а про людей. На психологов нас надо было учить!

– А нам второй специальностью надо было какое-нибудь травоведение преподавать! Лекарства мне нужны или какая-нибудь бабка-знахарка, в травах досконально разбирающаяся. Кстати, это мысль... – задумался Вячеслав.

– Ладно, мы с Николаем – ревизию наших вещей делать. Участвуешь?

– Не-а. Сейчас Антип прибежит, после коровы еще и им надо заниматься. Нитки из швов попробую выдернуть, пора уже. Разберетесь как-нибудь без меня. Кстати, все иголки, нитки, остатки йода, скальпели, э...

– Пинцеты? – хохотнул Николай.

– Не смешно, – не обиделся «светило» местной медицины. – Тонкий острый нож нужен позарез! Ну и тряпки... Это все мне, уговорились?

– А как иначе? Ты нам на жратву зарабатываешь, пока мы тут баклуши бьем! Лечи... и не унывай, если что не так. Не сразу Москва строилась... – заметил Иван, заворачивая за угол под навес сарая.

– Лучше бы и не строилась, как посмотришь, что получилось в итоге, – донеслось вслед. – За чужой счет жирует. Это справедливо?

Ему никто не ответил. У остальных тоже чесались руки заняться делом.

– Так, робята, – начал рассматривать разложенные вещи Иван. – Докладай, что у нас есть! Я гляжу, вы тут по полочкам все разложили! Ага, слева направо... Начнем с самого убойного оружия – самострела! Глянь, Степаныч, что-то сделать можно, чтобы эта конструкция из игрушки в оружие превратилась? И не в одном экземпляре?

– Смотрел давеча. На удивление просто сделано, поэтому надежно. Главный недостаток один... В этой деревне не гниет ни одного трактора, с которого можно снять рессоры. А если серьезно, то при решении проблемы упругости предплечий лука любой самострел можно довести до ума. Будет метров на сорок или пятьдесят дюймовку прошибать. Больше, наверное, и не надо, точно не прицелишься... Подойдут ли рога, не знаю. А металлические изготовить... Сомневаюсь, что такое можно сотворить здесь и сейчас. Жилы еще надо подобрать на тетиву, но с этим я уже к Вячеславу подкачу, и... как ты, Вовка, говорил? Козья ножка? Короче, еще взводной механизм и предохранитель нужен. И все из местных материалов.

– Вот вы с ним и займитесь, если досуг будет. Он тебе теорию, а ты все это в железе воплощать будешь. Такими знаниями обладаешь, Вовка?

– Ага. Я много читал про самострелы. Только они медленно стреляют, но вот если многозарядный сделать...

– А он будет скорострельней?

– Разве что чуть-чуть. Болты сами подаваться будут, но взводить придется вручную.

– Вот этого чуть-чуть у нас, робята, и нет. Давайте из местных материалов сначала самый простой сделайте, а потом уже к развитию перейдете. Но главное, Николай, это кузня, выплавка металла и кирпичи. Если ты почувствуешь, что хоть что-то можешь на себя взять, даже не с нуля, а отдельный кусок технологического процесса, то хватайся обеими руками. Тогда мы хоть прокормить себя сможем.

– Слушай, Михалыч, сколько можно, а? Ты уже раз пятый про одно и то же толкуешь...

– Не пятый, а третий. Нудный я, нудный, что тут поделаешь! Только поймите, что речь идет о нашем выживании. За нас тут никто не вступится, если даже резать будут. А дойными коровами, которых на мясо не пускают, нам еще предстоит стать. Все, я закончил, больше не буду надоедать с этим вопросом, раз все всем ясно...

– Ясно, ясно.

– Теперь ружья. Двенадцатый калибр. Сколько патронов выгребли? Все тут? Ага, полтора десятка мелкой дробы, пяток мелкой картечи четырехнулевками и семь штук картечин «трио», это фактически пуля. Не знаю как против кольчуги, но лошадь на полном скаку последние должны остановить. С вашего разрешения я крупную картечь оставляю себе, как раньше и было.

Ружья из чехлов не вынимаем, чтобы вопросов не было. Так... два топора. Один обычный, но вроде неплохой. Другой марки «fiskars», этого хватит надолго. Твой, Николай? Деньги девать было некуда? А... ну да, теперь в ножи за него поклонимся. А уж аборигены на него просто молиться будут!.. Так, посуда. Алюминиевые ложки, кружки, пластиковые стаканы. Это в одну кучу. Две неполных бутылки водки с завинчивающимися крышечками, это удачно... Иголки, нитки разные, йод, остатки бинтов... это все сложи в пакет, Вовка, и бате отдай, ага? Еще одеяло, пенки, спальник... О... Котелок и сетка! Это тут особые ценности... Так, с вещами все. Осталось только что-то личное и ножи у каждого. У вас, ребятки, перочинные?

– Угу.

– Тоже неплохо. А теперь к главному приступим. Картошки у нас на вес примерно четыре кило, лука... э... около двух и морковки килограмма полтора. Все по пакетикам и в кучу, это наш семенной фонд. Бери-ка пока все на себя, Тимка, и чтобы ничего не сгнило, ага? Пакет тоже вещь ценная, кстати, его не рви. Соли полторы пачки. Зажигалка. Две? Хорошо. Ну и все. Семечки? Жареные? Ах, полужареные... Держи, Тимка, цельная горсть. Цветок будет хороший перед окном. Один. Может быть... Еще что-то есть?

– Нет!

– Тогда все, товарищи офицеры и вольнослужащие, закончили с перетрясом вещей. Ребята, вы стелитесь пока, вон сено в углу. И готовьте программу обучения местного населения, если делать нечего. Трехмесячную. Завтра доложите. А еще можете Радку позвать и прошвырнуться по веси, потом расскажете нам, что да как. Только в конфликты старайтесь не вступать со сверстниками... без необходимости.

– Зачем ребят загрузил? – спросил Николай, когда они отошли от мальчишек. – Они и так как пришибленные сидят, не могут осознать, что с ними это действительно случилось. На себя не похожи.

– Вот я клин клином и пытаюсь выбить. Меньше будут думать – легче будет адаптация. В армии знаешь как? Ну да, знаешь... Если у солдата есть свободное время, то это приводит обычно к печальным последствиям. Они так и так улизнули бы погулять, а теперь пойдут с заданием. Глядишь, это их будет сдерживать.

* * *

Вовка с Тимкой, пользуясь разрешением Ивана и молчаливым согласием Тимкиного отца, сразу заглянули в дом в поисках Радки. Та занималась в сенях нехитрой уборкой после того, как гости повечеряли, и была только рада переключиться на такое интригующее событие, как экскурсия по деревне у всех на виду да еще в сопровождении новых поселенцев.

Первым делом она повела их на конюшню к дружинному дому показывать боевых коней, привезенных из переяславских земель. Большинство было на выпасе, но один всегда стоял здесь оседланный с отпущенной подпругой.

– Бяша, бяша, – позвала его Радка овечьим именем, на что мальчишки ответили дружным фырканием. – Не смейтесь, Буян его звать, только любо ему на сякий мой зов откликаться.

Радка протянула ему руку, и конь сразу сунулся в ладонь теплыми влажными губами, подбирая крошки лакомства, протянутого девчонкой, и позволяя ей гладить себя по гриве.

– Вельми благий, да? Вы только не троньте его, занеже ко мне привык он, хозяин дозволяет, а вас и потоптать может. И еще... не сказывайте моим, что я хлеб ему давала. Попадет. Ужо поели его весь, а я припрятала корочку.

Мальчишки все-таки не выдержали и подвинулись чуть поближе рассмотреть красавца. А посмотреть было на что. Буян был небольшого росточка, в холке лишь чуть выше мальчишек, но серая в яблоках расцветка во все времена вызывала восхищение даже у далеких от

лошадей людей. Седло было, по мнению более продвинутого в этом Тимки, какое-то низенькое, а стремяна полукруглые, с шишечками по бокам.

– Видимо, шпоры, – тихонько прошептал он на ухо товарищу.

– Поглядевши? Дальше поведу вас, – отряхнула руки Радка.

Но не успели они зайти за угол дружинной избы, как оттуда неожиданно выбежали трое запыхавшихся пацанов, каждый из которых выглядел чуть постарше выгуливающих ребят. Были они также немного пошире в плечах, уступая при этом Вовке с Тимкой в росте.

– Гляньте, девка в рубе всем на смех явилась, – донеслось от одного из них, с рыжей шевелюрой, стриженной под горшок. – На истопку идешь, так она там дрова колет, на ловитву выходишь – и там пигалица в штанах. Ужель ты в отроки стремишься, а? Любо сходить за кусты да удами померяться, у кого длиннее? Шо не кигикаешь⁴ согласие свое?

Радка густо покраснела и встала как вкопанная. Видимо, обидчики привыкли, что все нападки остаются без ответа, и рыжий собрался изгаляться дальше, но вперед неожиданно для него вылез Тимка, которому палец в рот было лучше не класть.

– А это хто тут кукарекает? Завелся никак петушок, у которого кукарекалка отросла? Ты эту свою кукарекалку в рот засунь, там и грызи. Недомерок несчастный...

Рыжий аж рот раскрыл от удивления. Он, конечно, не просто так зацепился за девчонку. Уже вся весь знала, что Антип привел христиан с детьми из других мест. Как же не сходить да не посмотреть, кто у него гостит? Заодно и проверить, что за новички такие. Если удача повернется лицом, то и кулаки почесать можно. Но такое...

Прошла минута, а рыжий все еще слушал поток по смыслу понятных, но наполовину незнакомых ему слов, которые Тимка непрерывно изливал из себя подобно прохудившемуся водопроводному крану.

Когда все же образовался секундный интервал из-за того, что Тимке пришлось глотнуть воздуха, справа от Радкиного обидчика выступил белобрысый паренек с еле заметными веснушками на щеках. В отличие от босых сверстников, он был обут в грубо сработанные поршни и имел вид независимый и спокойный.

Мальчишка без предисловий опустил руку на Тимкино плечо.

– Мстислав я, айда драться за пажить. Его вот Андреем кличут, а обидчика вашего Вышатой. Пошли, негоже ждать, пока рыжий рот закроет, это надолго. До темноты успеем обратиться.

Мстислав тут же повернулся к воротам, не сомневаясь, что остальные последуют за ним.

Вернулись действительно до темноты, успев напоследок выкупаться в Дарье и приложить холодные речные камни на наливающиеся ссадины и синяки. При купании Радке выделили место чуть выше по течению, поскольку Мстислав рассудительно сказал, что неуместно ей с ними плавать, даже в исподнем. Не дитя уже, пора привыкать, что девицей скоро станет.

А перед этим было официальное знакомство.

Тимку Мстислав отдал Рыжему, которого Вышатой никто почти и не звал. Тимка доверие оправдал и выдал тому по первое число. А потом по второе, пока их не разнял Андрей, вызвавшийся смотреть, чтобы все было по правилам, хотя самих этих правил никто не оговаривал.

Себе же Мстислав выбрал Вовку, и уже тому было выдано на орехи.

У Мстиши, как называли заводилу местные ребята, отец был дружинником и уже обучал его кулачному бою и хитрым приемам, поэтому у Вовки шансов не было. Однако, пару раз заставив его поваляться по земле, злорадствовать тот не стал, а позвал всех купаться.

Впрочем, от Мстиши это вполне ожидалось, так как он настолько все делал стремительно, быстро переключаясь с одного дела на другое, что излишняя трата времени на публичный показ своего превосходства над сверстниками выглядела бы для него просто чужеродной.

⁴ Кигикать (южн. русск.) – звукоподражательное: кричать птицею.

А уж обижаться на него самого ни у кого и мыслей не возникло бы. Пока делаешь вид, что дуешься, тот уже усвищет по другим делам. Из-за такой стремительности в действиях все остальные на его фоне смотрелись просто увальнями, хотя никто к числу последних и не принадлежал.

Так что, признав ничью, Тимка с Вовкой продолжили знакомство с близлежащей местностью – речкой, пажитью, тыном, окружающим весь.

Они даже взобрались на холм со стороны Ветлуги, на склоне которого стояла деревня. Только раз, посреди визга и писка купания, мальчишки вскинулись, вслушиваясь в сторону деревни. Показалось – то ли гром далекий был, то ли выстрел грянул. Однако водные забавы взяли свое, и дальний грохот забылся.

А вечером, еще до заката вся компания, наполненная впечатлениями от прожитого дня, втянулась обратно за ворота.

Потом Вовка рассудительно заявил, что, возможно, если бы деревенские ребята были чуть постарше или им встретился бы не подвижный как ртуть в своих устремлениях Мстислав, а кто-нибудь другой, то дело могло бы кончиться ссорой и даже продолжительной войной за превосходство.

Но случилось так, как случилось. Кроме того, сыграл свою роль тот факт, что встречавшие их испытывали жгучее любопытство по отношению к новичкам.

В любом случае стычка, к общему удовлетворению, была замята, даже насчет Радки пришли к согласию. Мол, Рыжий, конечно, лопух и неправ в том, что постоянно докапывается к ней, но Радка ведет себя по-пацански, вот и получает за это.

Радка было вскинулась, но Мстислав пообещал ей за всех, что дразнить данная троица ее больше не будет, и история была тут же забыта.

После чего началась пытка. Пытали мальчишек про все, даже Рыжий успел вставить пару своих вопросов. Почему так одеты? Откель такие ножи? Откуда пришли и куда идут? Надолго ли здесь? А что за мешки с собой несли? А почему лаптей не носят и босиком не ходят? Сапог, как были обозваны высокие ботинки новичков, не жалко? Кто постриг так коротко, да так ровно? Что за воин с ними был, так ловко Свару на землю кинувший?

Вовка с Тимкой были, конечно же, предупреждены, что про свое прошлое рассказывать надо поменьше, а уж про перенос в другое время – вообще помалкивать, чтобы не приняли за сумасшедших.

Поэтому ответы были очень расплывчаты, что, впрочем, собеседников не настораживало, так как новые вопросы не кончались. Мол, пришли издалека, жили в веси побольше, чем ваша, озеро было, речка тоже. Большая река? Волга. Ножи из другого города привезли в подарок. Одежду такую забавную все у них носили, уж так повелось... Вернуться не могут, нет больше их веси. Ага, вороги, наверное, сами не видели. Увели других в полон? Видимо, так. Иван Михалыч? В армии служил, ну... в воинской дружине.

Наконец, услышав необычный посвист, Андрейка с Мстишей вскинулись и с сожалением попрощались. Вышата же взялся гостей проводить, благо, он жил на том же конце деревни.

В конечном итоге, позевывая и радуясь, что уже неделю их никто не заставляет чистить зубы на ночь, ребята забрались на настил, закопались в сено, укрывшись одним на двоих одеялом, и погрузились в мир счастливых сновидений, где Вовка все-таки победил Мстишу, а Тимка, представившийся местным как Тимофей, крутил в руках меч, который он успел таки по пути в весь внимательно разглядеть на поясе Свары.

Глава 7

Равноценный обмен

Еще засветло того же дня к дому Любима подошел дружинный десятник с незнакомым ратником и живым, коренастым мужичонкой, сказавшимся Никифором, местным старостой.

Ратника звали Петром, и он, судя по отношению к нему Любима, тоже был не последним человеком в воинской иерархии. Однако десятник оставил его во дворе, а остальным махнул рукой, чтобы следовали за ним.

Пройдя через сени в горницу, Трофим Игнатьич осенил себя крестным знаменем перед образами и поздоровался с Агафьей, исполняющей роль хозяйки.

Все приглашенные неторопливо последовали за ним, и в итоге в тесной комнатке, где большую часть помещения занимал накрытый стол, столпились пять человек. Отсутствовали лишь Антип с Вячеславом, задерживаясь в соседском хлеву, где пытались поставить на ноги захворавшую скотину.

– Откушайте, чем Бог послал, гости дорогие, – склонила голову Агафья, выходя из еще одной маленькой клетушки, которая называлась истобкой и представляла собой зимнюю часть избы. – А я тем временем во двор выйду, порядок под навесом наведу. Коли надобность в чем будет, так зовите без всякого стеснения.

– Спаси тебя Бог, хозяйшка, – в ответ поклонился десятник. – Мы пока потолкуем о своем, а нужда возникнет, так кликнем.

– Что ж, присядем, в ногах правды нет, – смущенно указал на стол Любим и, подвинув для удобства лавку в сторону, первым прошел вперед. – Прощения прошу, тесновато построился.

– Благодарствую, хозяин.

Десятник осторожно присел, положив шлем с высокой тульей, оканчивающийся тупым шишаком и ниспадающей бармицей на лавку рядом с собой.

Остальные тоже расселись, причем Иван с Николаем оказались друг напротив друга. Егерь положил принесенный с собой длинный сверток за лавку и чинно положил руки на грубо сколоченный стол, всем своим видом показывая, что инициатива принадлежит противоположной стороне.

– Кха... Поведал мне Антип немного про вас, путники, – прокашлявшись, начал свою речь воинский глава поселения. – Мол, бежите вы неведомо откуда и рекли нечто непонятное про то, куда направляете стопы свои. Мыслью, что сами не ведаете того места. И изъявляли согласие свое, аще примем мы вас в общину, осесть на земле той, что отмерим вам. Не помыслили вспять? Добре. Прикинул я, куда вас на постой определить и чем заниматься будете. Ходить будете под старостой нашим, Никифором. Что вам скажет, то и исполнять будете. По истечении же лета, посмотрев на деяния ваши, определим мы место и положение ваше в нашей веси... Ежели не ясно что, вопрошайте.

– Спасибо за предложение, десятник...

– Господин десятник с этого момента.

– Так вот, десятник, – невозмутимо продолжил Иван. – Не подходит нам твое предложение. И вот почему. Люди мы вольные, господ над нами нет, обрыдли они нам... Погоди, десятник, не перебивай, я тебя выслушал внимательно. Не разбойники мы, не лиходеи, а люди мастеровые и военные. И пользу общине вашей большую принести можем, если столкнемся.

– Як купец торговлю ведешь, прости меня Господи... – влез в разговор Никифор.

– Разные мы люди с вами, обычаи у нас другие, – не обращая внимания на старосту, начал рассуждать егерь. – Но вера одна, да и идти нам особо некуда, тут ты прав. Разве что на Оку податься, но это... что в лоб, что по лбу, все едино. Правилам и традициям вашим мы

готовы подчиняться, но разделять нас и помыкать нами не позволим. Повторю еще раз, если столкнемся, то прибыток общине будет, а соседи добрые из нас получатся.

– А силой принудим? – усмехнулся десятник. – Свара мысль дельную рек, можем и охолопить вас... Чужие вы для нас пока.

– Так у вас в селении холопов нет, я спрашивал по пути у Антипа. Тех, что были из половцев полоненных, вы в Переяславле с рук сбыли. Не просто же так, а?

– Не просто. Вороги они нам и ужиться надолго с ними нам невмочь. Так и так сбыли бы. Вервь решила с вольными людьми жизнь начать на новом месте. И долги закупов община выкупила, по-другому не сподвиглись бы они с нами идти, не было уговора такого. А ныне мы на этой земле обустроились, и можно вновь к старому вернуться. Первенство в холопстве нет желания взять?

– Это шутка, что ли? – влез Николай.

Однако десятник был серьезен.

– На всем готовом будете жить!

– Ну, уж нет, – усмехнулся уже Михалыч. – Ни в закупы не хотим, ни в холопстве у нас нет нужды. Да ты ведь и сам не даешь воли в этом деле людям своим! Я и про это пытал Антипа... Кто по рукам особо горластым дал, звавшим на соседей пойти?

– Так воев нет у нас. Кем идти? – продолжил гнуть свое десятник, заинтересованно глянув на рассуждающего егеря.

– Можно было в Суздале людей нанять, серебро еще оставалось, так? – пытаюсь добраться до правды, продолжил Иван. – А с ними уже на отяков идти, за тех же не вступится никто, верно? Черемисы их не трогают только потому, что взять с них нечего, а холопов из бывших врагов своих делать не хотят. Так же, как и вы.

– В Суздаль али Суждаль, как многие ее называют, не заходили мы. А про отяков рассказывать... С черемисами ратятся они издревле и упорно, иначе не осталось бы их на землях этих. Не так просто их взять, как мыслишь. Но прав ты в одном, не по нраву мне на полях наших людишки подневольные, набранные в набегах. Другое дело, ежели к тебе враг пришел, а ты его полонил и работой своей он волю выкупает или жизнь. Да и закупам я не противлюсь.

– У Трофима Игнатыча по молодости жинка у половцев поганных сгинула, – вмешался Никифор, с сочувствием глянув на десятника.

– Но не нам менять предков наших заветы, и мои мысли тут силы не имеют весомой, – предупреждающе зыркнул на старосту тот.

– Тем не менее трижды подумай перед тем, как рискнуть силой кого-либо охолопить, – облокотился на стену Иван и сложил на столе кисти рук в замок. – Разве хочешь тебе нож в спину получить? К каждому холопу воя не приставишь, леса кругом темные...

– Ты что, угрожаешь мне? – недобро поднял глаза десятник.

– Упаси меня боже, просто рассказываю тебе, какие трудности ждут весь, если попытается она старыми порядками на новом месте жить. Я не враг тебе, пришел милости у тебя просить и защиты. А также всеми силами помогать тебе и общине вашей в малых и больших делах, – выделил слово «тебе» Иван.

– А велики ли твои силы? Два сопливых отрока? Или ты сам, надумавший к старости учиться у моего дружинника владеть мечом? Равноценная ли мена выходит? Защита, пища и кров на неизвестно что?

– Дозволишь ли умение показать свое, пока еще время светлое? – Егерь, получив кивок согласия, потянулся назад за свертком. – Любим, есть ли у тебя рвань какая, что не жалко испортить?

– В углу, под навесом, порченые да резанные шкуры лежат, Радка умение свое испытывала. – Огонек гордости высветился на мгновение в дедовых глазах, несмотря на укоряющие будто бы внучку слова.

– Тогда милости прошу за ворота.

Иван спустился с крыльца, подобрал два чурбачка, негодной выделки шкуру под навесом, и вся честная компания отправилась за тын.

– Николай, не в службу, а в дружбу... сходи, развесь вот это недоразумение, метрах так в пятидесяти-шестидесяти, – негромко произнес егерь наедине, передавая тому завернутые в шкуры поленца. – Я из ружья Вячеслава попробую шмальнуть, оно покучнее вроде стреляет.

Михалыч разложил сверток с двустволкой и начал его разворачивать.

– Схожу, чего не сходить. А пошто не в чехле принес?

– Так как бы еще наш разговор сложился... Люди тут горячие, не чета нашему времени, – кивнул в сторону Иван. – А чехол жесткий, удобно через него не возьмешься, чтобы прикладом поработать... Тряпка же мне в этом деле не мешает, да и скинуть ее я в любой миг могу. Оба ствола, кстати, я еще перед нашей с ними беседой зарядил.

Крякнув, Николай отправился расставлять мишень, а десятник, скрестив руки, подошел поближе к егерю.

– Чем поразить хочешь, Иоанн?

– Иван я, так правильнее. Но лучше зови как все – Михалычем. Смотри, это мое оружие, называется ружье. Оно не боевое, для охоты предназначено. Поймешь, что такое и как действует?

– Помыслить не могу, что ты в дланях своих держишь. А звать ты буду не по отцу, а просто воем, раз ты меня десятником кличешь. Давай, дело твори, которое хотел.

Иван кивнул, равнодушно соглашаясь на предложенное имя, и стал дожидаться возвращения Степаныча. Потом вскинул двустволку, помедлил мгновение и нажал на курок. Грянувший выстрел заставил отшатнуться окружающих, а Никифор даже присел и стал мелко креститься.

– Что за гром небесный ты на землю спустил, пришелец? Невместно пугать так людей добрых.

Трофим Игнатьич протянул руку к ружью, второй ствол которого Иван предусмотрительно разрядил, поднес оружие к лицу, повертел его, отдал обратно. Потом ушел смотреть полешки и старую вылинявшую шкуру, простреленную решетом в диаметре сорока сантиметров, а вернувшись, вопросительно подкинул принесенный чурбачок на ладони.

– Именно такое оружие применялось в моем отечестве, умные люди его сделали, – начал объяснять Иван. – Но больше нет ни людей тех, ни ружей, да и зарядов, что поразили цель, осталось очень мало... Однако теперь ты должен понимать, как мы ратились. Учитывая, что и страшнее кое-что было. Скрывать не стану, если заряды кончатся, то оружие это будет бесполезно, не найдем мы чем снарядить его.

– Лучник десяток стрел за часец пошлет в цель, а это?

– Именно это примерно так же или чуть менее, если точно попасть надо.

– Не сдюжит ваша рать воинская против нас. Добрый лучник стрелу за триста шагов положит в цель.

– Наша сдюжит. И положит всю вашу, не потеряв никого. Но ты прав в одном... – начал отвечать Иван, выковыривая застрявшую дробинку из поленца. – Это на мелкую дичь заряд, дробь называется. Если побольше кусок свинца взять, то полетит и дальше, и точнее. Вот, к примеру, метров э-э-э... шагов за сто в тебя стрелу пустят, уклонишься?

– Знамо дело, ежели одна. Или на голомень приму.

– Меч плашкой выставишь? Понятно... А в моем случае ты не увидишь ничего и не отмахнешься. Обычную кольчугу на раз пробьет... Ну да ладно, чего это я хвастаю. Как уже сказал, на десяток выстрелов меня хватит, а потом оружие можно будет выбрасывать. Показал я тебе все это только для того, чтобы доказать, что не только оружие, но и люди у нас сильно от ваших отличаются. Сам смотри, сможет кузнец ваш сковать такое? – показал Иван на ствол.

– Донес ты до меня свою мысль, вой, – задумался десятник. – Прав ты... Тебе виднее, как использовать знания ваши. Совет держать будем. Есть про что другое молвить?

– Как не быть. За стол вернемся?

– Пошли.

Беседа завершилась только за полночь.

Как только все вернулись в дом Любима, десятник отпустил Петра, которому выпало караулить весь до утренних петухов, и разговор продолжился, сопровождаясь чашей хмельного меда, пущенной по кругу. Однако одной чашей дело и ограничилось, желающих принять больше не оказалось, всем хотелось сохранить ясность рассудка.

Тем для разговора набралось предостаточно. Сначала Иван выпустил тяжелую артиллерию, заставив Николая пройти своими планами по кузнечному и кирпичному делу.

Затем к собравшимся прибились Антип с Вячеславом, обошедшие за это время многих соседей с выборочным осмотром скотины. Это еще более подогрело интерес десятника и старосты. Все-таки лекарь в веси появился, как бы ни отмахивался Вячеслав от такого звания.

Антип на все лады расхваливал его.

Сказал, что соседская коровенка уже почти совсем оклемалась, а его кормилица уже не дрожит и слышно, как газы выходят через заклиненную пучком соломы пасть. И соседского мальчишку, простудившегося на речке, Вячеслав уже начал лечить, заварив травы, собранные у самых ворот. И у него самого все нитки повыдергал... Последние слова Антип сопровождал действием, крутя во все стороны свою намазанную йодом физиономию и показывая, что след от медвежьей лапы почти зарос.

Присовокупив возможность обучения счету и письму одних «сопливых отроков» другими, Иван еще более перетянул на свою сторону Трофима Игнатъича и Никифора. Правда, оговорился, что счет и письмо у них свое, но от этого писать и считать хуже не будут, да и читать церковные книги ученики уж как-нибудь уразумеют. Все-таки буквы немного похожи.

Сам капитан в отставке, кроме обучения навыкам меча у Свары, выпросил у десятника несколько уроков стрельбы из лука.

В ответ Иван обещал составить карту ближайших земель и координировать работу поисковиков, которых договорились выделить на поиски руды.

Также он оговорил их кормление и зимнее вещевое довольствие, которые вервь должна была взять на себя, и попросил у общества землицу за старой пажитью вверх по течению Дарьи.

В итоге там им разрешили поставить пятистенок, а также разбить огороды под свои опыты, благо неплохая полянка для этого находилась совсем рядом. Тут же, метрах в ста, на самой речке в дальнейшем можно было бы поставить плотинку и приспособить водяное колесо для кузнечных нужд. Подробности раскрывать Николай не стал, потому что время было позднее, но обещал завтра поутру рассказать все Любиму.

Под это дело и под новый пятистенок была выпрошена бригада плотников, которую дали на десять дней, оговорив, что все построенное ею будет принадлежать общине.

Овощами заинтересовались весьма. Староста даже пообещал выделить баб на обработку земли, если новые общинники на следующий год поделятся невиданными плодами. Точнее, как невиданными... Лук дружинники у князя на службе пробовали, но в весах он еще не прижился. А морковь не узнали вовсе. Десятник сказал, что она должна быть белая и помельче. На вкус же собравшимся пробовать Иван ничего не дал. Нечего, мол, продукт губить.

Между делом выяснилось, что землица под весь, якобы выкупленная у ветлужского князя, формально ему как бы раньше и не принадлежала, хотя и были раскиданы ниже и выше по течению Ветлуги черемисские поселения. Фактически община, а еще вернее, дружинники поклонились мечами и бронью кугузу за то, что переселенцев не тронут.

Соседи были достаточно воинственные, хотя и не чета русским князьям или болгарским ханам, и достаточно многочисленные. Жили они и на восток от Ветлуги, и вдоль Волги, и даже около устья Оки, хотя там они встречались вперемежку с мордвой.

Однако рядом с самими переяславцами на расстоянии нескольких дневных пеших переходов по дремучему лесу практически никого не было. Разве что отяки, но те в основном ютились на противоположном, левом берегу.

На правом сплошным покрывалом тянулись густые леса вперемежку с болотами, бедные и землей и пушниной. Видимо последнее и было причиной того, что место оказалось никем не занято.

– Свернете ли дело, что затеяли? – напоследок спросил их Трофим Игнатьич, недоверчиво покачивая головой. – Понятно ли вам, что трудности непреодолимые стоят на пути вашем?

– Все понимаем, а вот свернем ли, Бог ведает! – пожал плечами Иван. – С другой стороны, куда нам деваться? Ты только придержидай нас, если дела наши общине могут навредить, хорошо? Традиции ваши и порядки мы еще не знаем...

– Уговорил. Дам по рукам, если что.

* * *

Следующим утром чуть свет Любим разбудил Николая, и оба вышли во двор, где их уже ждал Антип и пара бадеек с холодной колодезной водой.

Молча опрокинув ведра на согнутые плечи друг друга и растеревшись принесенными кусками грубой посконной ткани, кузнечных дел мастера вместе с охотником отправились за изгородь смотреть кузню. Идти было совсем ничего, и через несколько минут процессия уже располагалась в небольшом овражке на склоне холма.

– Обустраивайся, – показал Любим на лавку, и присел рядом на чурбак около небольшого колченогого стола. – Впрошай, коли есть о чем... Отвечу, раз община так решила.

Николай немного огляделся, прошелся пальцами по инструментам, разложенным около погашенного кузнечного горна, обошел стоящего возле него Антипа и встал посреди кузни, переваливаясь с пятки на носки.

– Постою с твоего разрешения, так думается легче. Расскажи, будь добр, Любим, – Николай в знак уважения немного наклонил голову, – весь процесс с самого начала. Прежде всего, как руду добываете?

– Добываем? Я бы так не сказал. Вначале пользовали мы запас, что впрок заготовили. Болотами у нас в степи отродясь не пахло, так что железо завсегда привозное было. И пуда два до этих мест сохранить мы смогли. Доброе железо. А уж как кончилось оно... Поначалу взялись мы немного торговать с отяцкой весью, что на другом берегу стоит. Людишки у них есть, болота кругом, а кузнеца нет. Сказывали нам, что пять годков назад стрелой ему аккуратно по яремной жиле попало. Было это в то лето, когда они с черемисами ратились за уголья лесные.

– А за что воевали?

– То ли борти не поделили, то ли охотники на чужое место зашли, не ведомо мне... По словам отяцким выходит, что черемисы в этих местах пришлые, потеснили они бывших хозяев на восход солнца и осели тут.

– Точно знаешь?

– Да я не любопытный, это их усобица. Ведаю лишь, что кроме этой веси, у отяков выше и ниже по Ветлуге еще два поселения есть, где живут они поныне своими общинами. Коли не брешут, более окрест не сохранилось никого из рода их. Кха... Вот с поселений своих они и стали нам везти руду болотную, а мы им скобяной товар, да украшения... пока были. Однако

худое у меня железо из той руды выходит. Печь вон чуть пониже в яруге стоит, подойди, глянь на крицу⁵, что рядышком с нею лежит.

– Погодь чуть, Любим. Про руду расскажи. Где добывают, какого цвета?

– Где уж они добывают, про то мне не рассказывают. На берегах ветлужских много болот, но поди найди ее там, рудознатцев у нас нет. А свозили ее разную. Если взять ту, что черна и остра, вся осколками идет и изгибается чудно, так из нее что ни сотворишь – все ломается на холоде. Мне уже вервь высказывала свое неодобрение. А серая... с той почти ничего не выходит, без пользы она. Другой же у них не водится. – Любим в сердцах пнул лежащий около ноги кусок шлака. – Прижали мы как-то товар свой... К слову сказать, к черемисам у них торговать ходу не было никогда из-за вражды, и мену с нами отяки за счастье почитали... Так вот, жалились они, жалились, а иную руду нам все одно не несли. Значит, и нет ее у них.

– Ломается, сказываешь? Похоже, что фосфор присутствует... Да не бери в голову, это я так, размышляю вслух. Свою руду нам искать надобно. Кто у вас знаток болот ближних?

– Антипа того же возьми... Да многие еще охотники места окрест знают. Найдутся людишки.

– Это хорошо. Собери их мне, ладно? Расскажу им, как надо руду искать. Или сам все перескажешь? Я читал, как поиск вести лучше...

– И ты грамотный, не токмо старшой ваш?

– Все мы обучены и письму, и счету, и многому другому.

– Эка... Тогда Антипу обскажи, он поймет!

Любим поманил своего сына и тот подошел поближе, внимательно вслушиваясь в разговор.

– Так вот, руду искать надо либо черную, которая без прожилок, либо голубую. Красная и желтая тоже подойдет, только ее очищать надо как-то. На вкус они либо сладкие – значит, богатые, либо без вкуса – то бедные руды. С кислым вкусом – не годятся. Берут их только в проточных болотах, там, где подпитка воды есть. Если заметили такую особенность, то ищите кочки заросшие. Они вроде холмов вокруг болот, а травы на них ржавый цвет имеют. Верный признак. Кстати, речушки, что вытекают из этих мест, тоже бывают похожего цвета.

Антип уверенно кивнул.

– Есть такие, и не одна. И болота с такими травами недалече тут.

– Вот, теперь как искать... Пруток надо выковать, хоть даже и из плохого железа, заострить его и петлю на конце сделать. Или шест такой же взять из твердого дерева. Этим прутом и надо протыкать заросшее болото. Если он проходит легко, то там и нет ничего, а если препятствие возникает, то надо проткнуть дальше и поддеть... да там уж сам приноровишься. Насчет острой, с завитками руды я вроде сказал... это не та, что нам нужна, лучше катышками, однако и на безрыбье рак рыбой покажется, искать надо всякую. Так вот, слой торфа лопатой снимешь, потом пустую породу...

– О чем ты, человеке?

– Грязь, говорю, и прочую мутотень убираешь, а дальше уже лопатой можно жижу с рудой черпать и каким-нибудь ситом просеивать. Вместо лопаты можно даже тралить, ну... как бреднем проходить, но обычно толщина слоя небольшая и простого инструмента хватает. В общем, это дело наживное, а опыт когда придет, то еще меня учить будешь.

– Вроде понял, – отозвался Антип, потирая пальцами зарастающий шрам.

– И еще... Как высматривать руду начнете, обращайтесь где глина какая есть и камень известковый. Они должны в стороне от болот быть, но вдруг? Места замечайте, потом

⁵ Крица – губчатая железная болванка с включениями примесей и шлака, полученная из железной руды, для дальнейшей кузнечной обработки.

сходим, пощупаем. Образцы, э-э-э... кусочки руды и другого чего нам с Любимом несите, а где точно нашли – егерю нашему рассказывайте. Вроде все.

– Ты возьми троих людишек, Антип, да и выходи днесь, – взял быка за рога Любим, запуская пятерню в бородавку. – Не откладывай, иди. А ты, мил человек, не токмо хочешь наши секреты вызнать, но и сам делишься ими весьма.

– Об этом вечером и говорили, жить-то нам вместе. Давай к печи подойдем, расскажешь, что и как с ней.

– Ну, как с ней? Плету из лозы корзину почти в свой рост высотой и мажу ее со всех сторон глиной, – встав и спустившись немного вниз по оврагу, начал рассказ Любим. – Изнутри же еще один слой накладываю из смеси глины и песка. Все это сушу и ставлю на яму с краю яруги. Вот тут, в самом низу, отверстие делаю для сока.

– Для чего? Сока?

– Для него, родимого. Как железо сок этот пускает, его на дно яруги я и сливаю.

– Ага, понял, шлаком он у нас зовется.

– А выше чуток глянь – отверстие для воздуха. Никак мехи не приспособлю, да и помощника нет.

– А пережигашь руду как? – перешел к самому главному Николай.

– Сперва грею печь дровами часа два, потом вперемешку сыплю руду и уголь. Руду сперва сушу, обжигаю и мельчу. Далее рассказывать?

– Коротко про самый конец разве, вроде понятно все.

– Ну, опосля быю дыру снизу, крицу достаю, деревянным молотом оббиваю и на холодную ковку кладу. Прокаливаю иной раз, не без того... Горячей ковкой плющу крицу и на дело пускаю. Что скажешь?

– Сказать хочу много, но больше пока спросить... Вот, к примеру, нож ты куешь из этого железа. Как твердость у него получаешь?

– Тут у каждого секрет свой. Остудить надобно клинок. На воздух холодный положить али в воду окунуть. Я лично в ручей проточный сую. Вот главный мой секрет ты и знаешь теперича... Но с отяцкой рудой даже это не помогает. Правда, не самый знатный я кузнец... В Киеве такие мастера есть! Они даже узорчатые клинки куют! Острые, платок шелковый разрезают на лету. Но хранят они свои секреты от отца к сыну, не вызнать их.

– Тогда меня послушай, дам я тебе некоторые советы. Железо, которое твердость имеет, сталью у нас называется. А получается оно... Короче, уголь в этом деле помогает. Частицы его в железо попадают и придают ему твердость. Тут, правда, тоже навык нужен. И разные пути для этого можно использовать.

– И какие же?

– Давай, Любим, с самого начала начнем, хоть ты и знаешь многое из этого. Вот точно ты сказал, что воздух для печи нужно подавать. Для этого мехи нужны, а под них дырки в корзине надо сделать, которые у нас фурмами зовутся. Их еще предварительно промазывают глиной с песком... Ребятам я тебе, кстати, могу дать в помощники на всякие мелкие работы, они же и качать мехи могут по очереди. Железа при такой продувке гораздо больше выйдет, а если еще и печь для тяги чуть повыше сделать, то крица еще крупнее получится.

– Ну-ка, ну-ка...

– Еще одно... Если чуть больше обычного угля положишь, то у тебя крица поверху им сильнее напитается и местами может в сталь превратиться. Слабенькую, конечно, но все-таки сталь. Верхний слой можно отшелушить и дляковки оружия использовать. Это раз. Есть у вас тут гончар? Горшки кто лепит?

– Есть, как не быть, Фома этим занимается и печь у него тут недалече.

– Это хорошо. Вот в эту печь на заднюю полку надо твои готовые изделия и класть! Ножи, топоры, пилы...

– Это пошто? Худое железо будет... Хуже, чем до проточного ручья.

– Не спеши. Первоначально надо в горшок или плоску угля натолочь и туда закопать все эти инструменты. Потом этот сосуд надо глиной затереть и поставить на несколько часов в эту самую гончарную печь. Заодно с глиняными плосками, чтобы лишнего угля не изводить. Мы потом с тобой обсудим, сколько там держать горшок надо и как определять, что вытаскивать пора... Потом идет закалка. Только не в воде попробуй, а в масле, какое уж есть у тебя. Тогда температура падает медленнее, чем в воде, и крепости клинок больше получит...

– Хм-м... Деды наши в пленников такие мечи вонзали, занеже мыслили, что клинок крови напивается и от этого силу их перенимает.

– Да? А достаточно было в масло... А случаем кирпичи гончар не делает? Ну, плинфу, – добавил Николай, видя, что Любим его сразу не понял.

– Нет, не выходит у него. Мастер нужен или глина особая.

– Угу... А заказ на мехи кому можно дать?

– Есть уж они у меня, и не одни. Не приспособлю никак, сказывал я про то.

– Приспособим, найдем время. Мальчишки должны скоро подойти, сбегает за ними, а мы с тобой посмотрим внимательней, как все обустроить.

Мужики выбрались из ямы наверх, и присели на край оврага, слушая звучащих в прозрачной синеве птах.

Вздохнули полной грудью. Переглянулись.

– Лепота!

Лето еще только начиналось.

Расстилающийся за пастбищем лес плавал в разводах поднимающегося нагретого воздуха.

– А на будущее, Любим, надо ставить колесо водяное. Вон там, за пажитью, – рука Николая указала примерное направление. – Выше по течению Дарьи, где нам землю отвели. Оно и мехи будет качать, и мельницей может быть, и молот кузнечный опускать сгодится. Всем миром решить, что важнее, и сразу начать...

– Эка хватил! Это же сколько сил приложить надобно. Кто все это делать будет? Людишки-то на полях заняты.

– Десятник же ваш со старостой обещали вечор плотников.

– Древоделов? Это чтобы сруб вам поставить...

– Так водяное колесо делаться будет не для нас, а для общества. К тому же тонкую работу мы на себя возьмем... Как считаешь, согласится вервь ваша на это?

– Оно так, конечно, для общины-то... Для нее надо стараться. Ладно, я подсоблю!

Любим хитро блеснул глазами из-под кустистых бровей.

Он не терял надежды вывести еще что-нибудь новенькое от разговорчивых пришельцев.

Глава 8

Первые шаги

Иван покусывал веточку, сглатывая тягучую горькую слюну, чтобы заглушить медленно зарождающийся внутри него протест против нудного занятия, которому предавался.

Занятие это заключалось в художественном вырезании стилем (или как его тут называли – писалом) по выглаженной и высушенной, а также обрезанной по краям бересте. Пишущим инструментом служил сточенный до крайности обломок ножа, бережно обернутый тряпицей. Береста была безжалостно оборвана с недавно поваленной березы.

Цивилизованный человек может, взяв спальник и палатку, на несколько дней притвориться, что испытывает единение с природой. Даже на неделю. И на целых две.

Он может обжигаться горячим чаем из алюминиевой кружки и даже (это уже настоящий герой) обходиться пару дней без тушенки в каше и без бутылки водки, которая обычно тут же, за посиделками у вечернего костра, густо замешивается на клюкве, собранной морозной осенью на болоте.

Но писать без бумаги и карандаша (или хотя бы шариковой ручки) для него вещь немислимая.

Почти...

Потому что если очень надо, если хорошенько подумать и себя заставить, то невозможное становится возможным. Правда, разбавляясь при этом хорошей порцией матерков. Они порой способствуют проводить топографическое нанесение окружающей местности на вышеупомянутую бересту (при условии ее размещения на почти ровной поверхности широкого пня).

Пень этот был выровнен пилой бригады плотников с помощью шантажа и угроз новоявленного руководителя развернувшегося строительства.

Пила была, прямо скажем, аховая по качеству, как, впрочем, и другой инструмент, применявшийся переяславскими древоделами. Через час-полтора его использования самый молодой из бригады, выполнявший, видимо, функции подмастерья, сиделся и правил остроту лезвий наждачным камнем, а то и бережно хранимым напильником.

Однако помимо такой «дедовщины» в остальном бригада разительно отличалась от будущих строителей, заботившихся лишь о своем кошельке и не задумывающихся обо всем остальном – честном слове, качестве работы и желании заказчика. Видимо, еще не успели испортиться либо просто делали для себя. Община – великая вещь, если ее членами не становятся по принуждению и у соседей хватает мудрости и накопленных традиций жить друг с другом в согласии.

Так вот, бригада дело свое знала, и пятистенок, заказанный рубкой в чашу, сложила очень быстро, ярунком и отволокой⁶ споро отмеряя углы и отсекая лишнее. Причем возвела вместе с пристроенным под одной крышей теплым хлевом, а также небольшой банькой, называемой здесь мовней. Та выросла чуть в стороне от дома.

А в дополнение ко всему плотники успели проконопатить щели обоих срубов сухим болотным мхом и навесить везде двери. И это не говоря уже о плетне из прутьев, сплетенном подмастерьем вокруг небольшого огородика, где бабы уже посадили лук с морковкой на семена. Кроме того, лучшая половина человечества с великой осторожностью поместила в лунки и присыпала землей проросшие глазки картофеля, предварительно вскопав деревянными лопатами нетронутую целину лесной поляны.

⁶ Ярунок – угольник, состоящий из двух пластинок, соединенных под углом в 45°. Отволока – простонародное плотницкое приспособление для нанесения прямых линий.

Пять дней для выполнения такой работы надлежащего качества – это показатель золотых рук и слаженной работы даже с учетом того, что бревна заготовлены были еще с зимы.

Делать пол Иван пока отказался, осознав, как долго придется пилить деревья на доски вручную и поделившись этими мыслями с плотниками. Те долго смеялись, потому что тес делался вовсе не так, однако сознались, что это тоже долгий процесс и не факт, что они уложатся в отведенный срок. А уж если начнут использовать пилу...

Обычно бревна раскалывали пополам и тесали топорами, отчего доски и называли тесом. Но в некоторых редких случаях (например, для получения ровной поверхности) такой подход был неуместен, и требовалось нечто иное. Плотники такой инструмент имели, назывался он лучковой пилой, и данный факт давал им нешуточный повод для того, чтобы собой гордиться.

Полотно было узкое, почти одинаковой ширины по всей длине. Зажималось оно в невысоких ручках, которые в середине соединялись распоркой, а на верхних концах стягивались веревкой, закручивание которой вызывало растягивание полотна.

А растянутая пила не гнется и не хлябает, даже если она длиной под полтора метра, как и было в этом случае.

Держались пильщики за нее обеими руками. Подмастерье залезал на высокие козлы и тянул пилу вверх на холостом ходу. Другой тянул вниз, подавая рабочий ход. Сделав небольшой распил, в него вгоняли клин, чтобы не зажать полотно, а потом подавали бревно вперед и продолжали пилить дальше.

Такая вот канитель.

Поэтому Николай, осознав проблему дефицита досок, на второе место после вопроса о металле в своем списке приоритетов поставил пункт о примитивной лесопилке.

Зато в подклети успели вырыть погреб, а двускатную крышу из жердин застелили соломой.

В подполе плотники подвели фундамент под планируемую русскую печь. Мощный опечек был сложен из дубовых брусьев прямо на земле и доходил по высоте до пояса от уровня не существующего еще пола. Проем для него проходил точно между толстыми половыми бревнами, что несомненно предохраняло печь от перекосов в будущем.

Не пожалели строители дубовой древесины и для фундамента самой избы, присыпав его потом землей. Однако то, чего плотники понять не могли, бригада категорически делать отказывалась.

Не для этого их сюда посылали, мол.

Это касалось не только пня, но и широких окон, запланированных Иваном. Только когда Николай его подвел к небольшому оконцу избы Любима с мутным пузырем, почти не пропускавшим свет, тот стукнул себя ладонью по лбу, помянув по матушке и само стекло, и тех подлецов, которые не наладили еще его выпуска в промышленных масштабах в данном временном отрезке.

На вопрос, не хочет ли Николай заняться еще и этим делом, Степаныч ответил прямолинейно. Ранее не отличавшийся непочтительностью к командиру, на этот раз он взял смеющегося Ивана за шкирку и поясной ремень и выставил его за дверь, благо, силушки хватало.

В качестве напутствия он пожелал ему ходить издеваться к кому-нибудь другому, подальше отсюда и желательно в другом временном отрезке. Другими словами, конечно.

Иван посмеялся еще пару минут, но потом крепко задумался. Кроме занятий со Сварой, заключающихся в основном в физических упражнениях на накачку определенных групп мышц и немудреных приемах с мечом, а также некоторых обязанностей по координации поисковых групп, он был самым свободным из всех пятерых.

Помимо того, что Николай помогал Любиму перестраивать сырдутную печь и объяснял свои методы закалки стальных изделий, он еще что-то судорожно обдумывал, вертя в своих пальцах куски железной руды.

На все вопросы отвечал односложно – мол, не все так гладко в датском королевстве, не получается у него каменный цветок, и вообще дайте ему придумать заново технологию производства стали из имеющихся под ногами материалов. А также что институтов он не кончал, а кузнечное дело изучал только по книжкам, правда, хорошим. А вот некоторые, раз такие умные, могли бы свой кипящий от безделья милитаристский ум направить на завоевание пары княжеств – это как раз одного порядка действия.

Вячеслав, облазив все скотные убежища и пощупав все, что было только можно у этой самой скотины, пару часов практически впустую проговорил с местными бабами на предмет того, чем же они лечат себя и свою животину. А поняв, что дело, скорее всего, в терминологии, то бишь в названиях трав, уговорил Агафью походить с ним по ближайшим окрестностям, чтобы сравнить свои познания о *hipericaceae*⁷ и *matricaria recutita*⁸ с народными.

Ребята тоже времени не теряли. Вовка, с детства любивший что-то мастерить, прикипел к кузнице Любима, помогая ему и Тимкиному отцу в силу своих способностей, подтаскивая инструмент и руду, качая мехи.

Ближе к вечеру он уходил с местными ребятами в лес или купаться на речку. А там, на песке либо на очищенной от прошлогодних листьев и хвои земле старательно выводил буквы русского алфавита и арабские цифры, поясняя, как составлять слоги, и вспоминая арифметические задачки первого класса.

Компания, занявшаяся письмом и счетом, разрослась уже до девяти человек, чему немало поспособствовали подзатыльники родителей и передававшиеся из уст в уста слова десятника, что воин должен «грамоте разуметь».

Это, конечно, не соответствовало действительности, обучение велось лишь в редких монастырях да в богатых семьях. Однако за появившуюся возможность научить грамоте своих детей умные головы общины схватились обеими руками, даже учитывая некоторую несхожесть речи и алфавита.

Сумел же Вовка прочитать некоторые слова в бережно хранящейся церковной книге у старосты. Правда, ни сам он, ни окружающие смысла этих слов не поняли, но на то ведь и книги, чтобы хранить там знания, доступные далеко не всем.

В результате Радка обзавелась подружкой Ульянкой, оказавшейся сестрой Мстиши. Ту тоже отдали в обучение, и поэтому в перерывах между уроками у них появилась возможность иногда пошутить о чем-то своем, девичьем.

Тимка же в учителя не подался, а пошел по другой стезе.

В отличие от отца, любившего технику и заполнявшего все свое свободное время копанием в старых механизмах, сыну нравилось живое общение с людьми и природой, поэтому он пропадал в других местах. Обычно в лесу, на речке, либо с книжкой на сеновале.

Такое различие в характерах объяснялось тем, что пошел Тимка в мать. Был он такой же смугловатый, темно-русый, с подвижным узким лицом и непоседливым характером. Поэтому узнав, что Антип уходит на поиски рудных мест, он вообразил, что такой розыск в принципе ничем не отличается от поиска сокровищ, и побежал уговаривать отца отпустить его с охотником. В принципе, он хотел заменить собой Радку, которая с головой ушла в учение.

Подспудно Тимку грела еще одна мысль – научиться стрелять из лука. А где и у кого, как не в лесу и не у Антипа?

Николай, погруженный в новые проблемы, кивнул в знак согласия, сначала даже не поняв, чего от него хочет сын, а когда тот уже убежал, неожиданно опомнился и поднялся, чтобы броситься вдогонку.

⁷ *Hipericaceae* – зверобой.

⁸ *Matricaria recutita* – ромашка аптечная.

Однако Любим похлопал его по спине и посоветовал не переживать попусту. Как сын может вырасти мужчиной, если его постоянно опекает? А Антип за ним присмотрит и поучит лесному делу, к детям он стал относиться очень внимательно после смерти жены...

Так что Тимка уже несколько дней ходил по лесам, изредка забегая в кузню либо на место строительства их будущего дома, чтобы поделиться новыми рудными местами и найденными образцами. К Вовке и его ученикам он тоже заходил, виновато посматривая на трудящегося в одиночку друга. Тот только пожимал плечами, ничуть не обижаясь. Чего не дано Тимке – так это усидеть на месте и раз за разом объяснять, как складывать новые для ребят числа или составлять буквы в слоги.

Так что слова Николая на третий день их пребывания в веси здорово прочистили мозги Ивана.

Получалось не очень. Все при деле, а он?

Воинское поприще ему практически заказано. В его возрасте навыков великого рубачи не приобретешь. Так только, чтобы не выглядеть полным неумехой.

Куда же направить свои помыслы? Руководить и координировать? Конечно, можно было бы уподобиться некоторым людям из оставленного мира, которые только этим и занимались, потому что ничего другого не знали и знать не хотели.

Но это не входило в его планы. Не тот характер он имел.

Скучно это, да и люди здесь другие – не поймут, если ничего не представляющий собой человечешка выползет и начнет раздавать ценные советы. Ладно бы родословной какой обладал, тогда было бы еще понятно – век такой. А так разве что за шута примут...

Поэтому Иван твердо решил найти свой интерес в этом мире, а то там был «ни пришей, ни пристегни», и тут может стать таким же. Вот и Николай, похоже, немного обиделся. Ходит, мол, пристаёт, нет бы делом заняться...

Вот Иван и решил с чего-то начать. Хотя бы помочь разгрести первые завалы своим соратникам, а там уж видно будет. Само призвание найдет, если достойным ему покажешься.

С определенного момента он, помимо карты и наблюдения за плотницкими работами на новом доме, стал вникать во все новые идеи, запланированные Николаем для внедрения. Приходил к нему в кузню и нудно выяснял, что и где надо строить, как перегородить речку и организовать запруду. Как лучше, к примеру, поставить водяное колесо?

– Ты объясни мне как ребенку, Степаныч. Я понимаю, что вопросы иногда глупые задаю... Вот зачем огород городить с плотиной? Перебросим дубовое бревно через речку в узком месте, наденем на него колесо, закрепим, чтобы не съезжало, смажем дегтем, и пусть крутится себе. Зачем запруда и колесо под ней?

– Иногда ты просто на слово мне верь, Михалыч. Например, что скорость вращения верхнебойного колеса, то есть того, на которое вода падает сверху, будет выше, чем колеса, вращаемого течением, то есть подливного. За счет потенциальной энергии падающей воды. Ты вроде высшее образование получал, а не я?

– У меня другие приоритеты жизненные были. Десантуре зачем ваши железяки, а? – карикатурно стукнул себя в грудь егерь.

– Ага, а теперь меня донимаешь вопросами, ответы на которые я сам знаю не всегда. Так вот, насчет более быстрого вращения. Нам это и нужно. Сам подумай, мехами работать надо? Надо. Глину мешать для плинфы? Надо. А молот кузнечный? А воду поднять на огород? А мельничку поставить? Бабы в ступках зерно толкут до сих пор. А мужики успели только огородиться да жилье какое-никакое поставить. Не хватило сил даже на мельницу! Ты понял теперь, какое нам доверие оказали, поверив в наши планы? Рук рабочих не хватает, а нам аж шесть человек выделили!

– Хочешь сразу все проблемы решить?

– На все нашего колеса не хватит, но брать от него надо по максимуму, хотя совсем сильно и не размахнешься – речка не больно глубокая. Однако выкрутимся, по очереди будем механизмы запитывать, надо будет только передаточный механизм продумать. Такой, чтобы включать что-то одним движением рычага. Дернешь за него – прислонит он шестерню к вращающейся оси колеса и подключит молот или ту же мельничку... Ну и само колесо отключать тоже надо, не железное все-таки будет. А с чего начнем – это ты мне скажешь. Как твои следопыты, выследили что?

– Вот смотри, с глины они начали – попался им кусок жирной. Глянь, как тянется... Эта, как я понимаю, на посуду сгодится – местному гончару покажем. Тимка говорил, что к ботинкам липнет сильно.

– Не только для посуды. Для кирпича просто чистого песочка подсыпать надо.

– А вот еще... Этот кусок на целый кирпич потянет, сынок твой притащил в пакете. Он как раз с песчаной примесью. Пойдет для плинфы?

– Насколько я понимаю – пойдет. Но пока не проверим, не скажу ничего. Я ведь уже рассказывал, что в старину глину под зиму запасали, чтобы к весне часть солей и органики вымыло талыми водами. А что тут намешано – сразу не поймешь. В общем, сплошные эксперименты будут... Где, кстати, нашли?

– А вот это самое интересное... Километрах в десяти-пятнадцати выше по течению Дарьюшки, – ласково обозвал лесную речку Иван, – есть достаточно большой пологий холм.

– А что так приблизительно?

– Дык никак не научусь поприща переводить в километры.

– Ну, поприще вроде меньше тысячи саженей. Семьсот пятьдесят, кажется. По-разному на самом деле было. А обычная сажень – это расстояние между раскинутыми в стороны руками. Где-то метра полтора. Да не смотри ты на свои руки, Михалыч, народ помельче тут. Еще пядь есть, локоть, аршин, вершок... Хотя нет, последние два попозже появились.

– С пядью поясни-ка! С локтем интуитивно понятно.

– И как локоть, по-твоему, считается?

– Ну, от сгиба до ладони, – почесал голову егерь.

– Не-а. До конца среднего пальца. Сантиметров сорок шесть – сорок семь. И насчет малой и большой пяди... Малая, она от кончика большого пальца до кончика указательного, сантиметров восемнадцать – девятнадцать, а большая – до мизинца, сантиметров на пять больше. Вершок же примерно четверть малой пяди. Ах да, его же еще нет...

– Хм... А у меня почти одинаково получается – что до конца мизинца, что до конца указательного. Пальцы такие.

– Не суть важно, – махнул рукой Николай. – Точных измерений еще нет, просто имей это в виду.

– Ну ладно... Так вот, речка как раз этот холм огибает. В нем и нашли глину эту. Рядышком тоже места очень интересные есть, хотя дальше они в основном низменные, а сами почвы песчаные. А неподалеку, чуть в стороне – относительно небольшое болотце, но смотри, что там нашли... Черные катышки и зерна, на вкус сладковатые, а с других же болот образцы в основном с загогулинами... Ты, кстати, недавно на ночь глядя про наличие фосфора в таких кристаллах заикался. Вот спиралька, это как раз с ним руда?

– Ага, – стал рассматривать черные катышки Николай, бросив только мельком взгляд на колючий образец. – Проверим сегодня прокалкой на горне кузнечном. Заодно Любиму покажу, как это делать. Много принесли?

– Несколько горстей. А само болотце покрыто толстым слоем верхового торфа. Режь, суши, грейся. Главное же в том, что холм этот и болотце расположены почти в одном месте. И все это рядом с речкой. Хоть сейчас открывай кирпичное и литейное производство да сплавляй товар вниз по Дарье... Расчистить только русло от поваленных стволов надо.

– Ой, не говори «гоп», сначала проверить надо. Да еще угля древесного сколько для этого необходимо... И людей где возьмем? Горячее время все-таки. День год кормит, и так все лето...

– Ну, поначалу самим можно... – задумался Иван. – Слушай, а отяков никак нанять не получится? За железо не рудой брать, а работами или углем...

– Ну, хорошая мысль... Ты с Трофимом обсуди это сам, ага? – Николай немного помялся. – Катит нам...

– Чего?

– Катит, говорю... Вторая седмица пошла, как мы здесь, а уже ресурсы для переработки отыскивали. Народ-то на этом месте почитай два года сидел...

– Все нормально, Степаныч, народу не до того было. Тем более что мы же не золотишко нашли, болотные руды и глина кирпичная здесь всегда водились. Вроде известняк еще есть да торф, а других ресурсов кот наплакал... Кругом болота, леса, реки да камни отесанные. В курсе, что ледник почти до этих мест дошел?

– В курсе. А насчет золотишка или того же серебра, так они где-то за Камой водятся, если не врут люди. Хотя чего только про старообрядцев не говорили... За счет чего-то они здесь жили, и неплохо вроде. Нам бы мергель найти – тогда цемент можно было бы делать. Глин-то полно всяких, вдруг попадется?

– Ха. Твоими бы молитвами... – скривился Иван. – Сам знаешь, в области цемента своего не было, из Мордовии в основном завозили. Так что раскрытый рот можешь захлопнуть, ложки для него не будет. Еще то, что напланировали, осилить бы...

Вот и осиливал, прорисовывая очередную залежь на бересте махонькими значками около игрушечных елочек, березок, дубков и ленточек, символизирующих речушки и восстанавливаемых по памяти. При этом покусывая горький стебелек, неясный вкус которого смывал подступающее раздражение художника поневоле. Промелькнула мысль, что ближе к вечеру надо сходить и еще раз поговорить с Николаем по поводу водяного колеса. Завтра можно начинать.

* * *

Учебный класс на этот раз собрался на поляне под елками, перебравшись на другой берег Дарьи. Расшвыряв хвойные иголки, старательные ученики выводили на мягкой земле не до конца еще им понятные буквы и цифры. А между ними, кланяясь колыхающимся еловым веткам, мерно вышагивал Вовка, пристально всматриваясь в ломаные линии.

– Так, Андрей, ты не пробуй в уме все решать, всего на свете сразу не запомнишь. Запиши все столбиком. Угу... десятков много... значит... одна сотня переходит. Нет, сначала сложение осилим, потом вычитание дам. Главное, чтобы столбик освоили, а сколько уж там знаков – все равно. Да не опухнет твоя голова, не опухнет. Погоди – дойдем до умножения, так там наизусть заставлять учить буду. Так, Рыжий, правильно, смотри-ка. А вот попробуй слово «меч» написать. Угу. Нет, мягкого знака не надо. Ну и что, что мягко на конце... Так, близнецы, Чук и Гек. Хватит задираться! Выгону на фиг! Знаю, что по-другому ваши имена звучат, но будете охламонничать – буду звать именно так. Слово «жито»? Пиши «и», потом разберемся... Сначала научитесь писать, как я говорю, а потом уже отца своего отвлекать буду. Так... Ульяна... это не единица, помнишь стишок про цифры?

Вот «один», иль единица.

Очень тонкая, как спица.

Похожа единица на крючок,

А может, на обломанный сучок.

– А у тебя что?

За «тремя» идут «четыре»,

Острый локоть оттопыря.

– Нет, Ульяна, это не веточка попала, это ты просто просмеялась с Радкой весь свой первый урок, когда я новеньким объяснял про буквы и цифры.

Вовка похлопал в ладоши, призывая его послушать.

– Так, теперь задача на внимательность всем. «А» и «Б» сидели на трубе... Радка, молчи, неча кричать про то, что тебе рассказывали! Другие-то не знают. «А» упало, «Б» пропало, кто остался на трубе? Нет, не «А»... нет, и не «Б». Что значит никого? А кто более внимательно слушал? «А» и «Б»... Вот, прав ты, Рыжий.

– Володимир, – по-взрослому позвал учителя, подняв руку, Андрей. – Ведаешь ли про трубу, что в избе вашей воздвигнута будет? Пошто она вам надобна?

– Как это пошто? А дым куда выводить?

– А пошто выво... дить его? Сам в дверь уйдет...

– Так что, в дыму жить?

– С ним теплее. И прус со стрехи не падает.

– Это что за прус такой?

– Черен, аки уголь древесный. И лап много. – Андрей повалился на спину и задргал ногами, артистически изображая пруса.

– Таракан, что ли?

– Не ведомо такое прозвище. Ежели проползет он в слух, – актер ткнул пальцем на ухо, – то погрызет всю голову и будешь ходить с пустою.

Андрейка заулыбался своей придумке.

– Так вроде княжество у моря на... к полудню есть. Э... Тьмутараканское. Как же такого слова не знаете?

– А! Тматоркань. Знамо, есть такой город. Но прусы и там обжились.

– Если чисто в избе будет, то и прусов твоих не будет, – почти складно ответил, подумав немного, Вовка.

– Буде, не буде... Пусть, – ответил Андрейка. – А тепло? В дружинной избе холод стоит в зимнюю пору. Печка там глинобитная с трубой, как ты и сказывал. Зело студено с нею зимой. В Переяславле теплее было, так там на ночь истопки хватало, а туточки каждый час просыпаться топить надобно.

– Дома у нас русская печь стояла, – начал Вовка. – Давай я тебе расскажу, как она устроена? Что тут делать будут, мне не известно, но думаю, что почти то же самое... Сама печка очень большая. Низ у нее называется опечком и делается из брусьев или из кирпича. Он очень тяжелый и под ним в подполе обычно ставят несколько кирпичных столбов для подпорки.

Если взять печку вашу в дружинной избе... У нас почти похожая по форме голландкой называлась, она отдельно от большой печи стояла в другой комнате. Ее топили, когда нужно было быстро нагреть помещение, надолго ее не хватало.

А большая русская печь тепло всю ночь держит, постепенно его отдает. Нагреваться она начинает лишь по окончании топки, когда труба закрывается. Главное тут – тепло не упустить. И чем больше печь, тем больше тепла она отдает. У нас она в четверть кухни была, ну... клетки по-вашему, только отапливаемой. У нее даже лежанка была.

А огонь разводился спереди на открытом устье, на поду под сводом. Под – это кирпичом выложенная площадка почти над всем опечком. Мама в детстве даже мыла меня в печи. Протопишь ее, дашь слегка остыть, выметешь золу с пода и сажу со свода, настелешь толстый слой мокрой соломы, и залезаешь с шайкой и горячей водой.

Мама закрывала заслонку, и я сидел, парился там. Конечно, тесновато и испачкаться можно, но грязь вся катышками сходит и дышится потом легко. Потом баньку отец поставил, там мылись, но вспоминаю я почему-то всегда, как в печку лазил.

Мама, кстати, на поду и пироги пекла, и щи варила. Горшки ухватом задвигала... Это такая железная кочерга, что горшок охватывает, вот такой формы, – Вовка провел в воздухе руками. – Знаете? А горшки? Донце узкое, а тулово расширяется кверху? И горшки другие? Ну, ладно, потом покажу, если увижу когда-нибудь.

Перед устьем печи, кстати, небольшая площадка есть, называется шесток, ну... это тот же самый под, только под устьем. Сбоку загнетка расположена. Как печь вытопится, последние синеватые огоньки прогорят и только красные угли останутся, так устье заслонкой плотно закрывают и трубу тоже. А горячие угли в загнетку сметают и присыпают их золой – это для следующей растопки. И только тогда печь и начинает прогреваться.

– А шесток зачем?

– На шестке и пищу хранят в горшках, и подогревают иногда лучинками на таганке – кольцо таком железном, на ножках. Лучины же и наколотые поленья для растопки лежат обычно в подпечье – это ниша такая глубокая в опечье под шестком. Меня мама пугала, что там хозяин живет, то есть домовой...

Вовка увидел, как согласно закивали ребята... Где, мол, ему еще жить?

– И кот наш туда залезал и глазищами своими зыркал. Ну... кот! – на этот раз глаза ребят лучились недоумением. – Рысь знаете? Вот это такая маленькая рысь, ласковая. А сбоку у печи в кирпичях дырки были для подъема на лежанку и полка неширокая, припечек называется. Там можно сидеть, а можно сушить обувь и носки... А спать я любил на лежанке. После гулянья залезешь – сухо, тепло, а сама лежанка занавеской задерживалась, никто не мешает.

Вовка мечтательно прикрыл глаза, вспоминая свою печку, маму, еще любившую отца, свое счастливое детство...

– Гладко ты рассказываешь, любо нам. – Андрейка обвел глазами притихших ребят. – И слова не так коверкаешь, как ранее.

– И вы уже понятно для меня э-э-э... баете. Словечек, смотрю, от меня нахватались. Наверное, дома не всегда... – успел отозваться Вовка.

– Гляньте, гляньте, Мстиша бежит, он вестником днесь! – закричал Вышата. – Случилось что?

Пацаны и девчата подались навстречу задыхающемуся Мстиславу, пытающемуся протолкнуть из себя короткие рубленные слова.

– Насилу нашел вас... Бежите в лес... по Дарье вверх бежите, через новый сруб, всех баб и детей уведят! Войско с низовьев на лодьях подходит, а лесом – чужие ратники одоспешенные! Вои и людины уже в веси собираются.

Глава 9

Нападение

Под вечер, как и собирался, Иван посетил кузню для очередного удовлетворения своей любознательности. Застал он там Николая, спокойно сидящего в тенечке на чурбаке и отмахивающегося веточкой от назойливых насекомых, и Любима, нервно бегающего по дну оврага и оживленно жестикулирующего во все стороны.

За столь необычным зрелищем с интересом наблюдал десятник, присоединившийся к вышеупомянутой компании совсем недавно и пытающийся понять причину возникшего между кузнецами спора.

– Что за шум, а драки нет? – попытался разрядить обстановку Иван.

– Да вот, выставил на публичные слушания мои прожекты по поводу печей, – ответил Николай, улыбаясь уголками рта. – Теперь слушаю критику в свой адрес.

– Лишился ума сей муж, – вскинул руки вверх Любим. – Блазнит нас горами златыми и мнит, что может он из той же руды нам втрое али впятеро больше железа достать. Мыслит башню построить Вавилонскую, что разрушена была во времена древние...

– Не спеши, Любим, – прервал его десятник, повернувшись к Николаю. – Сказывай, кузнец, аки ты собираешься железо нам доброе поставляти.

– Тогда начну с самого начала, – поднялся на ноги Николай. – С того, что в такой малой печи, как у Любима, нельзя получить много железа, да и качества хорошего у него не добьешься. А самое главное – много трудов на него тратится и той работой, которую обычный мальчишка может сделать, сам кузнец занимается. Сначала плетет каркас из веток, потом мажет глиной с двух сторон, сушит, обжигает... И с рудой сам занимается – добывает, отбирает, измельчает. Так, Любим?

Старый кузнец скрестил руки на груди и состроил обиженное лицо.

– Так-то оно так, да не так!

– Не так... А как крицу получил, печку надо ломать и строить заново... А угля при этом сколько тратится? Кстати, кто уголь заготавливает?

– То сами жгли, а в последнее время отяки лодками свозят...

– Угу, это мы потом обсудим... Сколько у тебя железа в сыродутной печи получается? Полкило? Ну... две гривны по весу? Это крица. А после проковки вообще ничего не остается! Пяток ножей, и только... А все почему? Потому что весь металл в шлаке остается, в соке, по-вашему! А остается потому, что железо не успевает восстанавливаться и в крицу уходить! Ты его сливаешь!

– Это бабушка надвое сказала!

– А тратишь времени ты сколько? Два-три дня на все? Молчишь... вот! Трофим Игна-тьич, первым делом к тебе обращаюсь, потому что староста все равно твоим указаниям следует. Люди нужны. Каждый своим делом будет заниматься. Много. Больше, чем мы можем себе позволить. Еще скажу... – Николай искоса посмотрел на молчащего десятника. – Есть путь улучшения восстановимости железа, ну... чтобы выход его в крице был больше из такого же количества руды. Надо повысить температуру... то есть сильнее нагреть эту самую руду, а для этого нужно увеличить высоту трубы и дуть сильнее.

– Вот! Незнама ты, самая что ни на есть! Так и кликать будем, – засмеялся Любим. – Всеу руду и уголь тратить будешь! Сам запомни и другим неучам передай – часть железа в свиное уйдет! И ни проковать, ни согнуть его мочи у тебя не будет. Даже если беспроторица одолеет меня, то не буду таким гиблым делом заниматься.

Довольно улыбаясь, кузнец сел, поглядывая по сторонам.

– Твое свиное железо и есть цель моя, – спокойно продолжал Николай. – Однако я продолжу... Печь, или домница по-другому, будет высотой метров четыре или пять, может, даже побольше, и наддув она должна иметь сильный. Сделать это можно с помощью водяного колеса, которое мехами будет управлять.

– Мехами! Как ты кожаными ме... – начал Любим.

– Цыц, кузнец! Как дозволю слово молвить, так и будешь сказывать, а пока – молчок, – вмешался Трофим, недобро посмотрев на разошедшегося спорщика.

– Мехи можно сделать клинчатыми. Три доски одинаковой формы обшиваются кожей со всех боков. Средняя не двигается, а на крайние подвешиваются грузы, которые их опускать будут, – начал рисовать палочкой на земле Николай. – Вверх эти доски уже колесо будет поднимать с помощью кулачкового механизма... Вот такие зубцы надо вразнобой вставить в колесо, а в нижних досках отверстия вырезать и кожей их прикрыть для доступа воздуха, когда мехи опускаться будут. Ну... сделать легче, чем объяснить. Я – сделаю. Если же будет для них много работы и снашиваться они будут сильно, то заменим другим механизмом. Придумаем что-нибудь...

– Ты про печь свою колдовскую скажи!

– Теперь про печь, – недовольно оглянулся Николай на Любима. – Снизу два отверстия сделаем. С одного твое свиное железо сливать будем, а с другого, что повыше, шлак. Временно их глиной замазывать будем и разбивать каждый раз.

– Сли-и-ивать?... – протянул Любим и тут же заткнулся, получив от десятника по шее кольчужной рукавицей.

– Именно так. И разбирать ничего не будем, и печь будет постоянно работать. Из такого железа можно сковородки лить, чугуны... Кстати, оно как раз «чугун» и называется. А также другую металлическую утварь производить можно, только формы предварительно надо из глины наделать.

– Что тебе для этого нужно? – холодно поинтересовался Трофим Игнатьич.

– Что нужно? Печь саму класть надо из огнеупорного кирпича... Это я к тому, что не каждый кирпич подойдет, отбирать будем. Сразу скажу, что повезло нам с глиной. Времени, конечно, не было для нормального обжига кирпича, но вот что получилось. – Николай нагнулся и достал две лежащие в стороне плоские плинфы. – Только для нижней части печи нужно кирпич потолще делать... Либо гранит найти, либо другой такой же твердый камень, который трескаться не будет от жара. Смотри, Любим!

Старый кузнец подхватил один кирпичик пальцами, пощелкал по нему, прислушиваясь к звуку, и одобрительно крикнул, не пытаясь более ничего сказать.

– Так вот, возвращаясь к людям, – продолжил Николай. – Для кирпича или той же плинфы они нам позарез нужны. К примеру, для глины... Чтобы ее достать, намять, в формы положить, а потом еще и высушить, человек пять понадобится. Правда, сушить и переворачивать детишки сгодятся. Для сбора руды, для промывки и для сушки еще столько же человек нужно, если не больше. Водяное колесо поставить – бригаду плотников подавай! Уголь нажечь опять же надо, это еще... много людишек набрать придется, Трофим Игнатьич.

– Сколько времени тебе нужно? – уже заинтересованно спросил десятник.

– Потом, может, быстрее управляться будем, но на первую печь не меньше десяти дней уйдет. Ее сложить – как целину вспахать! Мехи для нее надо сделать, кирпич обжечь... самих людей обучить премудростям работы. Еще для мешания глины механизм нужен, чтобы народ от такого нудного дела освободить, плотину поставить, колесо на нее водрузить... До осени управимся, надеюсь...

– А по людям что скажешь?

– В первый месяц нужны семь-восемь мастеров по дереву и двое из тех, кто с глиной дело имел. Еще в качестве чернорабочих необходимо набрать двадцать или тридцать человек. Эти будут работать на постоянной основе, но зато треть из них могут быть бабами и подростками.

– Дозволь слово молвить, Трофим Игнатьич, – взмолился Любим и, дождавшись утвердительного кивка десятника, уставился на Николая. – А что ты с энтим чухуном делать будешь? Свиное – оно свиное и есть. Ни ковать, ни в дело пустить. Форму лить – так клинок добрый не получишь... треснет от первого же удара!

– Твоя правда... Для переделки чугуна в крепкое железо, которое сталью называется, я мыслю еще одну печь поставить, только небольшую, типа твоей. Туда чугун закладывать вперемежку с углем буду и тем же наддувом сталь обратно получать. Плавится-то чугун легче, чем железо.

– Колдун ты али волхв, не ведаю, но про дела рассказываешь зело странные... – задумчиво поковырялся в бороде Любим.

– Сколько железа ты обещаешь за день? – задал очередной вопрос десятник.

– Только пробой можно определить... Пудов сто или сто пятьдесят за плавку получим, однако делать чугун можно постоянно. Все от того зависит, как работать будем, хватит ли угля и руды.

– Сто пудов железа за один раз?! – изумился десятник.

– Железа из чугуна выходит чуть меньше, – поправил его Николай. – Усохнет оно после второй домницы, да и труда на это приложить нужно немало. Только вот сразу предупредить хочу, что печь не вечная, кирпичи лопаться от жара будут, фурмы забиваться и плавиться, так что день-два в неде... в седмицу на ремонт всяко понадобится.

– Непонятное ты толковал многое для меня, но смысл речей твоих уразумел я. Всех свободных от работ в поле людинов тебе отдам. Ну, как отдам... Верь ради железа сама к тебе на поклон пойдет. Отберешь себе потом тех, кто порукастее. Баб тоже дам. Этого добра даже лишку, пока страда не началась. До конца серпня успеть должен показать железо. В ответе будешь за все, а Любим помощником тебе будет. Гончара возьмете, тот глину знает, да и формы лепить научит. И плотники ваши на месяц.

– Прерву тебя, Трофим Игнатьич, – вмешался Иван, памятуя, как десятник высказал ему неодобрение по поводу неуважительного к себе отношения. – Ставить все это надобно тут...

Развернув карту, которую принес с собой, егерь начал показывать ориентиры.

– Это Ветлуга, это Дарья... А вот тут, поприщах в двенадцати вверх по течению, холм есть. Там и глину, и руду болотную нашли, всё в одном месте. Речка есть, течение быстрое, перепад высокий. В самый раз там колесо поставить и жилье для работников, только надо дорогу к этому холму проложить. Кстати, рядом с всею еще одну плотину можно установить – для кузни, для помола зерна... но это уже потом.

– Эх... ложку дали, так ты в котел всей харей залезть хочешь... И сруб тебе поставь, и дорогу проложи. – Десятник покачал головой и хлопнул себя по колену. – Эх, была не была, ее торить так и так придется... Но сначала делайте колесо и домницу вашу, как уговор был, а люди навесом обойдутся.

– А сруб?

– После первого железа избу для мастеров поставим, не в лесу же им ночевать, – нехотя ответил десятник.

– Гляньте-ка, расшибется сейчас, – неожиданно указал Николай на прыгающего через куст, росший на краю яруги, дружинника. – Как поспешает... И мальцы за ним.

– Этот не разобьется. Воин, не смерд, – констатировал факт десятник, сразу посерьезнев лицом.

– Трофим... беда. – Дружинник, оказавшийся старым знакомцем Петром, начал сразу выкладывать. – Отяк снизу на однодеревке проплыл, крикнул что-то... Догнали и с грехом

пополам разобрались, что их нижнее поселение вои обложили часа три назад. На трех больших лодьях приплыли, дань белкой потребовали.

– Кто?!

– То ли болгарцы, то ли еще кто – непонятно. Долго эти вои ждать отяков не стали, селение взяли с налета – девок топчут, на лодью волокут. Положили людишек уже сколько-то. Часть опять на суда грузится, никак к нам собрались. Другая же часть могла по тропкам лесным раньше выйти в нашу сторону. Отяков так и взяли, обложив сначала с берега, немногие утекли. Не более половины часа пройдет – и у нас они могут быть, да и ветер в нашу сторону задул...

– Так, Петр, одного мальчика в поле шли, абы людины за тын прятались, а бабы в леса уходили, без захода в весь! Другого по избам вестником! Четверть часа – и духа бабского в поселении чтобы не было. Вместе с дитями. Сказывай, ежели упрутся, то ворота затворим, и останутся они врагам на растерзание! Брать еду, одежду, топоры, луки охотничьи. Не одну ночь проведут под небом, аще господь не смилостивится. Скотину людины с пажити пусть в весь гонят. Не успеть бабам ее с собой в лес увести, да и выследят. Ну как, мальцы, смекнули? Бегом!

– Мне что? – вскинулся Петр.

– Ты проследишь, дабы уходящим охотников выделили. Пусть те схрон в чаще ищут, а по пути следы путают. Потом ворота затворить, смердов одоспешить, чем придется, и с луками на стены. Не высовываться особо. Все... Исполни!

– Дозволь слово сказать, Трофим Игнатьич? – встрял Иван, оглядываясь на убегающего Петра. – Пусть бабы на место идут, где железо лить намечали. Кузнецов и плотников по дороге возьмут, дело начнут понемногу. Если лес не рубить, то их неслышно будет.

– Ты что, Михалыч, я тут останусь, – оторопел от такого предложения Николай. – За что это ты меня отсылать собрался?

Десятник недобро усмехнулся и даже не посмотрел в сторону пытающегося доказать свою полезность кузнеца.

– Прав ты, вой иноземный. Пусть идут. Заодно руки мастеровые сохранными будут... Ты с ними?

– Шуткуешь, Трофим Игнатьич? – откликнулся егерь без промедления. – При тебе буду неотлучно, если не прогонишь. Мне любая заваруха только кровь в жилах разгоняет.

– Ну, добре, коли так. Слышали, огненных дел мастера? Все, что надобно вам для работы, не забудьте и баб в лесу стерегите. Заодно на работу их поставьте, дабы скука женскую суть не заела.

Не слушая возражений, десятник развернулся и отправился спокойным шагом в весь.

– Полно, Николай, не мельтеши, – успокаивающе взял за руку своего собрата по ремеслу Любим. – Слово сказано... Коли откажешься – так приголубит, что не встанешь опосля. А то и голову снесет. Дело-то не мирное. А мы покамест мальчика какого пошлем к Вовке и ребятам, что у него учение принимают. Ежели к срубке вашему сбор объявить, лепно будет?

– Тимку тоже предупредить надобно, – кивнул Николай, соглашаясь со свершившимся.

– Тимофей твой в лесах с Антипом, там как раз сейчас без опаски ходить можно, – попытался приободрить земляка Иван.

– Верно рассказывает, – согласился Любим. – Ибо враг в чаще нашей плутать будет яко слепой кутенок.

– Ну ладно, мужики, – нетерпеливо переступил с ноги на ногу егерь, торопясь догнать десятника. – Прощайте, удачи нам всем. Да... Вячеславу про то, что Вовку с собой берете, я передам.

* * *

Через час весь была отрезана. Два огромных досчаника, иногда называемых заморскими лодьями, ткнулись в берег выше по течению.

Чуть в стороне от холма, на который взбиралась весь.

Не дожидаясь, пока с судов сбросят мостки, в прибрежный песок стали прыгать воины в халатах и коротких кольчугах поверх них, растекаясь пестрой волной по пажити. Головы их венчали скругленные шлемы, на которых болтались спадающие ниже уровня лопаток пушистые хвосты. Через несколько минут с другой стороны холма донесся условный свист о том, что и там появились чужеземные вои.

Дозоры втянулись в весь.

– Бургасы... – Десятник сплюнул с помоста, тянувшегося вдоль тына, на землю. – Лисье племя, каждый второй с хвостом на шеломе. Нешто услышали про нас и слетелись, шакалье? С большей части черемисов болгарцы дань берут, точнее князьки местные ее собирают и куда нужно везут, вот и не трогают их. Бургасы же сами данники Булгара, черемисов разорять им невместно, но про нас закон не писан. Да и с Суры ход недолгий, если там они прошли... Тьфу!

Он еще раз сплюнул, объяснив сложившуюся ситуацию стоящему рядом по долгу службы Петру и тихой сапой пристроившемуся Ивану.

Потом глянул на опускающееся за лес солнце и добавил.

– Попали, как кур в ощи́п. Обложили, не продохнешь... Свара, ходь сюда! Посчитал воев?

– Десятков шесть будет... Все одоспешенные.

– Так. Нас всех будет пять десятков, да в лес один ушел. Из них семь воев да полтора десятка бывших пешцев с никудышными мечами, а остальные смерды с охотничьими луками, плевком перешибешь... Срезни доспех не возьмут, так что дели еще впятеро. Три десятка против шести их. Аще пойдут те в одном месте, несдобровать нам. Прижмут стрелами, шесты наложат... вон, готовят уже. И пройдут в весь как по помосту. А там и вырежут нас всех как щенков.

– Ну и мы, глядишь, положим половину, – вскинул ружье егерь.

– Десяток или полтора положим. Аще ты еще кого из них живота лишишь, то доброе дело будет, токмо кроме воронья нас дальше не ждет ничего.

– Если все так худо, то хорошее скажи, нечего настрой перед битвой поганить, – скривился Иван.

– Будет тебе и доброе. Маска железная лишь на предводителе бургасском да еще на паре-тройке воев. Более ни у кого нет, так что в лицо стрелы метать можно... коли они стоймя встанут да руки в стороны выставят, щиты отбросив. Кольчужки короткие, ноги кроме халата ничто не прикрывает. Ежели срезнями ниже колена бить, так многие охromeют и не добегут до тына, а при удаче и жилу кровяную перебить можно...

– Еще что?

– Все на этом. Вои эти и степному бою обучены, и в лесу не пропадут. Живут они за землями мордовскими, битые, резаные. За хазар ранее ратились, теперь болгарцев от других степняков да рязанцев прикрывают. У каждого лук, сабля или меч, ножи боевые... а то и сулица, копье. Еще худо, что многие из них басурмане, нас за неверных считают. Под нож пустят, не думая долго, хотя... это больше к болгарцам относится, среди этих вроде всякий народ живет без притеснений...

– Что, звери, а не люди, как мы?

Скривившись, десятник добавил:

– Наши князья тоже в усобицах кровушку всеу льют. Так что люди как люди, новгородцы так же разбоем промышляют. И эти не злее и не добрее других, оратаи и охотники, торгов-

лишку ведут... И девки у них зело статные, ядреные да норовистые. Кровь с молоком... Эх-х... Вот баб наших, девок и мальцов они на продажу и пустят. Более у нас взять нечего. Скот не нужен им ценой живота своего. Свой есть, да и места нет на лодьях. Еще меха возьмут и железо, если найдут. Могут и насады наши с заводи забрать, хоть те и не на плаву ныне... Доволен ли?

– Знание – сила.

– И то верно.

– А еще говорят у нас, что «мертвые сраму не имут», – поглядел на Трофима Иван.

– И нам про то Святослав завещал. Почитаете его?

– Да, наш он.

– Добре.

Несколько минут прошло в молчании. Затем из-за ветлужского холма показались два буртаса, подталкивающие в спину смерда и отрока, бредущих со связанными руками. Потратив некоторое время на то, чтобы их разглядеть, десятник пристукнул окольчуженной рукой по бревну тына.

– Вот и смертушка наша пожаловала... Мнится мне, что доставили они старосту отякского Пычя с его сыном старшим. Выведет он их на наших баб и детишек, как есть выведет! Живот сына его в руках буртасов, и то для них порука в его верности. Выведет... Чужаки мы отякам пока.

– Разве найдут наших, Трофим? – откликнулся Петр. – Охотники не скопом людишек повели, а как положено, по несколько человек окольными путями. Сами не знают, где в лесу ночевать будут.

– Первый охотник он, – отвечая на недоуменные взгляды вокруг, пояснил десятник. – Все схроны и тропиночки ведаёт окрест. По сломанной ветке сказать может, кто прошел, да много ли часов назад. Коли наши бабы соберутся в одном месте, так аккурат туда и выведет... О, уже скачет, глянь, от их сотника шакаленок. Вот порода степная, хоть пару коней, а на лодье разместили.

Подъехавший к тыну стройный всадник с четким профилем породистого лица что-то прокричал но, не получив ответа, подъехал ближе и стал громко повторять заученную речь, коверкая слова чужого для него языка.

– Славный сотник Ибраим саказывал ворота открыть, час дает. А то всех резать будет. След ваших женщин мы найти. Завтра воины пойдут и возьмут их. Здайся сам, жить будешь.

Всадник развернулся, закинув круглый щит на спину, и, легко гарцуя, отъехал от веси.

– Может, снять надобно было, Трофим Игнатьич? – Свара подошел по мосткам к десятнику.

– Погодь, Свара, не суетись. Они нам ночь дали.

– Про час говорено было.

– То присказка. Воев ночью они в лес не пошлют, и светлым днем вдоль Дарьи не проде-решься. А на приступ идти им покамест резона нет. По всему видно, что за добычей пришли, не воев терять. Совет будем держать с дружинными. Петр, идем, поведаем друг дружке, что делать будем поутру... Свара, за старшего на стене.

– Дозволь, Трофим Игнатьич, слово еще разок молвить? – нарисовался перед десятником Иван.

– Давай, вой, нам торопиться некуда, чего дельного присоветуешь?

– Отпусти ты меня пошалить среди тех... буртасов. Обучен этому. Не получится, так предупреджу баб, чтобы в леса дальше уходили.

– Пощипать буртасов, сказываешь, есть желание... Что, Петр?

– Пусть идет, не помощник он нам. Не сгинет, так весть охотникам подаст – все польза будет.

– И то мысль. Собирайся, вой, после полуночи выйдешь. Но перед уходом покажись, могу и передумать. Аще сами замыслим пойти, то не пущу.

Иван коротко кивнул и отошел к Вячеславу, отиравшемуся на противоположной стене тына.

– Ну что, Слав, ухожу в ночь, если повезет и отпустят, – поднял егерь блеснувшие азартом глаза на земляка. – Давай поручаемся в крайний раз. Стрела, как пуля, шальная случается.

– Не плачь, родная, все там будем, – хмыкнул Вячеслав и, взяв Ивана за плечи, коротко прижался и хлопнул по спине рукой. – И ты не поминай лихом, если что...

Поделив патроны с напарником по-честному, то есть каждому поровну дробь и картечи, бывший капитан уединился на несколько минут в домике Любима. Там наскреб сажи с глинобитной печи и навел марафет на лицо и руки.

Без зеркала получалось плохо, но выручили въевшиеся по молодости движения пальцев по нарушению симметрии лица. Скинув мешающий поддоспешник, одолженный у кого-то из дружинных на случай «авось спасет», Иван поплясал на предмет издаваемого шума и отправился к Сваре за сведениями об окружающей местности.

Вопросов было много, однако главный состоял в возможности выбраться из веси не привлекая внимания буртасов. Не через ворота же выходить?

Получив порцию ворчания и причитающихся ехидных шуточек на темы «а чего ты такой грязный?», «есть ли у тебя желание еще извальяться?» и «лужа в углу тына уже битый час без свиней простаивает», Иван услышал заверения, что все пройдет в лучшем виде и его доставят за изгородь с любой стороны. А вот дальше... Вниз по холму есть пара глубоких оврагов, но их точно возьмут на заметку.

– Не пройдешь ты, вой, – подвел итог Свара. – Обложили знатно, не просочишься. Да и было бы что обкладывать... Со стороны леса вся весь шириной в две сотни шагов всего, а до деревьев по пажити, не соврать бы, два раза по столько. Не ведаешь, на что идешь...

– Зато на небе тучки, дождь вот-вот начнется, авось повезет...

– Пусть Перун тебе удачу пошлет, – еле слышно прошептал Свара. – А нет, так все одно встретим вскоре друг дружку...

– И вам тут не скучать.

Кивнув, Иван отправился под покрывалом сгущающихся сумерек в сторону совещающихся дружинных людей.

Трофим, Петр и остальная компания собрались под недавно воздвигнутым навесом, покрытым свежей drankой и стоявшим рядом с дружинной избой для таких вот летних посиделок. При сооружении сего строения никто не мог предугадать, что здесь будут решаться судьбы селения таким большим количеством людей, и места подошедшему уже не хватило.

Упомянутая компания, кроме названных лиц, состояла из старосты Никифора, седого старика с живым лицом, занимающего центральное место, и двух дружинников. Все они расселись на двух лавках за грубо сколоченным узким столом из расщепленного пополам и обтесанного ствола осины.

Постояв минут десять, Иван уяснил, что обсуждение зашло в тупик. Все схемы противодействия, сочиненные, когда весь еще только закладывалась, пошли под откос. Никто не рассчитывал, что подойдет столь внушительная немилосердная сила, стремительным броском отсекая селение от леса, а ведь подошли еще не все: одна лодья осталась добирать полон и рухлядь у отяков.

Когда шел выбор места заселения верви, то надеялись, что на Ветлуге смогут отбиться от небольшого числа новгородских ушкуйников, что черемисскому князю в случае недопонимания преподнесут очередные богатые подарки, и согласятся заплатить мехами и серебром болгарцам, если те, не дай бог, придут проверить, что же творится у них под боком.

Также думали, что смогут договориться с суздальцами, иногда заплывавшими в эти воды поторговать или собрать дань с местных племен, все-таки почти свои люди.

Но фактически – от чего убегали, к тому и пришли.

«Да, некуда крестьянину податься... Или христианину? – подумал Иван. – Один черт...»

Речь в удивительно спокойной обстановке за столом шла о том, как лучше погибнуть – быстро или с честью.

Быстро – это прорываться ночью в лес, пытаясь предупредить и увести жителей веси подальше в глухую тайгу, отрубая концы погони, которая без всяких сомнений повиснет у них за спиной. Наверняка прорыв встретит подготовленная засада и положит большую часть переяславцев. Недаром единственной информацией, переданной конным буртасом, была та, что на рассвете те выйдут по следу ушедших.

С честью – почти то же самое. Выйти из веси и броситься в самоубийственную ночную атаку, когда превосходство в мастерстве и доспехе слегка компенсируется темнотой и жаждой мести. Тогда есть возможность нанести противнику такой урон, что он не будет помышлять о преследовании баб и детей. Но в случае неудачи оставив их на полное растерзание.

Вариант остаться за укрепленным тыном и надеяться, что мимо не проведут полоненных жен, детей и соседей, не рассматривался как почти невероятный. Разговор между собравшимися шел в свободном формате, без всякой субординации. Десятник вообще сидел наполовину отвернувшись и поигрывая ножом, то и дело втыкая его в лавку рядом с собой, видимо, уже что-то для себя решив.

Как понял Иван, его собственную попытку пройти дозоры не рассматривали за своей ничтожностью. Видя, что дело идет к концу, егерь решил вмешаться:

– Нет ли желания у почтенных воев и членов общины выслушать совет?

– Сказывай свою мысль, – поднял на него глаза старик.

– А если не нападать на стоянку буртасов, а обратить внимание на лодьи?

– Говори, что на уме, вой, – подвинулся десятник к столу. – Сам мыслил лодьи пожечь, но то делу зело не поможет, так как третья есть ниже по течению.

– Сколько воев у буртасов со стороны холма весь стережет? – оперся кулаками на стол Иван.

– Два-три. На случай, ежели вплавь кто решит уйти. Остальные перегородили саженой сто пятьдесят от Дарьи до берега, что вниз по течению от веси. Гляди, вой...

– Чего ты его, Трофим, все вой, да вой величаешь?... – задал вопрос старик. – Ужель имени у него нет?

– Имя есть, помню про то, Радимир, – ответил тот. – Токмо к веже пусть приучится сперва. Ужо начал понемногу. Забыть не могу, что десятником он меня кликал, будто шавку, да вел себя гордо, будто право такое имеет. А делами такого права еще не заслужил, слова одни пока. Даже князь меня по имени величал...

– Гордыня тебя обуяла, смотрю... Ну да ладно, дело-то не самое худое, – кивнул Радимир. – Продолжай... десятник.

– Гхм... Уйти нам через шеломань на Ветлугу не позволят: сигнал те двое дадут, лодьи отойдут от берега, стрелами побьют... Аще и пронырнет кто, то без кольчуги что он... Гх-хм...

Слегка оконфуженный десятник задумался.

– Вот и я об этом, Трофим Игнатьич, – отвалился от стола Иван. – Весть подать я на себя возьму, кольчуга для этого не надобна. Нет ее у меня, да и неудобно мне в ней, не говоря уже о том, что звоном выдать может. Лаз есть с той стороны?

– Есть, как не быть.

– Тогда на мне доставить известие в лесной лагерь. Поднырну вниз по течению, это мне не впервой, не заметит никто. А дальше дорогу я найду как-нибудь, даже впотьмах – водили

меня по тем местам. Теперь о нападении на лоды. Если я тишком не пройду через тех двоих, то сразу с обрыва в воду уйду... Глубоко там?

– Два-три роста твоих будет. Потому и весь ниже по холму ставили, что течение там быстрое и склон подмывает, – заметил Радимир. – Глубина ничто для тебя? Мы-то люди степные... от Днепра далече было.

– Ничто. Так вот, если я смогу снять бургасский дозор, то вернусь к лазу, скажу об этом. Сам уйду сразу, а вам воля лоды взять или пожечь. Если возьмете хоть одну, то торговаться с ними можно. Хотя... – почесал густую щетину Иван. – Нет, на пустую торговаться не будут, особенно если насады нашли. А вот урон с вершины холма стрелами причинить сможете этим суденышкам. Только уголья в горшке пронести тихим образом надо...

– Пронесем, не об этом мысли, – прервал его десятник. – И как урон врагу доставить, не твоя забота. Не в обиду сказал, зла не держи на меня, просто тебе о другом думать надобно... яко ты дозор снимать будешь. А уж ослобонишь от сея прети нас, то мы и выступим. Ибо не решались мы выйти грудь на грудь с таким войском: побили бы нас и веи конец. А ежели скрытно, то с края шеломани али, как ты ее прозываешь холма, достанем мы дружинными луками навесом до лагеря и лоды огнем осыпем. Хоть там поболее ста сажень будет, но нам с пригорка стрелы бросать... Мал щипок, да дорог. А попрут бестолково враги на вершину мимо веи – то оттуда уже охотнички их стрелами закидают.

– Фланговый огонь, угу... А насчет того, как дозор мне снимать, не беспокойтесь. Не ведаю, смогу ли, но в темноте моему ножу все преимущества. Таким вещам меня обучали, а потом еще и школа хорошая была.

– Иной раз слова и мысли ты непонятные для меня высказываешь, – проговорил после нескольких секунд тишины Радимир. – Да не в сей час мы с тобой говорить о том будем. Не начинал я ранее этого разговора, подожду немного еще. Когда идешь?

– Сейчас и пойду. Не ожидают они сразу такой наглости, да и стемнело уже почти.

– Поспрошай Свару о дозоре. Он вой глазастый – в сумерках мог углядеть, куда они расплозились, – заметил вслед уходящему егерю десятник.

* * *

Тучи прикрыли землю от взоров ночного небесного светила и далеких стелых звезд.

Тучи, не позволяющие разглядеть подрагивающие на земле тени на фоне темного вечернего неба.

Тучи, скрывающие затаившегося гостя от ненужных ему любопытствующих взоров.

«Эх, еще бы не дать чутким ушам засечь хруст мелких веток, попадающих под толстые подошвы».

Но вот и ветер поднялся, порывисто шевеля стебли уже подросшей травы. Стоит ему затихнуть, и сверчок на соседнем цветке начинает шевелиться и разминать передние крылышки, для того чтобы завести свой звонкий металлический стрекот.

«Или ты ночной кузнечик? Бывают такие?»

В кустах кто-то завозился, пофыркивая, и спугнул небольшую невзрачную птичку, перелетевшую на соседнюю ветку.

«Пой же, серая, пой, как мне не хватает твоих отвлекающих соловьиных трелей. Уа!.. Зараза кусачая, да когда же ты заползла-то в это место! Так, ногу немного расслабить, отпустить напряжение, сжимающее тело. Передвинуть немного руку.

Уже близко, можно прикоснуться к массивному стволу березы, чтобы чуть приподняться над землей. Вот о тебя как раз можно и опереться, не выдав себя скрипом коры о шершавые подушечки ладоней.

Тын остался позади уже давно... время медленно течет, убаюкивая лес и его обитателей.

И ты спи, немолодой уже, вон как бородка клюет на грудь в такт переливающемуся стрекоту из травы.

Да что же ты встрепенулся, родимый, это же соловушка наш завел свою песню.

Эх... кабы посидеть с ладной девкой сейчас под кустом, положив ладонь на тонкую талию, что-то промурлыкать ей на ушко под выбившуюся прядь, а потом... Э-э-эх, потом! Да меня что-то понесло, а уже осталось совсем ничего...

Лишь бы сучок не попался. Шаг, второй... треск... Нет, поздно, родимый, поздно, все, не трепыхайся, тихо... тихо... ты уже мертвый, только еще не знаешь об этом...

Как же жалко мне тебя, да что уж тут поделать, я тебя сюда не звал...

А, черт, что же ты после еды из своей куцей бороденки крошки-то не вытряхнул? Теперь вытирать не только нож, но и другую руку.

Так, теперь второй... должен сидеть метрах в сорока... А зайду-ка я на него сверху холма, там вроде тропочка была, по уверениям местных, на ней сучочки полегче разглядеть будет...

Э-э-э... ужик... или кто ты? Не разглядишь. Ну-ка ползи отсюда. Еще цапнешь...

Вот и второй дозорный... Да их тут двое, етыть... Так, стоп, не оглядывайся, тут никого нет.

Не оглядывайся!

Ну ладно... иди проверь... А я пока еще одного утихомирю... Оболтус... Зачем доспех снял? Поддоспешник проветриваешь?»

Нож блеснул под светом яркой звезды, все-таки заглянувшей за покрывало туч, и воткнулся в тощую шею сидящего сторожа, повернувшегося глянуть на отошедшего соседа.

Спустя мгновение на подбородок подозрительного напарника легла жесткая ладонь, сзади прижалось горячее тело, что-то удержало дернувшиеся вверх руки, и глухой треск перекрыл рванувшийся было из самого нутра крик.

«Э-э-эх, какие молодые вы, едрен батон, как говорит Степаныч.

Кто же догадался вас сюда поставить? А ведь могли бы жить да жить.

Ладно, расчувствовался... Эти шакалята завтра бы насильовали пойманных э... весянок, так? Правда, в третью очередь, но зато под подзуживание старших наставников...

Все, шеломы со всех собрать, а то не поверят ведь, чертяки... и вниз, почти не скрываясь.

Если кто-то есть еще в засаде не самый хитрый, то клонет и сигнал подаст. Лучше сейчас проколоться, чем позже, когда отряд уже выйдет из веси...

Ладно, чего я опять менжуюсь – уверен же, что никого нет...

Вот и забор. Хлопцы, тук-тук-тук...»

– Тихо, тихо, свои... убери клинок от горла. Вот вам шеломы, меняю на свой сидор. Вещмешок, говорю, отдайте. Ну, бывайте, я пошел...

Глава 10

Лесная засада

Ночной лес около поселения переяславцев встречал любого вошедшего в него этой ночью влажными объятьями колючих еловых веток и прелым запахом прошлогодней хвои.

Небесам не понравился вечерний напор темных грозовых туч, они разъярились и вспороли их оболочку вспышкой голубой ветвистой молнии, сопровождая ее глухим утробным громовым рычанием.

Ринувшиеся вниз потоки воды быстро опустошили небесные хляби, и дальше только моросящий дождик, более похожий на густой туман с плавающими в нем каплями воды, беспокоил лесную жизнь в древесной чаще.

Поеживаясь от ночной прохлады, в мокрой, отжатой на бегу одежде, Иван осторожно пробирался к строящемуся на лесной речке дому, стараясь не потерять ориентиров в глубине леса.

Вот пройдены огороды, вот осталось позади поле с первыми неровными всходами, вот новая пажить скрылась за спиной в густом сумраке. Нет, к старому пастбищу, где расположились лагерем пришлые воины, даже соваться не следует. Бр-р-р... холодно, хорошо, хоть обувь осталась сухой благодаря маленьким радостям цивилизации в виде полиэтиленовых пакетов.

Перед тем как войти в воду, Иван тщательно упаковал в них ботинки и патроны с чистой тряпичей. Потом он сложил одежду и получившиеся свертки в вещмешок и, медленно спустившись с крутого обрыва, бесшумно вошел в воду, стараясь раньше времени не потревожить охранение буртасов.

Если бы глинистое дно оказалось не таким скользким или просто хватило бы пакетов на остальные вещи... Ну да ладно, зато не заснет по дороге – стучащие друг о дружку зубы не позволят. Главное при этом – не заболеть, что вполне вероятно, потому что пересекать редкие просветы между лесными массивами пришлось ползком по холодной земле, щедро пачкая майку со штанами пятнами густо пахнущей июньским разнотравьем влажной зелени пополам с глиной.

Зато при выходе к месту назначения смытая наполовину с лица сажа вкупе с вышеперечисленными разводами придавала бывшему десантнику особый колорит. Глядишь, при взгляде на него подавится какой-нибудь вражина своим языком от восторга. По крайней мере, так Иван рассуждал, оглядывая прилегающую территорию.

«Так, сруб вместе с огородиком поставлен саженях (вот, уже привязалось, надо же) в двухсот пятидесяти от пажити, и есть надежда, что за короткий вечер пришлые (а сам как будто местный, ха!) не успели исследовать эту часть леса. А если успели, то не остались...»

Однако, подойдя к дому с дальней от речки стороны, капитан в отставке неожиданно ощутил, как его внутренний голос заартачился, собираясь из этой отставки выйти.

Не пойду дальше, и все.

Видимо, уже успел припомнить отголоски былых навыков, подобно тому как любитель побренчать в молодости на гитаре успевает за короткий срок восстановить послушность своих пальцев, бережно сняв со стены пыльный инструмент. Сначала, правда, приходится минут десять перебирать и подтягивать струны на уже немного рассохшемся и пооблупившемся грифе, но потом руки обретают память и начинают выдавать нечто похожее на мелодию.

«И че это ты не пойдешь?» – спросил капитан у своего «второго я».

«А ниче... вот буду тут сидеть до посинения...»

«Это ты можешь... Ну ладно, тогда положим, вот только осторожно заползу сюда... под раковый кусток. Надеюсь, что никто ничем сюда швыряться не будет... Авхг... какой к черту раковый, это же шиповник натуральный! Выполню завтра к чертовой матери...»

Устроившись удобнее и дождавшись момента, когда внутренний голос успокоенно замолчал, Иван замер и попытался что-то уловить со стороны новых строений. От куста почти ничего не было видно, лишь срубы избы и баньки на противоположной стороне поляны выделялись размытыми пятнами.

Тем не менее он не оставлял своего немудреного занятия. И в один прекрасный момент ему даже показалось, что оттуда донесся еле слышный шепот, однако забредший в эту же минуту на поляну ветер пронесся над верхушками деревьев, и шорох хлопающих на ветру молодых березовых листьев заглушил все звуки в округе. Однако дело он свое сделал – разорвал пелену облаков, и хлынувший оттуда слабый лунный свет выхватил смутные шевеления теней около подклети.

Иван хмыкнул и тихонько пополз из-под куста.

Поправив на спине ружье, бережно протертое после вынужденного купания (но постоянно цепляющееся за все низко висящие ветки, и словно бы высказывающее этим свое неодобрение небрежному к себе отношению), он по опушке крадучись подобрался к избе.

Затем прислонился к ее стене и, задержав дыхание, почти минуту прислушивался к доносящимся звукам. Глупо было бы, выбравшись из окруженной веси, самому придти в логово противника или напороться на шальную стрелу от своих же.

– Привет геологам и прочей братии, – наконец выглянул он из-за угла. – Хотел еще издали пропеть «пусть бегут неуклюже...», но внезапно понял, что кое-кто меня может не понять...

– Тьфу, прости Господи, напужал-то как... Аж дыхание захолонуло, – уселся обратно вскочивший было Антип. – Откель ты взялся, Иван?

– Откуда? Оттуда, из веси...

– Иван Михалыч, – начал Тимка, отодвигая руку от самострела. – А как...

– Дядя Ваня, и достаточно. Мы, Тимка, теперь все даже больше чем просто родня... А для остальных Иваном буду, называться по отчеству здесь как-то не принято.

– Дядя Вань, а выбрался ты как? Мы к самой пажити почти подобрались, там дозоры кругом басурманские стоят, мышь не проскочит...

– Расскажу сейчас... Антип, а зачем так было рисковать? – повернулся Иван к охотнику.

– Дык... вот привязалась от вас присказка. Надобно было проследить за ворогом. Как без этого обойтись? А от отрока сего... от него просто так не отвяжешься, – смутился охотник, кивнув на Тимку. – Цыкнешь на него, скажешь, что не зяяти его более с собой, а он все одно сзади ползет. Однако нечем мне ему попенять – тише меня скрадывается. Добрый охотник растет, а белку ту же тупой стрелой али птицу – так просто влет бьет.

– Это мне батя самострел немного улучшил. – Было заметно даже в темноте, как Тимка расплылся от похвалы. – Предохранитель поставил, тетиву перетянул. Дядя Слава обещал еще жилы на запасную дать, а дядька Любим болтов мне наделал. Мое это, нравится мне в лесу... Так как же ты выбрался из веси, дядь Вань?

– Хм... Ну раз ты тут ползал под самым носом у врага, то, пожалуй, знать тебе об этом нужно... Чтобы осторожность имел и понимал, чем все кончиться может, – начал Иван. – По трупам, Тимофей, по трупам я оттуда выбрался... а дальше сплавился по речке. Даже подныривать не пришлось особо, разве что случайно это вышло... А потом выбрался, отряхнулся – и вот он я. А вот зачем я такой путь проделал? Прознали буртасы... Что? Да, это именно они, Трофим опознал их по хвостам. Прознали они как-то, что баб мы в лес увели. То ли кто-то раньше подошел к веси, то ли следы при уходе явные оставили, но они твердо уверены, что внутри изгороди только вои и смерды...

– Нет среди нас смердов – людины мы, свободные общинники... – парировал Антип, неожиданно начиная горячиться. – Аще кто называет нас так, так то по гордыне своей. А смерды – это людишки сильно зависимые, имущества своего иной раз не имеющие, али поло-

няне, на земли осаженные. Их и продать, и переселить владетелю вольно. И проживают такие людишки в селах, оброк платят князю али боярину. А наша вервь в нескольких весях обиталась и токмо воинской повинностью князю должна была...

– Все, все... понял, Антип, прости ради Бога, – выставил вперед ладони Иван. – Я не в обиду сказал, просто так понял ваши слова и порядки... Так что ты думаешь по поводу людишек, которых мы около... как же обозвать-то... около железного болота собираем?

– Зело ты рек про место. А про баб... Мигом туда ночью обращусь, расшугаю по лесам, кого найду. Хе, хе... Ты вельми тихо скрадываешься, да вон морду свою всю расцарапал... А мне это не грозит, и ночь не помеха.

– Тут вот еще какое дело... Старосту они отяковского, что с низовьев, прихватили. Трофим баял, все дорожки он тут знает, и спастись от него никак нельзя...

– От Пычея? Стрелой в него бросить и угомонить навеки, раз он пошел против нас...

– Ну да, это можно попробовать, – задумчиво протянул Иван, но тут же скептически выгнул бровь. – А если его в доспех оденут?

– Ну... трудненько будет, но попытаться можно...

– Тут, Антип, дело такое... Никак этих воев выпускать из лесу нельзя. Каждый из них на счету, а если они весь соберутся брать... Вернутся обозленные, и что тогда? Пожгут все, но это бы ладно... побьют сгоряча весь народец, а скотину заберут. Бабам тогда останется только в одиночку с голодухи помереть...

– Так-то оно так. Да як же осилить эту прорву?

– Как? Тогда слушай сюда... – Иван устроился удобнее. – И ты тоже, Тимка, тебя это коснется в первую очередь. Не струсил? Ну да... хватит улыбаться, я же вижу... Ну, не вижу, так чувствую – тебе бы только дать в войнушку поиграть. Ты, Антип, пойдешь к болоту и соберешь тех охотников, кто уже пришел на место. Плотникам скажешь срубить несколько бревен ближе к месту, которое мы с тобой наметим. Ночью поберегутся пусть рубить, чтобы не зашибло ненароком, но бояться шума не надо – все равно буртасы сюда уже собрались выступать...

По мере обсуждения скептическое лицо Антипа понемногу разглаживалось, потом он начал энергично кивать, а в конце даже стал объяснять про место на лесной речке, где тропка близко подходит к обрывистому берегу.

Наконец охотник подхватил котомку и быстрым скольльзящим шагом покинул спутников, а Иван с Тимкой неторопливо собрались, захватили приготовленный Антипом смоляной факел и осторожно побрели вслед за ним по чуть заметной тропинке, ведущей вдоль лесной речки.

* * *

Десятник Алтыш нервно передернул плечами. Его мучили недобрые предчувствия, связанные с осаженной весью, а также злость и вынужденный ночной недосып, так что на этом фоне мелкие неудобства пешего перехода ничего не значили.

Отряд, который он вел лесной чащей, временами утыкался в непреодолимые заросли хвойных деревьев и завалы из полусгнивших древесных исполинов.

Однако идущий впереди отяцкий староста, которого угрозами заставили искать дорогу до лесного схрона местных людишек, неизменно показывал то на следы от лаптей небольшого размера на свежей земле, то на примятые стебли травы. И вел его воинов дальше вверх по течению вдоль берега, поросшего пятнами густой осоки.

Только раз он изумленно вздрогнул, заметив надломанную ветку, и долго стоял, прислушиваясь и недоверчиво оглядываясь вокруг. Но потом опять махнул рукой вперед, продолжив двигаться в том же направлении.

«Ох, а все с этой ночи не заладилось, будь она неладна, – продолжил безмолвный разговор сам с собой десятник, отправляясь вслед за проводником. – Казалось бы, после разгрома отяцкого поселения все должно сложиться удачно. Емяшко, племяш, сделал все возможное для этого. Прибежал к поселению раньше на целый час.

А что? Молод еще, ноги быстрые, да и без доспеха был. Вымотрел, как бабы в лес уходят, даже чуток проследил, куда они направились, а потом доложил об этом напрямую сотнику.

Молодец, отличился.

Ибраим его отечески по плечу похлопал, разрешил на следующий день с нами в лесной схрон идти выбирать себе долю в добыче.

А племяш-то как рад был! Оказывается, он уже присмотрел себе девицу, которая уходила в лес с маленьким ребенком на руках – русая, румяная, коса ниже пояса... А уж ее фигуру он так описывал вечером у костра, что слюна не только у молодежи пошла через губу.

А потом по секрету своему дядьке поведал, что не прочь взять ее не наложницей, а женой. И даже ребенка усыновить, если та противиться будет без него идти.

С одной стороны, парень еще юнец – кровь взыграла, вот и решился жениться. А с другой... что еще нужно воину для счастья? Чтобы верная да красивая жена дома ждала с добычей из славного похода...

Хотя красавицы и в родном селении не хуже, чем местные бабы. Черноволосые, статные, дородные. Чего он на русинку запал? Или это не русинка? А! Шайтан их тут разберет! Главное, что ее можно просто так в дом к себе взять, никакого тебе выкупа, как новые законы велят...

Да и сам он прорву лет прожил с полоненной словенкой, пока та не представилась в прошлом году, – почему бы и племяннику так же не пожить? А то свои девки покочевряжатся еще, прежде чем замуж решатся пойти.

В этом деле и мужчины в роду им не указ по обычаям старым...

Вот и выбирают себе мужа помоложе, да чтоб статью вышел, побогаче, да чтобы воин был первый... А не думают, глупые, что обычно бывает только одно из этих достоинств – богатый или молодой, выживший или первый.

А племяш его так и вовсе не в завидных женихах ходил. Сначала был в помощниках у кузнеца, но не срослось что-то, перешел в ученики к мастеру, который занимался строительством... А тот возьми и осерчай на него за что-то!

Пришлось Алтышу его к себе пристроить, предварительно обучив, как саблю в руке держать.

Мать Емяшко была его сестрой, помершей родами, а отец... отец был его побратимом. Только вот пропал его названный брат по-глупому, попав под купеческую саблю, когда они караван речной решили пощипать. Купцов вскорости всех положили, но разве этим сыну отца вернешь? А славная тогда добыча досталась...

Купец шелк вез не старой дорогой через Бургас, а водным путем по Кара-Идель⁹. Видимо, решил монет в мошне побольше оставить, а заодно и путь сократить. Да вот вышло, что жизни оставшейся себя лишил, старости в окружении молодой жены, любимых детей, светлого, большого дома, тучных стад...

Тьфу, – сплюнул Алтыш, попав себе на кончик сапога. – Да что это я размечтался о несбыточном? Никак бабы близко, вот их запахом дурные мысли и навеваются...

Так вот, насчет дурости... Сотник почему-то решил не брать нахрапом весь. Хотя да... Живут-то здесь небогато. У них на родине почти каждый в сапогах ходит, богатство у человека определяется – есть у тебя конь или нет. А тут лапти да онучи. Тьфу, голь перекатная, только воев положишь...

⁹ Кара-Идель – Волга от истока до устья Камы.

Мудро сотник решил. И Емяшко на жеребце правильно послал сказать местным воям, что поутру мы выйдем полон искать.

Только вот не клюнули русины на это – зря воины прождали в засаде на опушке леса.

Хотя этим-то повезло... А вот те, кто сидели у костров, изображая всю полную сотню, получили град стрел на свою голову. Трех сразу наповал, а уж пораненных сколько...

Как уж смогли заснуть Иштан и братья Енговат и Разгоз, что их прирезали спящими? Этого они уже никому не скажут... А Енговату вообще шею свернули как младенцу.

Эх... а нужно было всего-навсего высмотреть, если русины за тын с той стороны полезут, и сигнал остальным дать. А уж если много их через изгородь перекинется, то скинуть кольчужку да сигануть в реку – жизнь-то дороже... С лодьи потом подберут: в лагере постоянно два десятка в готовности, отплытия ждут.

Только вот от недалекого ума эти десятки вверх на холм бросились, когда оттуда стрелы падать начали, да еще и остальных с собой потащили. Потом один из десятников оправдывался боязнью, что стрелами лодьи пожечь могли. Было дело, пяток упало... Так ведь дождь был, разве же займется огонь по мокрой древесине? Мигом потушили...

А вот те, кто на холм бросился, еще и сбоку удар получили. Стрелы те, правда, были не каленые, а обычные охотничьи срезни, так им и этого хватило. Четверым ноги порезало, как раз чуть ниже халата попали, а одному прямо в лицо... Даже мне вспоминать тошно то месиво у него под шлемом, которое в итоге получилось.

Как сотник ярился, как ярился... Хотел сразу на весь всех послать – это ночью-то! Еле отговорили.

Потом кричал на всю округу, что всех неверных на кусочки порежет, само поселение сожжет, а землю потом сравняет и солью засыплет! Еще бы серебром грозился завалить, так же дорого вышло бы.

А-а! Вот что значит якшаться с булгарцами – наша старая вера теперь совсем не признается, никто и не помнит, как эти самые булгары объявили нам священную войну за набеги и силу нашу.

Да, было времечко... А ныне? Тьфу! Взять тот же нелепый обстрел с холма! Мельчают людишки, мельчают... А в итоге за ночь семеро убитых и десятков пораненных, из них трое, верно, так и останутся хромыми на всю жизнь. Такие потери...

С утра в сотне начали шушукаться, что удача отвернулась от Ибраима, как только он на русинов напал. Пора, мол, другого предводителя искать. Ха! Как же, найдешь... Ибраим в Бургасе к таким людям заходит... Ой, не надо вспоминать, от такого сотника просто так не уйдешь – везде найдет.

Да уж... А в результате этого обстрела в лес Ибраим отправил не три десятка, а всего лишь два. Иначе никак не удержать было местный люд в том селении – мигом бы все разбежались.

Но ничего, поймать бы в полон хоть часть сбежавших баб, а за остальными всегда можно вернуться. Да и голодно в лесу пока, так что сами они выйдут, когда животы подводить начнет.

Кроме того, с низовьев еще три с половиной десятка должны подойти на следующее утро.

Если успеют, конечно.

Им все-таки надо за день обобрать селение и зализать свои раны, раненых-то всех там оставили. Правда, немного их, и это даже не раны, а просто порезы... Так что хватит наших воев этим русинам за глаза. У них одоспешенных ратников всего человек пять, не более. Остальные не в счет. Хм... только под их стрелы все равно не хочется».

Путь, по которому их вел отяк, приблизился к речке. Справа, почти под самыми ногами извивался крутой, в рост человека глинистый обрыв. Сажени через четыре от него шел выступами противоположный берег, зажимая лесную речушку в тесные оковы. Узкий небесный просвет над ней только подчеркивал исполинские кроны деревьев с густым подлеском, замершие

по ее краям. Тихий утренний покой омрачал лишь сорочий стрекот, сопровождавший колонну всю дорогу. Неожиданно отяк впереди остановился, и позевывающий от недосыпания Алтыш чуть не влетел ему в спину.

– Поганая собака, как можно так вставать без предупреждения? – закричал он, отшвыривая проводника вперед.

Тот только успел вытянуть перед собой руку.

На тропинке, метрах в двенадцати от них стоял маленький растрепанный мальчик лет десяти – в одной руке он держал берестяное лукошко, а другая была заведена за спину.

Глаза его растерянно смотрели на подходящих ратников, и чувствовалось, что еще чуть-чуть – и он заплачет. Алтыш вымученно улыбнулся, присел на корточки, чтобы мальчик не испугался и не убежал, а потом поманил его пальчиком.

– Этот младенец нам и поведает, где тут у них схрон, – тихонько произнес десятник для остановившихся позади воинов.

Можно было и громче, но не хотелось спугнуть мальчонку... А что касается смысла его речи, то и так понятно, что стоящее впереди замызанное дитя, всю хлюпающее носом, его все равно не поймет.

Это было последнее, что успел сказать Алтыш. Дальше события втянули его в такой водоворот, что ни открыть рта, ни подумать он уже не успевал.

Слева от мальчугана, буквально шагах в трех от него из-за толстого ствола сосны выступила фигура человека в одежде странного покроя. Эти его одеяния были покрыты бурыми и зелеными пятнами, лицо было перепачкано полосами грязи, а в руках он держал черную длинную... палку, заканчивающуюся двумя зияющими дырами и направленную прямо на столпившихся ратников.

– Пычей, уллань¹⁰... – донесся резкий голос от чудаковатой фигуры.

Видимо, это были слова заклинания, потому что Пычей, всю дорогу не жаловавшийся на свое здоровье, рухнул на траву.

Теперь даже те, кто поначалу не обратил внимания на вышедшего из-за дерева человека, смотрели на него во все глаза. Кто-то потащил из ножен меч, а кто-то потянулся за стрелой, чтобы положить ее на заранее натянутую тетиву.

И тут вдруг раздался небесный гром такой силы, что некоторые воины позади Алтыша рухнули, а другие схватились за глаза, вопя от боли.

И сразу за этим ударил по ушам второй раскат, вызвавший новые стенания и крики ярости.

Десятник уже напряг мускулы, начиная тащить меч из ножен и пытаясь рывком поднять свои старые кости с земли, чтобы прыгнуть на незнакомца, как вдруг боковым зрением он увидел приближающуюся тень справа, со стороны реки.

Поворачивая в сторону опасности голову, он краем глаза успел с удивлением заметить давешнего мальчонку, который уже не выглядел так потерянно а, сжав губы, поднимал руку, держащую... самострел! Несколько таких игрушек Алтыш видел у сотника и знал, как они могут быть опасны...

В этот момент тень справа догнала все-таки голову десятника, оказавшись бревном, закрепленным веревками на верхушках деревьев.

¹⁰ Уллань – вниз (*удмурт.*).

* * *

Ловушку закончили рано утром. Срубить деревья, и очистить их от веток было нехитрым делом, хотя ночью это приходилось делать очень осторожно, чтобы ненароком кого-нибудь не зашибить.

А вот втащить бревна на деревья, предварительно вскарабкавшись туда самим, было очень большой морокой. Фаддей, старшина плотников, даже сверзился с середины наклоненного дерева оземь, правда, все обошлось благополучно, поскольку землей в этом случае выступала поверхность воды, и дело обошлось лишь купанием, отчего все оставшееся время тот походил на мокрого нахохлившегося петуха.

Несколько бревен подвесили торчком в ветвях елок, собрав веревки, на которых они висели, в пучок и привязав их к стволу березы, стоявшей чуть поодаль в густом подлеске. Одно умудрились оттянуть к деревьям на другом берегу, воспользовавшись тем, что одинокая ель стояла, сильно согнувшись в сторону речки, и пеньковых канатов, на которых бревно висело, в небесном просвете заметно не было.

Пришлась к месту и капроновая сетка, которую плотники прихватили из строящейся избы, чтобы «ворогу не досталась».

По крайней мере, так они признавались, отводя глаза в сторону.

Ее разместили в зарослях вдоль тропы на всякий случай. Если кто из буртасов запутается или запнется, то все польза для общества будет.

А на сладкое приготовили длинные заостренные колья, потому что бежать с топором на воина в доспехе всем представлялось слегка неразумным. Разве что метнуть его в спину, ну так это разве что враг специально к тебе задом повернется...

В течение всего времени подготовки Антип внимательно следил, чтобы кто-нибудь, упаси Господи, не натоптал или не намусорил непосредственно около тропы, и пытался собрать с округи стекающийся отовсюду народ.

К утру в его распоряжении оказались семеро охотников, которые окольными тропками довели людей до железного болота, как с легкой руки Ивана окрестили место, где нашли черные блестящие окатыши.

Некоторых из них обнаружили легконогие вестники-мальчишки, отправленные ночью на свой страх и риск группами в разные стороны. В деле поиска к ребятам также примкнули несколько бедовых девчат чуть постарше да несколько бабенок, не занятых заботой о младенцах и стариках.

Остальной народ отправили разбредаться в леса за болотом, а в случае нужды приказали всем уходить глубже в чащу. Однако последнему указанию было необходимо следовать только при отсутствии следующим днем сигнала на сбор, который должны будут подать те же неугомонные мальчишки. Тут уж кто дальше убежит – тот и спасется, если не попадет, конечно, на зуб диким лесным зверям.

В итоге на месте засады оставили только восьмерых вооруженных топорами и кольями плотников и кузнецов. Их отвели от греха подальше и спрятали саженой за тридцать от места встречи вверх по течению речки.

Охотникам же обустроили места для стрельбы на противоположном берегу так, чтобы никто из своих не попал по случайности в их сектор обстрела. И наказали бить врагу в лицо и по ногам, а кто силу чувствует в руках и луке с такого небольшого расстояния кольчугу пробить, то и куда глаз глянет.

Отдельного разговора среди размещающихся защитников заслуживала Ефросинья, которая стояла всех мужиков, вместе взятых. Когда Иван увидел ее первый раз в утренних сумерках, а прежде случая не было, так как сия боевая женщина командовала полевыми работами,

то первым делом схватился за топор, подумав, что опять нарвался на косолапого, а потом еще полминуты стоял, открыв рот.

Стоял, пока та не подошла к нему и своей дланью не подняла ему отвисший до груди подбородок.

– Шо, вой, не видал настоящих баб? Слюни-то подбери, ишь как воззрился на статью мою. Ну... упрасивать будешь, авось сломаюсь, слабость бабскую тебе покажу. Вон за теми кустами – уж больно по нраву ты мне пришелся...

– А...

– А остальные как-то мелковаты, разве что кузнец неплох, что с тобой явился. Но тот что-то на мои чары не падок, али просто виду не подает. Лишь ты такие пламенные взгляды бросаешь, что томно в груди становится...

Ефросинья гулко расхохоталась и прошла мимо, отчего все ее, надо сказать, выдающиеся в некоторых нужных местах тела мягко запрыгали. Вместе с бревном, которое непринужденно лежало в процессе беседы на ее многострадальном женском плече.

– Вот так вот, – сказал себе Иван, почесывая густую щетину. – Выходит, что не видел ты настоящих женщин... А ведь симпатичная бабенка, хм... если ее немножко пропорционально уменьшить.

Вот такой вот вой иного пола загородил тропу, дабы не прошел враг и не забрал баб и детей к себе в полон...

Справедливости ради надо признать, что в помощь ей Иван отрядил себя. Антип же чуть раньше ушел вниз по течению с обязательством довести противника до этого места и убрать по пути любые признаки того, что здесь может таиться засада.

А вот с Тимкой пришлось повозиться.

Он никак не хотел придавать своему лицу страдальческого, плаксивого выражения.

Сначала Иван пытался этого добиться командным голосом, потом перешел на угрозы переодеть его в девичье платье, затем просто попросил и совершенно серьезно сказал, что от его спектакля зависят жизни тех людей, что их сейчас окружают.

Тимка попросил минуту на раздумья и явился чуть погодя переодевшимся и полностью преобразившимся в бедную сиротку. Этого эффекта он добился, махнувшись на время одежкой с одним из вестников, оставленных в качестве связных с железным болотом.

Одобрительно кивнув, Иван наказал ему сразу отступать в лес после первого выстрела, а сам пошел выбирать угол стрельбы, который позволит нанести наибольшее поражение противнику при стрельбе мелкой дробью по глазам. Да, жестоко и подло, зато справедливо...

* * *

Послав оба выстрела дробью в скопление глаз и лиц, Иван торопливо переломил ружье и зарядил картечью.

Тут же зашуршали еловые ветки, пропуская падающие вниз бревна.

Это Ефросинья, перерезав одним махом удерживающие их веревки с помощью выданного Любимом длинного заточенного лезвия запустила маховик сокрушающего падения.

Однако чуть ранее отпущенное с противоположного берега оттянутое бревно уже пришлось по сгрудившимся впереди воям, которым не досталось дробы в широко распахнутые глаза. Одним концом оно вскользь задело предводителя отряда, все еще стоящего на коленях, а другим сокрушительно ударило по ногам трех буртасов, в кашу ломая коленные чашечки и голени.

Упавшие торцом бревна тоже нашли своих жертв, в большинстве своем уже не обращающих внимания на происходящее вокруг и с воем держащихся руками за окровавленные лица. Им пришедшие удары просто принесли избавление.

«Еще шесть, нет... семь», – молча считал егерь, наблюдая за одним из таких молотов, веревка которого зацепилась за сук, и тот раскачивался вдоль тропы, калеча еще живых и добивая еще не мертвых.

Вдоль всей тропы уже шелкали тетивы, отпускаая в полет стрелы, впивающиеся в теплые тела людей, стволы деревьев и ломающиеся о холодные стальные доспехи, слышался топот и рев приближающихся мастеровых.

Трое буртасов бросились в подлесок, пытаясь спастись от царившей вокруг смерти, но, запутавшись в капроновой сетке, повалились наземь. Не медля, Иван по очереди разрядил оба ствола в пытающихся подняться воев и тут же встретился взглядом с третьим, натягивающим лук в его сторону.

К счастью, егерь даже не успел напугаться, не то чтобы спрятаться или вдосталь подумать о своем брэнном, проходящем существовании, как лучник упал с коротким болтом в глазу.

«Ну, Тимка, блин! Выпорю, а потом расцелую», – пронеслось в голове Ивана, судорожно перезаряжавшего двустволку. Однако применить огнестрельное оружие он уже не успел.

Набежавшая с ревом толпа с топорами и кольями нахлынула на место побоища и прошла его насквозь, не оставляя за собой никого, подающего хоть какие-то признаки жизни.

– Кабы не ты и твоя громовая пукалка, так бы легко не отделались, – послышался сзади густой подрагивающий голос Ефросиньи. – А ну-ка, вой, сломай мне наконечник, вот сзади в плече торчит. Иван обернулся и завороченно посмотрел на пронзившую вой-бабу стрелу и капельки пота на ее бледном лице.

– В ступор красотой своей тебя ввела? Давай же, ломай, так... так... Очисти от трухи, еще есть она там... А сей миг тащи... Погодь! Сильно дергай, но плавно, одним разом, уразумел? Давай!

Иван плотнее ухватился за древко стрелы, чтобы не скользили пальцы, и плавно потащил стрелу.

– Все! – выдохнул он, придерживая одной рукой начавшую падать женщину. – Фрося, держись... Антип, помоги ее уложить, один не справлюсь. Если у вас там все закончилось, конечно...

– Все, все, соколик ты наш! Побили мы их, а я не верил, – засуетился Антип, торопливо разрывая грубоватую мешковину исподней рубахи у Ефросиньи и обнажая ее окровавленное плечо.

– Мстиша, огонь разводи! Живо! Прижечь надобно, – тут же крикнул он подбегающему отроку, помогая повернуть раненую набок. – Мало ли что у них на стрелах. И чистой холстины тащи!

– Мстислав, – прервал стремительный бег отрока Иван. – Есть в чем воды вскипятить? Котелок или посудина какая?

– В берестяном туеске камнями нагрēju, – мгновенно отреагировал тот.

– Тащи все, а я костром займусь.

Егерь, метнувшись через кусты на место ночных работ, через минуту уже сваливал в кучу отобранные сухие щепки, а еще через три они с Мстиславом уже мыли и грели камни на костре, который Иван, оглянувшись по сторонам, запалил зажигалкой.

– Прижигать не будем, остужу немного воду, промоем рану и перевежем. Лекарь так говорил делать, – прибавил он для большей убедительности.

– Еще он сказывал так, то по его словам и лечить будем. Еще Фаддею слегка досталось, – продолжил Антип. – Резаная рана у него, так что ему промыть тоже надобно бы. А вот один из охотничков рядом со мной словил стрелу ажно под бороду, похрипел чуток и отошел...

Охотник истово перекрестился и продолжил:

– А в остальном Бог миловал – кто сказал бы, так не поверил... Это ж надо! Полуторным десятком мастеровых да охотников два десятка воев положить! – не унимался рассказчик. –

Громовая... как Фрося баяла? Пу... Дале чё? Пошто смеешься, Иван? Али не расслышал я малость из слов ее?

Глава 11

Соседи

Тимофей нашелся чуть в стороне.

Сидел в неудобном положении на корточках у самого уреза воды, бледный и хмурый.

Руки он опустил прямо в речку, закопав свои кисти в скопившийся на мелководье ил, а босые ноги разместил на кочке растущей рядом осоки.

– Что, Тимка, не похоже это на кино? – Иван опустился рядом на травяной склон.

– Я когда посмотрел на него, ну... того воя, в которого я попал, меня сразу вывернуло. – Тимка плеснул водой себе в лицо. – Это что значит? Я ведь белок стрелял, всяких птиц – и ничего, а тут... Воина из меня не получится?

– Нет, дружище, это означает совсем другое... Это означает, что тебе, как и другому нормальному человеку, претит убивать себе подобного. А уж в двенадцать лет... Исполнилось уже?

– Нет еще, но скоро...

– Тем более. Это нормальная реакция, потом привыкнешь, и будет легче. Только одно запомни, ладно?

– Что?

– Когда ты забудешь лицо первого человека, которого ты убил... Что, опять? Ну тошнись, тошнись... Все уже, ничего не осталось? Ну, так вот, именно тогда ты станешь настоящим воином – смелым, бесстрашным, жестким, не жалеющим ни чужих, ни своих.

– А что, это так и должно быть? А если я не захочу быть таким? – Тимка вопросительно поднял на егеря бледное лицо.

– Тогда ты просто останешься человеком... Человеком, который если и убивает, то по необходимости, а не ради каких-то своих или чужих целей. Пойми, Тимк, я говорю тебе самые простые вещи, которые во все времена говорят тем людям, которые... которые попали в ту же ситуацию, что и ты. Но от этого эти вещи не перестают быть правильными, хотя каждый раз говорятся по-разному. Главное в любой ситуации – чтобы ты оставался человеком. Правда, это самое главное. И еще... Спасибо тебе, что спас мне жизнь... Тоже простые слова, да? Ты не просто убил кого-то, ты спас другого человека... Об этом и помни. Спасибо.

– Угу. Только отцу не говорите, ладно?

– Думаешь, он не видел? Тогда сам подойди, он тебя поймет и, наверное, найдет слова более подходящие, что ли. Или помолчит вместе с тобой. Это тоже помогает, уж поверь... Ну, пойду я, а ты иди в лагерь на железное болото, туда уже все собираются, выпишь... Посторожить наш сон найдется кому, да и не сунется сюда сегодня уже никто.

Иван отошел к Антипу, суetyающемуся около лежащей на лапнике Ефросиньи, присел рядом, вопросительно посмотрел на охотника.

– Как она?

– Выживет, вестимо, еще не помрет... Да шуткую я, Михалыч. Все по-лекарски мы сделали... Бог даст – обойдется, спит она. Отметины останутся, ну да для сякой бабы это не главное...

– Как остальные?

– Аки присно... Муж без дела – не муж вовсе. Воев уже обобрали до исподнего да похоронили как подобает... До захода солнца и лицом на полудень положили, как требуется по вере их.

– Лицом на полудень? Это как? – не понял Иван.

– Да на бок тело повернули – и все... Двое, замечу, живы остались, оглушило бревнами их малость. Этих спеленали и к болоту отволокли. Тот, что постарше, очнулся уже. И нашего упокойника туда же отнесли, там жинка его с малым дитятей... проститься надобно.

– Остальные как?

– Охотнички рядятся в доспехи и луки пробуют. И тебе сыскали доброе облачение – все по росту, не обидели. Что далее?

– Хорошо, что помнишь о таких разных вещах. – Иван пригладил взъерошенную шевелюру. – Пойдем к кузнецам, подумаем, что дальше делать. Охотников звать будем?

– Не, аще нужда возникнет, то кликнем, а мыслить надобно малым кругом.

– Согласен. – Егерь обнял Антипа за плечо и повел его к сидящим около реки кузнечных дел мастерам. – Гхм... Николай. – Иван решил сразу все расставить по местам. – Чтобы потом не возникало вопросов... Виноват я перед тобой. Вот. Морду бить будешь?

– О чем ты, Ваня? – недоуменно посмотрел на него кузнец.

– Да Тимофея я под стрелы подставил.

– А... рассказали доброты уже... про его подвиги... – Николай отхлебнул воды из берестяного туюска, зачерпнув ее прямо из речки.

– Другого мальчонки под рукой не оказалось, а надо было, чтобы вои к нему поближе без опаски подошли и сгрудились.

– Угу.

– Договоренность у нас с ним была, что сразу в подлесок нырнет, – продолжил оправдываться Иван. – А он, сорванец такой, остался, да еще и самострел притащил.

– Все, дальше можешь не виниться, Михалыч. Главное, что ты сам о его безопасности думаешь, – этого достаточно. Говорю так не из-за того, что я такой дурной отец, просто мне лучше известно, что он может натворить по своему разумению... Кроме того, если мы с детьми нашими за чужими спинами будем прятаться, то как людям потом в глаза смотреть? А Тимка... Собственно, мы тут из-за него, не находишь?

– Знаешь, а я тут более к месту, чем прежде, так что ему за это моя благодарность. А вторая за то, что он спас меня сегодня. Серьезно, жизнь спас... – посмотрел в глаза недоумевающему Николаю егерь.

– Да? Хм, новость... А что случилось? Я тут как-то закрутился...

– А говоришь, не дурной... Подойди потом, поговори с ним, а пока... – Иван хмыкнул и сразу решил брать быка за рога. – Когда начнете дела делать, мужи мастеровые? Когда печи начнете класть?

– Опять двадцать пять... Вишь, как дело обернулось, оружие теперь есть, можно идти в весь, помогать там... осажденным, – пожал плечами, как будто речь шла о само собой разумеющемся, Николай.

– Во-первых, приказа никто не отменял, – перешел на жесткий тон егерь. – Во-вторых, если кто и пойдет, то охотники. Вам же задача другая поставлена, за нее вы оба в ответе. Народу на болоте собралось «по самое не могу» – когда вы еще столько получите? А, Коля? Любим?

– Ну, это да... – озадаченно зачесал Николай в затылке. – Мы тут с плотниками и постройки для жилья сможем подготовить, и все наши задумки начать в жизнь претворять...

– Верно рек, Иван, – уважительно произнес Любим. – Да и словам Трофима Игнатича отмены не было. По головке за это он не погладит.

– Да я, едрена Матрена, помочь хотел, – поднял голову Николай.

– Говорю в последний раз, – отдельно произнося слова, продолжил Иван. – Не поможете вы никак. Навыка воинского у вас никакого. Плотники хотя бы топоры в руках держать умеют, да и этот навык никуда не годен в открытом поле, а уж вы... А в засаду больше враги не сунутся, поэтому идите в лагерь, раздайте команды, выставьте дозоры из мальчишек и отсыпайтесь – дел у вас много. Кстати, по поводу стражи, Любим... Назначь старшим среди мальцов

Мстислава. Парень с головой и бегают, как летает. А мы с Антипом пойдем сначала погутаим с Пычеем. Зело это интересно будет... А потом с очнувшимся буртасом, если тот калякает по-нашему. Только обсудим сначала кое-что, как у нас в привычку вошло. Да, Антип?

* * *

Иван пристроился напротив старосты отяков и несколько минут молчал, немигающе глядя на того. Когда морщинки на лице Пычей начали жить своей жизнью, а он сам стал ерзать и прятать взгляд, егерь повернулся к Антипу.

– Переведи ему мои слова...

– Нет нужды, воин... не знаю, звать тебя как, не видал прежде, – обтер ладонью вспотевший лоб отяк. – Обучен я языку вашему.

– А что же ты нам блекал и мекал, явившись торговать давеча? – возмутился охотник. – Ох, повыдергиваю я волосенки твои жидкие, ибо ты тварь бессовестная и лживая...

– Погодь немного, Антип, – вмешался Иван. – То, что он всегда прикидывался, это простительно. Торговля ваша, как бы это сказать... Дети тоже в кармане фигу держат, когда меняются своими безделушками. Не об этом речь. Скажи лучше, Пычей, как жить дальше будем?

– Жили как-то... Что не так, вой? – глянул тот исподлобья.

– Иваном зови. Воин я обычный, только один тут, кому уместно решать, что с тобой делать. То, что вздернуть могу тебя на ближайшей сосне, это ты понимаешь? Нет? Любым способом тебя казню, и не будет мне порицания ни от наших людей, ни от воеводы.

– Догадку имею такую, – обреченно кивнул спустя несколько мгновений отяцкий староста. – Токмо страха я не ведаю – душой уже простился со светом белым...

– Это я понимаю, Пычей... А сказал тебе об этом, чтобы поделиться, какие мысли в моей голове бродят. Понимаешь ли ты, что и сына твоего мне хочется повесить рядом с тобой, а? Чтобы семья ваша с этой земли с корнем выдрать...

Староста вздрогнул всем телом, неверяще поглядел на воина, однако опять наклонил голову в знак согласия.

– Это хорошо, что ты уразумел, – тихонько перекатывая в руках старую сосновую шишку, продолжил егерь. – Так вот, руку ты поднял на матерей и детей наших. И вправе мы требовать крови с рода твоего. Однако не успел ты осуществить свое пагубное дело до конца, хотя и нет в том твоей заслуги. Поэтому я тебе хочу предложить мир, староста, мир и дружбу между нашими родами. В первый и последний раз. Руку свою открытую в том даю и слово, что все возможное сотворю, чтобы вражда не вспыхнула между нашими людьми и кровь не пролилась.

– Чего взять с меня хочешь али предложить что? – поднял блеснувшие надеждой глаза отяк.

– Не буду я ничего предлагать тебе, потому как любое мое предложение воспринимать ты будешь как угрозу и на все согласишься. Или торговаться будешь, что тоже не дело, потому что потом захочешь предать еще раз... Скажу я тебе, что и тебя мы отпустим, и сына твоего, если к нам попадет. В любом случае. И требовать виры за деяния пагубные не будем. Про обиду на род твой не скажу, потому как над сердцами людскими я не властен. Возьмем же мы от тебя только то, что ты сам дашь. А потом это же отдадим обратно. Помощь от чистого сердца получим, так от чистого сердца и тебе воздадим... Как тебе такое?

– Нет у тебя права слово такое сказать, то лишь община твоя может, – поник головой Пычей.

– Это верно. Мы с Антипом только слово за тебя и род твой перед общиной своей молвить можем. Но думаю я, что слово это веским будет после нынешнего боя. В этом тебе роту дадим, если потребуешь. А вот отпустить тебя я могу и сейчас, хоть ты дать от себя ничего не хочешь или не можешь...

– А не обманешь?

– Иди, Пычей. Иди к разрушенному очагу, к побитым родичам, к полоненным девам... Иди, не хочу я крови между родами нашими, а мы как-нибудь сами справимся с бедой своей. И девок ваших освободить попытаемся, коли силы хватит, и за родичей побитых твоих отомстим, хотя и не должны. Мало нас, но дух у нас крепок. Этим и берем, сам видел... Вера наша сильна, оттого нам Господь и вложил в десницу гром карающий. И не так важно, что поклоняемся мы не твоим богам, зато верим неистово, готовы на все, чтобы справедливость отстоять. А разве небесам не этого от нас надобно? А вы сгинете, потому как слабы и телом, и духом. Жалко мне вас. Вот еды тебе собрали в котомку, возьми... А теперь иди, Пычей, с глаз моих.

Староста, вскочивший было в середине речи для гневной отповеди чужаку, в конце не выдержал и отвернулся, отойдя шагов на двадцать в сторону. Лязгнул зубами, запнувшись о корни молодой сосны, что-то выкрикнул на своем языке и примолк, прислонившись лбом к стволу березы.

– Мыслишь, проймет твоя речь его? – тихонько шепнул Антип.

– Не знаю, но мы не теряем ничего. А кровь между соседями нам в любом случае нельзя проливать, потому что в одиночку мы точно здесь не выживем, да и не по-людски это будет. Что решит, то решит...

– А верно ли ты сказывал, что Господь вложил в руки твои карающий э...

– Гром? Нет, Антип, это обычное оружие моей родины. Ружьем называется. Ты мне рассказывал, что доверчивы они слишком, вот я и приплел сюда Гос... – егерь запнулся, опасаясь задеть религиозные чувства охотника. – Короче, придумал я это все. Вот.

– Да откель ты ведаешь про замыслы Господни? Пришествие ваше к нам в весь и может быть его промыслом...

– И то верно, – взвесив последние события на весах своей неверующей души, согласился Иван, возразив про себя, что промысел сей можно было организовать как-нибудь попроще.

* * *

– «И слабость я проявил перед лицом врага нашего, и бысть жалким аки пес смердячий, выпрашивая дать живот сыну моему в надежде спасти продолжение рода моего. И было мне знамение от Инмара небесного, ведущего меня по тропе и показывающего знаки, лишь мне одному доступные. Враги же наши бысть слепы и глухи. И раздался гром небесный, и произнес Инмар слова заветные, и падал я ниц перед могуществом его, ибо виноват был перед ним и родом своим. Но поднял он голову мою, и увидел я, что повержены неисчислимые враги мои, а пред ними воин стоит, держащий в деснице слово Инмарово, и повергает оно врагов без счета, испуская из себя стрелы невидимые. И сказал этот вой, что один он может пойти против тех, кто разорил гурт наш, и повергнет тогда он всех их в прах. Но ежели смелость в воинах наших не угасла, то и их поведет за собой. И протянул он руку, в которой лежал хлеб, и поделил его поровну между мной и собой. И сказал он, что готов принести мир роду нашему через повержение врагов его». И... – Тут Антип закашлялся в кулак и осиплым голосом закончил. – И дальше славит Пычей тебя и себя, преодолевшего свою слабость и получившего благоволение предков, кха-кха...

– Слушай, а они часом не христиане? Что-то мне слова эти проповеди наши напоминают... Слог вроде такой же, – с сомнением произнес Иван.

– Язычники оне... самые что ни на есть. Это я малость переиначил, ибо слова такие должны благолепие нести, – продолжал сипеть ему на ухо охотник.

– Ну ладно, лишь бы не перестарался он, а то подумают, что я и взаправду пойду и всех один порешу.

– Нет, втуне слова его пропадают, жрец и старейшины против рекут. Мыслию, рады они, что татьба не коснулась их гурта. Боязно им свое имущество терять, вот и не хотят внимания привлекать к себе. А воям рот затыкают. Тэро же покамест молчит.

Пычей вел свою речь вне границ среднего гурта, расположенного на противоположном берегу Ветлуги, стоя на поляне в круге, образованном из старейшин и воинов уд-мортов, как сами себя называли отяки.

Но то ли название это слишком резало славянский слух, то ли у русских людей была привычка называть все племена на свой манер, какую, впрочем, имели все народы во все времена, но имя это среди них не прижилось. И звали их отяками, вотяками или по-простому – пермью, совместно с несколькими другими племенами на севере и на востоке около уральского хребта.

Однако представители общин двух неразоренных поселений удмуртов на Ветлуге, собравшиеся около одного костра, ломали копья словесной битвы не по этому поводу.

Воинов осталось слишком мало. Что такое двадцать-тридцать вооруженных людей на поселение из трех-четырёх сотен человек, которые могут и, главное, хотят держать оружие?

Арифметическое сложение – и получившийся результат в семьдесят-восемьдесят воинов, которые уже могут представлять собой грозную силу, не был бы безупречно правильным.

Во-первых, одно поселение было разгромлено. И хотя немногие сумевшие из него бежать жители все еще прибывали к соседям, воссоздать прежнюю общину на новом или старом месте они уже не были готовы. Наиболее боеспособные воины и мастеровые люди были или пленены, или убиты. А оставшихся сорока-пятидесяти человек с двух гуртов без хороших достижений и весомых боевых навыков хватило бы только на одно столкновение с непредсказуемым результатом.

Поэтому речь старейшин шла либо об отходе на северо-восток к своим родичам, еще несколько столетий назад вытесненных черемисами с ветлужских земель, либо о мирном доживании своего века на исконных землях без помышления о каком-то организованном сопротивлении.

Нет, конечно, если бы чинившие разбой буртасы пришли прямо сюда, их бы встретили воины, преисполненные гневом. И мирные жители тоже встали бы на защиту своих домов. По крайней мере, так кричали, стуча себя в грудь, покрытые шрамами мужи и седые старцы, показывая на полуразрушенный временем тын за своей спиной.

Но выступать малыми силами против кованной рати из настоящих воинов, говорили они, – это просто глупость, даже безумие.

– Лекарь наш, Вячеслав, говорил мне о фазе оскур... обскурц... тьфу... вырождении, значит, – более для себя, чем для Антипа, прошептал ему на ухо Иван. А потом, уже не церемонясь, во весь голос продолжил: – Если короче, то люди с такими мыслями простодохнут. Ходят по земле, пьют, едят, но такие они больные и слабые, что почти мертвые. Именно такую добычу первую заваливает волчье или лисье племя. Естественный отбор, так сказать. И жен своих, и детей такие людишки за живых не считают... а те, кто в полон попал, для них уже совсем мертвые.

Иван оглядел повернувшиеся к нему гневные лица и медленно, с паузами, продолжил:

– Ты переводи меня, Пычей, переводи. Спроси их, почему они еще не висят на деревьях, завернутые в кору, или, быть может, вы сжигаете своих умерших?! Почему тогда я не вижу большого костра?! Почему я задыхаюсь от мертвячьего духа, который расползается по этой поляне?! А почему вы не закопали своих детей и жен, если, конечно, хороните их в земле?! Вижу, как наяву! Из вас выползают белые толстые опарыши, в вашем разложившемся теле копаются личинки жуков, и мухи откладывают там свои яйца! – Егерь последние слова выкрикивал, брызжа слюной прямо в желтовато-красное лицо с веснушками единственного из воинов нижнего поселения отяков, присутствующего на собрании общин. – Что же ты перестал переводить, Пычей?! Что остановился? Вы все мертвые...

Удар пришелся точно в челюсть, и егеря бросило вниз на землю. Будто ничего не произошло, Иван, потирая свою перекошенную физиономию и через силу улыбаясь, встал, отряхнулся и продолжил говорить, указывая пальцем на судорожно сжимающего нож воина.

– Ну, наконец-то я вижу живого человека.

Он посмотрел на Пычея, бледного даже на фоне его белой косоворотки. Тот в полном молчании кидал слова перевода в толпу, враждебно смотрящую на посмеявшегося оскорбить ее человека.

– И я вызываю единственного живого среди вас на бой! До моей смерти! Если я погибну, то никакой виры с вас не потребуют, и за кровь мою никто не придет отомстить. Этому порукой будет его слово, – указал он на Антипа, кивнувшего в ответ. – А если я одолею этого воина, то его жизнь будет принадлежать мне. И он будет из ваших мертвых родичей делать живых! Согласны ли вы на это?

Дружный рев многих взбудораженных глоток положил началу поединка. Поединка, продолжавшегося считанные мгновения. Руку бросившегося с ножом отяка Иван блокировал ударом предплечья изнутри и, захватив ее за запястье в районе плеча, встречным рывком вывернул за спину, успев ударить в момент захвата противника коленом в живот.

Через мгновение тот стоял на цыпочках с вывернутой рукой и ножом, приставленным к горлу.

– Спроси его, Пычей, помнит ли он еще условия поединка? То, что его жизнь с этого момента принадлежит мне?

Староста что-то тихо спросил у воина и, получив от того немного неразборчивый, но явно утвердительный ответ, кивнул.

– Как зовут тебя, воин? – обратился к побежденному Иван, освобождая захват.

Выслушав перевод от Пычея, тот коротко поклонился, чуть кривясь уголком рта от боли.

– Терлей.

– Так вот, этот воин пойдет со мной освобождать жен и детей вашего рода. Я так распорядился его жизнью. Кто-то еще хочет со мной сразиться? Я готов.

Иван демонстративно отошел на край поляны.

Несколько минут на поляне звучала перебранка разгоряченных людей, и даже окрики старейшин не утихомирили страсти.

И только когда егеря достал и разрядил выстрелом снаряженное мелкой дробью ружье, когда прямо над головами спорящей до хрипоты толпы пронесся громовой раскат, от которого пригнулись самые отчаянные, когда на затихших изумленных спорщиков посыпались мелкие ветки и листья, Пычей поднял руку, показывая, что он будет говорить.

Что он сказал своим родичам, оглушенный Антип, стоявший как раз около Ивана, в точности не разобрал, однако староста несколько раз упоминал имя Инмара и говорил, что бездействующим следует опасаться его гнева. А чуть позже староста обратился уже к егерю.

– Терлей рассказывает, еще он и так бы пошел с тобой, без позволения общины, потому как его жена и дочка в полоне. И еще пять воинов готовы с тобой сразиться, – тут уже Пычей не выдержал и усмехнулся, – чтобы ты взял над ними победу, и они отправились с тобою мстить. Они даже готовы послушаться старейшин и вручить тебе свои жизни просто так, без поединка.

– Скажи им подойти ко мне, староста.

Незаметно подмигнув ему, егеря подошел к Антипу, уже начинающему распаковывать один из баулов, которые они еле дотянули через заросли таежного леса до переправы отяков через Ветлугу.

Когда Иван содрал с недоумевающего Терлея кожаную куртку с короткими рукавами, обшитую вперемежку костяными и металлическими бляхами, и наручи из грубых полосок железа, все подошедшие еще настороженно переминались, сомневаясь, правильно ли они поступили.

Но когда переливающаяся мелкими упругими кольцами кольчуга обтянула широкие плечи проигравшего жизнь воина, а потом такому же священнодействию подверглись остальные пятеро, когда полукруглые шеломы с шишаками были надеты на их склонившиеся головы и воины были опоясаны саблями со сверкающими стальными клинками и вытравленными изображениями волков и лис на ножнах...

То бурной их радости не было предела, как не было предела зависти в горящих глазах их сотоварищей, посматривающих на свои испещренные зазубринами клинки мечей из мягкого железа.

Восхищенным возгласам даже не помешало уточнение Ивана, что доспехи не подарены навсегда: с их помощью воины лишь могут отомстить за своих родичей и добыть для себя новые в бою, а саблей им еще предстоит научиться владеть, поэтому старые мечи лучше бы захватить с собой.

Но окончательный перелом наступил, когда Пычей, как староста нижнего поселения, достал из припрятанного короба деревянную статуэтку, поднес к егерю и сказал, что воршуд принимает его, а подошедший тэро дал совет воинам избрать этого человека воеводой намечающегося похода.

Кольчуг более никому из отяков не досталось, но через три часа, на склоне дня, разношерстная рать из тридцати восьми человек выступила к переправе, представляющей собой несколько долбленок, спрятанных в кустах пологого с этой стороны ветлужского берега. У кого-то на поясе был меч, кто-то нес копье или сулицу, но у всех без исключения были луки в налуках, перекинутые за правое плечо и полные тулы стрел со щитами за левым. Не рассчитывая победить противника в ближнем бою, новоявленный воевода предусмотрел возможность взять его измором.

Иван шел впереди, в доспехе, неся мешок со снятыми с бургасских шлемов лисьими хвостами, которыми он напоследок потряс перед своим воинством для поднятия духа. Он моргал слипающимися от недосыпа глазами и тихонько жаловался Антипу.

– Ну вот, еще один спектакль устроили. Эдак я заделаюсь актером на потеху местной публике... Что, совсем ничего не понял из моих слов? Ну, скоморошья представления видел? Так вот, я – Петрушка. А Пычей-то, Пычей... как играл, как играл! Правильно мы сделали, что перетянули его на свою сторону. Хотя, кто его знает, может, это он нас перетянул на свою... Но каких трудов это стоило! Я не столько от тюка вспотел, сколько от попыток вдолбить в его голову, как себя вести нужно, а также от усилий узнать, кто тут что собой представляет...

Спустя несколько минут молчания Иван добавил что-то совсем Антипу непонятное.

– Я теперь знаю, как бледнолицые индейцев обманывали. Слишком те были доверчивыми, чересчур падкими на блестящее... как вороны! Ну да ничего, исправим.

* * *

Вячеслав осторожно выглянул из-за угла и перебежкой достиг дружинной избы, где, нырнув в подклеть за сопровождающим его дружинником, немного перевел дух и широко зевнул.

Выспаться почти не получилось. Ночь, опустившаяся на весь вместе с проливным дождем и последующей туманной взвесью, загнала всех, кроме дозорных, по избам, и Вячеслав тоже нырнул в первую попавшуюся землянку, как только увидел слегка знакомые ему лица.

Там он, недолго думая, начал выпрашивать и рвать чистые холсты на бинты, а потом еще и кипятить их. Доставались ему эти грубые куски материи совсем нелегко, и он даже начал спрашивать у окружающих, не стоит ли ему обратиться напрямую к десятнику? Однако обошлось, и холстов принесли в достатке.

Почти сразу же Вячеслав приступил к приготовлению отвара из цветков ромашки, тщательно фильтруя его. Такой отвар являлся одновременно и антисептическим средством, и был

хорош для заживления ран. Однако на всякий случай он попросил первого попавшегося ему на глаза человека нарвать и принести подорожника.

Видимо, авторитет ветеринара, пользовавшего все эти дни скотину, взлетел на небывалую высоту, и тот без слов принес требуемое, даже сполоснув траву колодезной водой. Вячеслав отложил подорожник в сторону вместе с предварительно собранными первыми цветками тысячелистника, чтобы в случае нужды мелко их порезать и накладывать получившуюся кашицу на неглубокие раны.

Сам же выложил из своего мешка сушеный бледно-зеленый торфяной мох, запас которого наготовил в последние дни. Его он собрался использовать вместо ваты, да и как антисептик тот был тоже очень хорош.

Также в кипятке была продезинфицирована шелковая нить, а водкой нож и обе иголки, одна из которых была заранее нагрета Николаем на огне и согнута полумесяцем, для того чтобы швы можно было накладывать, не сдавливая краев раны. А дальше... дальше ночь отразилась в памяти Вячеслава калейдоскопом событий, на которые он еле успевал реагировать.

Сначала для разминки принесли дружинника со стрелой в икроножной мышце. Иссечением Вячеслав стрелу достал, вычистил и промыл остывшим настоем ромашки рану и даже успел ее зашить после того, как кровь остановилась.

Но как только повязка была наложена (поначалу он хотел для более быстрого заживления обойтись без нее, но, поглядев на ползающих по полатам здоровых черных тараканов, сразу же передумал) и раненый с сопровождающими отпущен, сразу пришли два ополченца, прижимая к голове какие-то подозрительные тряпицы.

Отругав их на чем свет стоит, Вячеслав занялся новыми ранами, а грязные скомканые куски материи бросил в огонь. Оказалось, что одному стрелой оторвало кусок уха, и дело кончилось дезинфекцией и перевязкой, а второму срезнем располосало щеки, и тут уже новоявленному доктору пришлось попотеть, зашивая длинный разрез.

Руки после такого шитья начали дрожать, и в качестве оплаты Вячеслав заставил их наколоть и принести еще охапку лучин, что заняло у тех всего лишь пару минут. Однако за это время лекарь немного отдышался и сообразил перебраться в дом Любима, где было гораздо чище, и в клету стоял нормальный широкий стол, который можно было бы использовать в качестве операционного, если паче чаяния появится такая нужда.

Собрав все свои инструменты, лекарства и не забыв упомянутые лучины, Вячеслав перебрался с помощью недавних пациентов в новые палаты. Отослав помощников к десятнику, чтобы предупредить его о своей новой дислокации, он даже успел до следующего раненого провести мокрую уборку помещения.

Того принесли без сознания с обломанной стрелой, засевшей в грудной клетке, и диагнозом «не жилец». Помолившись Богу, что наконечник стрелы после иссечения не застрял внутри, Вячеслав заметил пенящуюся кровь в ране и, прислушавшись, уловил доносящиеся свистящие звуки. Наскоро обработав место ранения и прижав к нему небольшой кусок холстины, он под недоумевающими взглядами людей, которых почему-то сразу не догадался выгнать, плотно прижал разорванный полиэтиленовый пакет к груди раненого и тут же наложил тугую повязку, предварительно попросив окружающих в этом ему помочь.

– Вот теперь жить будет... если не помрет, – произнес он, устало усаживаясь на лавку. – Да все нормально должно быть, несите его в горницу и на пол кладите, только постелите что-нибудь. Да, еще воды подогрейте, если время есть. Он очнется – и сразу пить попросит.

Следом был доставлен дружинник с раздробленной челюстью, которого принесли почти задохнувшимся.

Ругаясь матом, Вячеслав перевернул бессознательного воина, спасшегося только наличием прикрепленной к шлему лицевой маски, набок. После этого он попытался освободить его рот от сгустков крови, однако запавший язык не дал ему даже просунуть туда пальцы, а

далее оттягивать челюсть он просто побоялся. Тогда, недолго думая, он просто посильнее схватил язык и, вытянув его, насколько можно, пришил к столу иголкой под ошеломленные взгляды весян.

Наложив в итоге дружиннику на челюсть фиксирующую повязку, Вячеслав настоял, чтобы один из общинников остался и наблюдал за обоими лежащими пациентами, объяснив, что надо делать и при каких признаках нужно звать его.

Далее пациенты шли потоком. Вместе с новостями.

Кто-то еще раньше получил резаные раны от бесконечного потока стрел, первые полчаса вслепую посылаемых разъяренными после вылазки дружинников буртасами, кто-то упал в темноте с помоста и подвернул ногу.

Вячеслав вправлял конечности, чистил раны от грязи и мертвых тканей, промывал их и накладывал приготовленную кашу или мох в зависимости от практикуемых ран. Перед самым рассветом ему даже принесли ополченца со стрелой в глазнице. Натянув обратно откинутое покрывало, Вячеслав осторожно задал вопрос:

– А что этого-то принесли? Думаете, я мертвых на ноги ставлю?

– Да ить... кто его знает. Наказ был нам от Трофима Игнатьича... всех сюда.

– Вот что, ребята, я не колдун и не святой человек, чтобы такими вещами заниматься. Я простой лекарь. В основном скотину лечу, – насмешливо произнес Вячеслав, оглядывая смутившихся общинников. – А вас уж – так, заодно... Уносите.

Только поздним утром, когда кто-то заглянул и начал жаловаться на заболевшую животом скотину, лекарь понял, что наступил перерыв, и, пообещав заглянуть попозже, забылся на лавке беспокойным сном.

А после полудня его растолкали и, многословно извиняясь, сказали, что его срочно зовет воевода, Трофим Игнатьич. И о раненых ему можно пока не беспокоиться – хуже тем не стало. Однако когда он попытался сразу выйти на улицу, его вежливо остановил дружинник и дал ковш холодной воды, чтобы умыться прямо в сенях.

– Проснись поначалу, лекарь, – участливо сказал тот, представившись Петром. – Враг по деревьям на холме воев посадил с самострелами да лучников рядом поставил. И шагу ныне не дает ступить по веси. Уж и не знаю, пойдут ли они на приступ, да и ссадили мы двоих, но передвигаться надобно, как я повелю. След в след.

Однако добрался Вячеслав до дружинной избы спокойно. То ли осторожность Петра в этом помогла, то ли лучники на холме прозевали, но факт остался фактом – ни одной стрелы в них выпущено не было. Взявшись из подклети в избу по приставной лестнице, Вячеслав коротко поклонился десятнику, вызвав у того одобрительный кивок и ответное приветствие.

– Здрав будь, лекарь. Ведомо мне, что ночь ты всю провел с ранеными, да весть срочная пришла, кхм-м... Прилетела точно под оконце избы нашей. Токмо... не я один грамоте разумею, да разобрать мы не можем, что там писано. Али твой человек какой писал?

Трофим кивнул на стол.

Там сиротливо лежали оперенная стрела и берестяная грамотка, прижатая по краям двумя тяжелыми ножами. Вячеслав нагнулся и начал читать вслух наспех вырезанные кривые буквы.

*«Папка, врагов побили. Дядя Ваня ушел к отякам за воями. Обещал вернуться ночью.
Вовка».*

Глава 12

Осада

Холодная вода все-таки добралась до нутра, и зубы, до этого просто выбивавшие чечетку, зашлись мелкой барабанной дробью.

– В-в-в-се, с-след-дующий!

Николай выскочил из воды на скользкий глинистый обрыв, оперся руками о травяную кочку и, подтянувшись, вывалился наверх. Руки сами собой обхватили плечи, а ноги пошли вприпрыжку.

– Пить надо меньше... мен-ныш-ше надо пить...

– К костерку уже придвинься, долее всех в речушке пробыл.

Любим скинул нательную рубаху, перекрестился и полез в воду на замену Николаю.

– Али иди погрейся у «бабы», подергай ее за сиськи, коли руки не устали...

– И то дело.

Николай отодвинул в сторону одного из плотников и схватился за толстую веревку, на которой через блок была подвешена деревянная «баба» – кусок тяжелого бревна, изготовленного из топляка, которое иначе чем вдвоем было не приподнять. Блок же представлял собой отпиленный кругляк от того же дубового бревна с выдолбленной по краю канавкой и прожженной то ли углями, то ли железом широкой дырой посередине. Изнутри он был смазан дегтем и вдет на толстую жердину. Та была перекинута наискось через речку, и каждая ее сторона держалась на трех перекрещенных кольях.

– Эх, дуби-и-инушка, ухнем! – Хрясь! – Эх, зел-е-еная, сама пойдет! – Хрясь!

Очередная дубовая свая входила в илистое дно, перегораживая узкое русло лесной речки частоклоном редких зубов, выстроившихся в два ряда параллельно друг другу. Темная вода уже начала вспучиваться в месте рукотворной запруды мелкими бурунами, обтекающими человеческие тела, возившиеся в холодной воде.

Водяные косички вихрились и около упомянутых свай, которые впоследствии должны будут служить опорными быками¹¹ для уже приготовленных на берегу и обтесанных с двух сторон бревен. Последние должны быть плотно заложены меж двух рядов опор сразу после их забивки, для большей прочности углубляясь своими краями в крутые берега лесной речушки.

Чуть в стороне один из плотников уже вытесывал лоток из предварительно расклиненного и расколотого толстого бревна, по которому и должен пойти основной поток воды после возведения плотины.

Двое других пытались соорудить из квадратного круглое, сбивая толстые тесаные доски в два огромных (метра три с половиной в диаметре) колеса, которые потом надлежало еще соединить между собой и посадить на одну ось. Кроме того, это сооружение впоследствии должно прирасти внутренними карманами, тоже составленными из теса. Они будут наполняться набегавшей сверху водой из лотка и крутить под ее напором махину водяного колеса, обильно смазанную в местах сочленения вала с неподвижной основой дегтем.

Еще предстояло собрать на той же оси малое силовое колесо, наштипованное в пазах дубовыми штырями и крутящее своего ортогонально расположенного собрата, закрепленного на вертикальной толстой жерди.

По крайней мере, так поначалу задумывалось.

Заканчиваться внизу эта слегка должна была чем-то вроде пропеллера, перемалывающего в выкопанной и застеленной досками яме куски смоченной водой глины.

¹¹ Бык (*строит.*) – промежуточная между береговыми устоями опора мостовых арок, ферм, балок, сводов и проч.

В мечтах Николая были предусмотрены еще несколько механизмов, которые планировалось достаточно просто менять друг с другом, отводя жердь в сторону и перенося сцепление на что-то другое. Соединение с силовым колесом, конечно, получилось бы аховое, и наверняка дубовые зубья потом пришлось бы достаточно часто менять, но зато в скором времени можно было запустить и глиномешалку, и пилораму.

Для последней, правда, не хватало самой главной детали – ножовочного полотна.

Поначалу для распиловки бревен Николай хотел выковать круглый зубчатый диск, но потом раздумал, поскольку засомневался, сумеет ли он изготовить достаточно большой по диаметру и сбалансированный железный круг. Гораздо легче отковать узкое длинное полотно и приспособить его на раму по типу лучковой пилы. Можно даже использовать уже готовое, если плотники поделятся им на первое время, получив выгоду с аренды теми же досками...

Солнце уже почти село, и только оранжевое небо за высокими деревьями отдавало последние проблески закатного света на грешную землю. Работники заканчивали на сегодня свои земные труды, собирая инструменты и потихоньку сходясь к костру, где бабы готовили немудреную снедь оголодавшим мужикам.

– А неплохо для половины дня работы, а? Любим? – споласкивая ступни в воде, прохрютел Николай.

– Не худо, что тут скажешь. Внятно ты растолковал плотникам, что требуется от них, вот и работы споро идут... Кхм... А вот людишки наши вопрос к тебе имеют, – хитро улыбнулся переяславский кузнец. – Что это за портки короткие ты на себя нацепил? Вроде невместно мужу так выглядеть... Однако бабы так и снуют мимо, абы взгляд на тебя бросить, кхе-хе...

– Ты про трусы? Семейные? – полез на берег, стараясь не запачкаться, Николай. – У вас, может, и невместно, а у нас еще и майка полагается к ним – нижним бельем все это зовется. Исподние порты, по-вашему, только разве что чуть покороче, оттого и стирать их полегче. Ты лучше скажи, как на других фронтах дела?

– Я сказывать могу, сколь глины накопили да руды принесли, – неторопливо ответил Любим. – Сколь раз этой мешаной глиной формы под плинфу были набиты, да как Вовка под руку свою сие дело принял, тоже могу поведать. Что за послание этот ваш грамотей сочинил, да как передали его. Что малыцы из дозора поведали, да куда охотнички идти решили, тоже... А вот про фронты твои, не обессудь, ничего не скажу. Не знаю, про что ты.

– Да про то же, о чем ты собрался мне говорить. Где работают в поте лица, там трудовой фронт, а где воюют – там просто фронт, без всяких добавлений... А что охотники пошли встречать Михалыча к переправе, как он им наказывал, так я про то с самого начала знал. И что они осваивали оружие новое и к кольчугам привыкали, тоже мне ведомо. Будем надеяться, приведет туда Иван еще воев... Так сколько плинф набили за сегодня? Как договаривались, в половину ладони толщиной делали, чтобы сохли быстрее?

– Это ты Вовку поспрошай – у него ладонь одна, у меня другая. Как уж он сговорился с теми, кто формы ему мастерил, не знаю... Но несколько сотен по поляне в тенечке разложили, дня четыре посохнут – и в яму заложим, жечь будем... Хе! – покрутил головой Любим. – Вовка и тут учительствовать пытается... Ты, речет, переверни сотню плинф, а ты четверть того, а потом еще пять раз по столько, а вот ты в полтора раза поболее, чем первый. И проверяет, тычки дает тем, кто не так делает. А они все прутиками на земле чертят, перед тем как исполнять слова его...

– Хм-м... молодца, так их. Да и все хороши – поди помешай глину ногами, однако не ропщут, делают. А что от ребятки из дозора слышно?

– Ничто покуда. Ждут вороги воев своих, но в лес не суются – боязно... Знать, мыслишки, что не все ладно с ушедшими, посещают их. Кхм-м... А я вот еще попытать хочу у тебя секретов твоих – ответишь ли?

– Разве не отвечал раньше? – удивленно поднял бровь Николай.

– Да такие секреты не каждый сыновьям своим сказывает. Вот ты мне про закалку рек. Ножей тех же, топоров... Ох, совсем запамятовал обсказать про твой топор, что ты днесь общине попользоваться дал. Плотники рекли, что волшебный он, – уж не колдовство ли ты к нему какое применил? Второй-то просто острый и без точила целый день обходился, а этот... С таким топором избу в одиночку за день поставить можно. Сам рубит.

– Хм-м... У нас это тоже редкость, хотя нет, не так... Вот ты мне давеча сказывал про сабли узорчатые, что платок перерубают на лету и вокруг пояса сгибаются. Было дело?

– Болтают разное. Может, сказки люди бают про сабли такие, а? Я токмо узор на клинках видел, а в руки мне чуда сего не дал никто, – огорченно покачал головой Любим.

– Вот и у нас этот топор ценится почти как ваша сабля из сказки. Есть, но дорого.

– Ага... ну да ляд с ним, колдовством этим, раз такое дело. Насчет ножей я заикнулся... Баял ты, как уголь железу крепости добавляет. И что оно твердое становится и сталью зовется. А как быть с той же сабелькой, что сгибаться должна? И меч не только крепость иметь должен, но и гибкость, абы не переломился он при ударе.

– Вот и перешел ты к следующей ступени в своих вопросах, Любим. То, про что я тебе рассказывал, только для хозяйственных инструментов можно применять. Тех же ножей... Небольшие они, изгиба им не нужно. Или топор возьмем... Отковал, наточил, в уголь засунул, зацементировал, ну... углем крепости добавил. Кстати, уголь березовый или дубовый нужно использовать, хотя сосновый еще лучше. А в него можно до трети объема намешивать пера с птицы и кусочков кожи... Или переженный толченный рог класть, хотя его не напасешься. Такие инструменты тебе потом долго служить будут. Внутри железо сырое, а снаружи сталь крепкая. Не сломается и долго не сточится. А вот к оружию требования повыше... И острое оно должно быть, и крепкое, и не ломаться. У того же топора при работе лезвие насмерть испоганишь, так плюнуть можно и новый взять. А в бою это тебе ценою в жизнь станет!

– Ну да! – послушно кивнул Любим, суетливо загибая пальцы на своих огрубелых руках.

– Поэтому в тех же узорчатых саблях другой принцип... другое железо применяется, которое слишком дорого для топора использовать. Вот, к примеру, некоторые так делают, берут сталь... ту же крицу хорошую берешь, она же разного качества получается, да? Где-то чуть-чуть стали, где-то железа... Но лучше взять полоску одного и наложить на полоску другого. Как вместе их прокуешь, напололам складываешь, и опять проковываешь, а потом опять пополам... и так несколько раз. По моим прикидкам, семь-девять раз достаточно, но это зависит от первоначальной заготовки. А в конце получается у тебя много перемешанных слоев. Один слой твердый, стальной, а второй мягкий – железный. И получается, что мягкие слои мечу твоему не дадут хрупнуть от удара, а твердые крепость ему дают. Вот узор на клинке и показывает, как эти слои перемежаются.

– Вот оно как, – почесал затылок Любим. – Понятно, отчего такой меч на вес золота выходит. Это сколь работы для кузнеца...

– Да и железа со сталью много уходит. В несколько раз больше изведешь, чем по весу потом получится. Некоторые, кстати, берут прутки и не пополам сгибают, а скручивают. Еще гибче клинок от этого выходит. Но это только один способ... – Николай ненадолго задумался. – Ты про булат слышал? Из которого узорчатые мечи делают?

– Не... Из полуденной страны, сказывают, лепешки железные везут, не упомню, как они прозываются. Из него узорчатые мечи и куют... Мыслил я, что такие клинки – это есть харалуг.

– Можно и харалужными прозывать, а те, что слоями куются, дамасской сталью еще кличут. У меня... в отечестве те лепешки называли «вутц», а железо в них – булатом. Я тонкостей в названиях не понимаю, да и дело вовсе не в этом... Так вот, в той полуденной стране сразу металл делают узорчатым, а не проковкой и сгибанием. И получается он даже еще крепче...

– Это как так?

– Дело в том, что сталь там варят в тиглях, то бишь, горшках особых. Горшки эти делают из огнеупорной глины. Из такой, к примеру, какую мы для кирпичей искали... Засыпают туда шихту... ну тот же уголь с рудой хорошей, без примесей, закрывают крышками с дырками для отвода газа, ставят их в печь и засыпают тем же углем вперемешку с гравием до самого верха. Дутье опять же сильное нужно для того, чтобы расплавить все в этих горшках, а варят их так долго, как тигли эти выдержат... Шлак, или сок железный по-твоему, наверх поднимается, а булат внизу остается... Самый узор на дне получается, как тигель разобьешь.

– И все?

– Сначала его правильно остудить надобно – чем медленнее, тем лучше... А потом еще и отжиг ему дать при тысяче градусов... ну, когда цвет как солнце закатное у получившегося бруска металла будет. Тогда узор сильнее проявится. И ковать опять же особым образом надобно, чтобы кристаллы не разбить... А! Вот про них я и забыл сказать. Отчего крепость у булата появляется? Когда он остывает, то в металле образуются... зерна, а вокруг них еще такие же зернышки фигурами разными собираются, только те уже помельче да крепче. На срезе или сломе это видно. Эх... слов умных я тебе накидаю сколько хочешь, только вот от этого ты лучше меня не поймешь... Да я и сам в этом деле только вершков нахватался!

Любим неожиданно посерьезнел лицом и, повернувшись в сгущающейся темноте к Николаю, поклонился тому в пояс, коснувшись рукой своих сапог и показывая свое знание родословной собрата по ремеслу.

– Благодарствую за науку, Николай, сын Степанов, век не забуду.

– Да что ты, в самом деле, – аж цокнул тот от досады. – Я же тебе только словами все обсказал, а делать все это вместе придется. И намучаемся мы еще с тобой столько...

– А ты не относись к сему знанию как к никчемному, – выговорил собеседнику Любим. – Оно великим благом для рода будет. Еще отцы наши по крупичам собирали такие слова заветные, а ты такой кладезень в голове держишь, что пересказывать его из уст в уста надобно и на грамотах писать, абы не потерялся в веках он. А уж хранить сие знание пуще зеницы ока в роде нашем следует... Так каким путем мы булат варить станем?

Так хитро, не скрываясь, прищурился Любим, что Николай не выдержал и расхохотался.

– Третьим, третьим способом. В роде он грамотки оставит, кхе... Дай продышаться, умолил... Первый способ долгий, второй сложный, а вот третий нам подойдет. Мы же с тобой сначала решили делать чугуны, так? Вот из него и будем булат варить в тигле, добавляя железную стружку... Температура плавления чугуна меньше, чем у железа, значит, и большого расхода угля не будет, да и от лишнего передела в сталь избавимся. Правда, булат не очень хороший получится, от примесей мы таким путем не избавимся, но нам хотя бы что-то сделать для начала, а дальше видно будет... Давай уж, топай к костру, выведывальщик. Варевом да травами оттуда так тащит, что лично у меня кишка кишке уже колотит по башке...

* * *

Сотник Ибраим медленно прохаживался около шатра, постукивая свернутой плеткой по голеницам сапог. Солнышко как раз поднялось за речкой над верхушками деревьев и начало ласково пригревать освобожденный от шлема затылок, поблескивающий ранней плешью. Это через два-три часа воздух разогреется, и пот потечет градом, впитываясь в поддоспешник. А пока... лепота!

И неспешные благостные мысли словно сами рождаются в голове.

«Эхе-хе... скоро должна прибыть лодья с низовьев, а там уж и другие воины подспеют с живым товаром из лесного схрона. А когда он прибудет в Булгар, то ум-м... – Причмокивание само родилось на устах Ибраима. – У всех завистников челюсти отвиснут. Пять десятков отборных молодых женщин и сильных мужчин уже готовы для перевозки на невольничий

рынок. А еще к ним добавятся русые красавицы, которые наверняка попадут в гаремы болгарских вельмож или эмиров полуденных стран, где особо ценятся светловолосые рабыни. Взяли бы больше, но остальные уже не поместятся в лоды... Хорошо.

Вот теперь уж он всласть заживет в окрестностях Бургаса! Сначала нужно, конечно, отдать долги тем, кто уговорил вышедшего в отставку сотника совершить сей благодный поход, обеспечив его звонкой монетой, но потом...

Потом он посватается к прекрасной Хаан и будет жить припеваючи, кататься как сыр в масле. Ха... только бы пришел поскорее этот вечно ворчливый десятник Алтыш. Как он надоел своими придирками к новой вере и могучим булгарам, вечно вспоминая, какие были у нас великие предки...

Было, все было, одно время ходили под хазарами, придет другое – уйдем из-под болгар, нужно только подождать...

А пока надо жить, жить сегодняшним днем и получать от жизни удовольствие!

Да, Алтыш... одно воспоминание о нем может испортить радужное настроение. Ему был дан крайний срок придти сегодня в полдень, даже если он никого не поймает.

Хотя после этого он и часа в десятниках не проходит – найдется кому заняться такой приятной работой, как поимка невольниц... Сладких, мягких, податливых... хм, через некоторое время, конечно».

Грезы сотника были прерваны подбежавшим дозорным. Но Ибраим не обиделся на него и никак не наказал. Ведь тот ему принес радостную весть. Наконец-то идет лодья.

«Сам теперь вижу... На веслах идут: ветер им в лицо. И кормчий Ишей стоит на руле, вон как развеваются его черные волосы, выбившиеся из заплетенной косы. Сколько раз говорил, чтобы надевал шлем, – так нет, жарко ему, видите ли. А наказать, так такого кормчего потом поди найди. Все пути и мели на Суре и Итиле знает, с закрытыми глазами проведет!

Только вот почти никого над бортами не видно. Устали, или стычка была с кем?

Ха! Наверное, просто перепились... Я им покажу потом, как нарушать заветы Аллаха, волками взвоят! Ну да ладно, теперь только Алтыша дожидаться – и отправляться можно... Или все-таки наказать русинов за то, что попробовали сопротивляться?

Нет, воинов терять не хочется... И так могут сказать, что мне изменила обычная удачливость.

Да уж, почти десяток выбили начисто! Еще чуть и никто не пойдет с тобой в набег, сотник...

Эх, жалко, что местные вои этой ночью решили напасть в другом месте – нет бы прорывались в сторону леса! Ах, какой он там подарок им приготовил... Как бы он поплясал потом на их костях, если бы они напоролась на приготовленную ловушку...»

– А! Шайтан тебя задери! Куда ты правишь, вонючая собака! Руль, руль выворачивай! – сорвался с мыслей на крик сотник.

Лодья, пройдя чуть выше по течению, развернулась, встала по ветру, а потом неожиданно поставила парус и дернулась вперед как застоявшаяся кобылица.

Кормчий же, вместо того чтобы отвернуть руль на середину реки, направил судно прямо меж двух вытянутых на берег досчаников, стоящих всего в нескольких саженях друг от друга.

Неожиданно перед самым берегом парус дернулся, нижняя его часть вырвалась от удерживающих ее канатов и подлетела вверх, а набегающая лодья довела руль вправо и, плавно скользнув меж своих соседок впиритурку к их бортам, выбросила свой нос на песчаную отмель.

– Уф-ф-ф!.. – вздох облегчения сотника пронесся над лагерем словно предгрозового порыв ветра. – Я скормлю твою тушу собакам, Ишей, паршивая ты свинья! Я одену тебе на голову свои исподние портки, и ты будешь так гулять в центре Бургаса!

Ибраим выместил свою злость в крик и продолжил уже себе под нос.

– Но каков шельмец, так показать свое мастерство! Недаром согласился идти, только когда ему пообещали двойную долю в добыче против обычного воина. Ай-ай, молодец!

* * *

Только присланная записка удержала воеводу переяславской веси, которого по привычке называли десятником, от того, чтобы броситься ночью на лагерь буртасов. Скрипнув зубами, воевода спрыгнул с помоста и присел, облокотившись на столб.

«Пятью десятками против трех мы еще могли... Нет, не обратить врага вспять, для этого неодоленные смерды все-таки слабы, – десятник в очередной раз прогонял через свое уже порядком воспаленное воображение сложившуюся картину, – но ворваться всей толпой во вражеский стан следом за острием дружинного десятка...

Да, ночью, в темноте, мы еще могли взаимно истребить друг друга. А ныне... ныне слишком поздно. Если и пощипали немного буртасов в лесу смерды, как писано было, то и сами погибли, а бабы в лучшем случае разбежались...

Вернутся степняки из тех, кто на поимку ушел, да еще с низовьев лодья придет и тогда они селение с ходу возьмут, а баб всех до единой на веревке с собой уташат.

Охо-хо... как глядеть-то после этого смердам в лицо, ежели живым останусь?

Смерды... сам будто боярин... Вольные люди. Сам из этой верви вышел, туда же и возвратился. Нажил на княжеском дворе привычку никого за людей не считать, да помыкать всеми, аки...»

– Трофим, – подал сверху голос Петр. – Кажись, с низовьев лодья идет, прикажешь всем на стены становиться?

– Погодь, Петруша, – начал неохотно вставать десятник. – Гляну сам, что там происходит...

– Трофим Игнатьич, Трофим Игнатьич! – К нему бежал во все ноги лекарь.

«Вячеслав, кажется... Что за нелегкая судьбинушка его несет? Все одно к одному».

– Пригнись, лекарь, – прокричали бегущему с помоста. – Жить надоело? Али людей лечить не хочешь более?

Тот для вида пригнулся, добежал до десятника и прислонился, чтобы отдышаться, к столбу.

– Трофим Игнатьич, беда у нас, народ начинает с температурой валиться...

– С чем валиться? Али стрелами закидали?

– Да нет, жар у них, температурой это я называю, кашель, головокружение. Как уж назвать эту эпидемию, чтобы вы поняли... мор, что ли?

– Господи, – перекрестился, сильно побледнев, Трофим. – За какие же грехи ты нас наказываешь, из огня да в полымя... Иди, лекарь, ништо нам уже не поможет. Самое время на врага броситься, и сгинет он вместе с нами...

– Трофим Игнатьич, я может не то сказал. Ну, заболели они, так еще неизвестно чем – не чумой же!

Вячеслав поперхнулся и замолчал.

– Так что, лекарь? Реки, егда смертушка наша придет? Не молчи и так на душе тошно...

Перекосившись лицом, десятник дернул ворот кольчужной рубашки.

– Так... – начал собираться с мыслями Вячеслав. – Во-первых, всем строгий наказ будет! Надо надеть на лицо повязки из холстины, они должны закрывать рот и нос...

– А! Да какое там спасение, если мор, лекарь! Убирайся отсюда! – отвернулся от него десятник.

– Молчать! – аж взвизгнул неожиданно для себя Вячеслав. – Сам хочешь помереть, так иди один в поле и помирай, а у людей жизнь не смей отнимать без смысла всякого! Я – лекарь,

и мне решать, что делать в этом случае! И нечего так багроветь, удар хватит! Хочешь голову сечь, так секи, только ты неправ, оттого и бесишься! Я к тебе не суюсь, как людей на смерть вести, так и ты ко мне не суйся, как лечить их! Или ты делаешь, как я сказал, или...

– Что или? – неожиданно успокоился десятник.

– Не отнимай у людей последнюю возможность, – попросил Вячеслав, заглядывая воеводе в глаза.

– А ты знаешь, что лодья с низовьев идет? Что, может, через час весь на копье возьмут, и тут упокойники одни валяться будут? А?

– Иван же написал, что придет с воинами...

– И где он, твой Иван? – внимательно посмотрел на лекаря десятник, склонив набок голову.

– Он придет, – ответил твердым голосом Вячеслав. – По-другому не будет.

– Ну-ну, придет, когда мы все тут поляжем... Ночь уже прошла. Ладно, твоя взяла... Вячеслав. Глаголь, что надобно тебе для лечения.

– Про повязки я сказал, – начал перечислять Вячеслав. – Это всем строго обязательно. Если кто заболит, тех сносить к дальней землянке, оставлять перед входом. Внутрь не заходить. Если снадобье я какое для лечения сумею сделать, то оповещу. А пока пить только кипяченую воду, грызунов всяких истреблять нещадно и жечь. К ним не прикасаться. Руки мыть, особенно перед едой... Если что еще надумаю, траву какую-нибудь в огонь бросить для дезинфекции или... гхм, тоже скажу. И тряпку бы какую-нибудь, что мор у нас, на шесте вывесить...

– Мыть... это мы можем. Слышь, Свара? – ухмыльнулся десятник. – На ворога пойдешь, так руки водицей мой. И стрелы пускай только по мышам, неча им тут бегать... Ладно, пошутковали... Свара, ты Никифора найди и все ему обскажи, холстины пусть нарвет, воды наготовит. Что еще лекарь скажет, пусть то и делает. И за повязками проследи, абы у всех были. И это... лекарь, Радимира я тебе пошлю, еще он тебе подскажет что, так не гнушайся...

– Трофим, ты глянь на это! – Петр аж подпрыгнул над тыном. – Что лодья-то творит! Быстрей поднимайся!

* * *

Вячеслав медленно возвращался к больным вдоль тына, по привычке прижимаясь от обстрела к бревенчатым стенам и пригибаясь, когда нужно было пересечь открытое пространство. Вокруг царило какое-то нездоровое оживление, люди на стенах о чем-то бодро переговаривались и даже неосторожно высывали головы поверх изгороди, но лекарь был слишком озабочен своими мыслями, чтобы обращать на это внимание.

– Так, повязки я сменил, помощники старые бинты прокипятят, за ранеными последят, отвара ромашки пока хватит, мха тоже... Дружинник с челюстью уже очнулся и того гляди на ноги вставать начнет, не убежит бы... А с простреленной грудью еще пока плох, ну да мне к нему лучше не подходить пока, раз уж я так плотно займусь теми, кто слег с жаром.

Как только к Вячеславу явился первый больной с мутными глазами, он сначала даже не понял, что с ним такое, но, потрогав лоб, сразу отвел его в ту первую полуземлянку, в которой он начинал принимать раненых. Выгнав оттуда всех, наказал, чтобы даже не приближались к этому дому, а остальных заболевших срочно посылали сюда.

Что подобное случится, Вячеслав подозревал давно. Все-таки будущее время было слишком переполнено людьми, и их микрофлора, а проще говоря, зараза, собранная со всего мира, не могла пройти мимо местного люда, не нанеся им удара исподтишка.

И, конечно, он не собирался никому говорить, что это они могли быть виновны в таком ударе. Во-первых, не поймут ничего, еще в колдовстве обвинят. Во-вторых, это могло бы подставить не только его одного, но и остальных. Детей, главным образом.

Уложив заболевшего и послушав, как тот зашелся в кашле, Вячеслав развел костер и поставил кипятиться воду. Сам же разложил свои немногочисленные запасы, собранные за последние дни, и начал готовить грудной сбор, перечисляя себе под нос названия трав, доставаемые из подаренных ему за лечение берестяных туесков.

– Так, что мы имеем? Цветки ромашки. Из антимикробного и противовоспалительного – листья душицы, они же против бронхита... Ага, мать-и-мачеха, тоже отхаркивающее, всегда в грудной сбор идет... Вот, наконец-то, потогонное, липовый цвет, он же от головной боли и кашля. А это что? А, сюда я корни и листья одуванчика положил, вроде жаропонижающее, но... в сторону пока. Подорожник... отлично, при кашле и как снотворное. И, наконец, венчают коллекцию с таким трудом выцыганенные у Агафьи сосновые почки, противовирусное и отхаркивающее. Все, что ли? – поворошил он свои свертки. – Вот еще кора ивы, тоже собранная ранней весной Агафьей, противомикробная и жаропонижающая. И как я все это буду совмещать? В каких пропорциях? Ну, липу и мать-и-мачеху можно... А остальное? Хм-м...

Размышления его были прерваны новыми пришедшими весьянами, которые ранее по таким пустякам, как подкашивающиеся ноги и жар, не хотели беспокоить лекаря. Да и куда же уйдешь со стены, когда в любой момент там можно ожидать нашествия непрошенных гостей... Однако раз пришли, значит, дело с ними совсем худо.

Разложив еще человек шесть по полатам, Вячеслав начал заваривать разные варианты трав в нашедшихся около очага мелких глиняных горшочках, а настояв их, напоил больных и закутал всеми нашедшимися в землянке вещами. Пробормотав, чтобы те не вставали, а лежали бы себе и потели, выскочил наружу и побежал к воеводе докладывать о сложившейся ситуации.

И вот теперь он брел обратно, пытаясь вспомнить симптомы всевозможных страшных болезней, которые когда-либо обрушивались на род человеческий, в первую очередь чумы.

Дойдя до места, обреченно вздохнул и спустился вниз обследовать больных.

В первую очередь подставил светлые холстины тем, кто особо мучился кашлем, и посмотрел, есть ли кровавые сгустки. Оглядел как смог при свете лучины полость рта и прослушал дыхание. Поспрашивал насчет мышечных болей и попытался провести осмотр на предмет мелких кровоизлияний на теле.

Протест вызвали лишь его попытки осмотреть паховые области на предмет увеличенных лимфоузлов. По его воспоминаниям, первичные чумные язвы и воспаления набухали именно там, а при пункции оттуда выдавливался даже гной. Поэтому он наорал на первого заартачившегося так, что остальные стали лежать смирно и дали себя беспрекословно оглядеть.

Перед осмотром Вячеслав ополоснул руки отваром коры ивы, который, как он вспомнил, по действию заменял хирургические перчатки. Потом, слегка успокоенный тем, что, кроме мышечных болей, других симптомов не обнаружил, всех еще раз обильно напоил и стал готовить новую порцию ивового отвара, но уже для полоскания.

И только тогда он заметил седого старика, незаметно вставшего около входа, опираясь на массивную клюку. Правда, Вячеславу показалось, что клюка ему была нужна только для придания солидности.

– Радимиром меня звать. Надысь воевода рек обо мне.

– Было дело, – ответил Вячеслав, переставляя на углях глиняные горшки.

– Знать, обучали тебя люди, любящие мудрость¹², лекарь. Так? – спросил Радимир, присаживаясь.

– Обучали, да не совсем тому. Приходится на ходу переучиваться. А ты вот сказал «любящие мудрость»... Так, может, и греческое слово знаешь, которое именно так и переводится?

– Ведомо мне и то слово... А чему ты дивишься?

¹² Любящие мудрость – философы.

– Да вот в глухой деревне встретил человека, который про философов знает. Про Платона, Аристотеля слышал?

– И про них мне ведомо, лекарь, да не обо мне речь ныне. Живот свой я положил на учение всяким премудростям, но вся жисть моя на чужих глазах прошла. Того же воеводы нашего. Всяк сказать может, что видел меня там-то и делал я то-то. А вот вы пришли неведомо откуда, и всяк у вас какое-то отличие имеет. Один лечит, другой счет и грамоту преподает, третий воин, что меч не держал, но ножом аки рукой управляется, еще один в кузнечном деле смекает то, про что Любим и не слыхивал... Что молчишь? Или сказывать нечего?

– Ну почему же, – подумав, ответил Вячеслав. – Сказать есть что. Только вот поймешь ли... Да ты, кстати, можешь понять, но рано еще. Никто мы вам пока... погоди, Радимир, срок придет – так обрисую все подробно...

– Срок придет... Ну да ладно, подожду, авось доживу до срока вашего. Токмо пока мы тут с тобою лясы точим, одному срок уже выходит... Глянь.

Вячеслав бросил взгляд на первого пришедшего к нему больного и заметил лихорадочное, осунувшееся лицо с блестящими глазами. Подбежав и положив руку ему на лоб, проговорил:

– Горит он весь, температура сильно за сорок зашкаливает, не помогли ему мои настои. Слышь, Радимир, есть ли уксус у тебя? Ведомо ли тебе это слово?

– Ведомо, ведомо, греческое оно и к нам пришло от них...

– Подожди объяснять, есть ли? – заторопился Вячеслав.

– Скислась у меня вина яблочного целая бутылка по пути из Переяславля, он там и есть...

– Это просто хорошо. Я пока воды колодезной подогрею, а ты принеси Христа ради ту бутылку. Больного обтирать надо, жар сбивать будем, а с яблочным уксусом оно гораздо сподручнее... Или подожди, давай я сбегаю – где оно?

– В подклети дружинной избы стоит, сосуд глиняный, оплетенный. Самый большой, наискось от входа, не промахнешься. Беги, а я подогрею воды тем временем.

– Только совсем чуть, чтобы... с телом она одинакова по теплу была, – бросил Вячеслав, выбегая из двери.

Глава 13

Речной поход

Вечер предыдущего дня

Иван раздраженно метался около переправы, находящейся немного ниже по течению от переяславской веси, и ждал, когда охотники лодками переправятся на его берег и присоединятся к отяцкой рати.

Участок реки, вдоль уреза которой он бросался из стороны в сторону разъяренной кошкой, был закрыт мысками от любопытных глаз, и толпа, высыпавшая на берег, была в сравнительной безопасности. При том условии, конечно, что не проспят выставленные новым воеводой на возвышенностях дозорные, в чем достаточной уверенности у него не было.

Надо было признать, что несмотря на весь свой боевой опыт, бывший капитан возглавил ратную силу, которая совершенно его не понимала. Причем не только в прямом смысле этого слова, но и косвенным образом, по-другому оценивая сложившуюся ситуацию и напрочь отказываясь исполнять его приказы, выданные без учета их мнения.

– Ну что за народ, Антип, упрямые бараны! Ничем их не проймешь... Я уж было обрадовался, что рать собралась, думал, что теперь можно отработать по всем правилам военного искусства, пусть даже и не совсем приспособленного под местные реалии. Ан нет... Гулькин хрен нам с тобой, а не покомандовать в свое удовольствие. Развели демократию, едрену кочерыжку им в задницу...

– Кому в задницу?..

– Всем! Видите ли, они на все готовы, даже на смерть по первому моему слову и даже тем способом, что я укажу... Тьфу! Только вот место этой смерти они выберут сами. Хр-р-р-а... под трибунал всех по законам военного времени! Ну на кой ляд нам тащиться три часа в нижнее селение, если мы нужны тут? Покончили бы одним махом с буртасами у веси, ну... не покончили бы, так отогнали. Силы-то равные... почти. Нас больше в два раза, а они сильнее во столько же. Пожгли бы их лоды ночью, а то и взяли бы нахрапом. А потом уже спокойно занялись нижним противником. Те сами, на блюде к нам приплыли бы. По словам пленного десятника, они как раз завтра утром выступить хотели... Так нет же, им надо девок своих сначала освободить, да отнятое добро себе вернуть, а уж потом они в полном моем распоряжении. Роту на это даже принесли.

– Да... девки это... куда же без них? – меланхолично кивнул охотник.

– Шесть часов теряем, Антип, целых шесть... туда три и обратно столько же. А сколько еще там провозимся, и сколько народа положим? Ночью к веси, как планировалось, мы точно не вернемся, хотя я и обещал. Правда, штурмовать ее буртасы без подмоги снизу и стигнувших в лесу воев вряд ли пойдут. С другой стороны... да кто знает, что у них за тараканы в голове?

Антип, до этого момента равнодушно соглашавшийся во всем с воеводой, позволяя тому выпустить пар, недоуменно разинул рот:

– Вечор сказывал ты, что тараканы есть прусаки. Э-э-э... они токмо к буртасам в голову залазят, али и к честному христианину могут сквозь слух попасть?

Охотник указал на свое ухо.

Иван с пару секунд недоуменно смотрел на Антипа, а потом отвернулся и затрясся от распившего его смеха.

– Тараканы... в голове... ползают... охо-хо... По мозговым извилинам! Прочищают... от застоя мочи...

Наконец новоявленного воеводу отпустило, и он решил сменить тему. Иначе Антип, судя по его расширившимся глазам, обязательно бы спросил, почему именно такая жидкость течет в черепной коробке и как она туда попадает.

– Слушай, я не знаю, как к ним, а ко мне точно таракан заполз. – Иван еще раз хрюкнул и решил сгладить свои слова, чтобы не приняли за сумашедшего. – Шуткую я так, не обращай внимания на слова мои... Так вот, почему бы нам и в самом деле не заглянуть вниз по реке? Во-первых, в полон попали многие мужи, которые могли бы присоединиться к рати в случае своего освобождения. Во-вторых, обратно можно с ветерком на лодье отправиться. Ты управляться с парусом можешь?

– Хитрого там нет ничего. И на руле случалось посидеть, пока сюда добирались... Но одному не справиться мне, а любое несогласие в том, как людишки парус ставят, токмо к гибели нашей приведет, аще лодья та перевернется.

– Хм... – задумался Иван. – А буртасские людишки, что с парусом у них управляют, как обычно ночуют, вместе?

– Тот, кто к таким делам ближе, завсегда на лодье ночь проводит, – согласился Антип. – Им на ее защиту и вставать.

– Тогда живыми попытаемся брать, а коли не выйдет, то сами на весла сядем, – окончательно решил новоявленный воевода. – Да и отяки, пока своих девок и детей не освободят, в бой сломя голову бросаться не будут. Кроме того, смухлевали мы с тобой немного! Агитировали их родичей освобождать, а сами начали к себе зазывать. Бог-то он все видит, вот и поправил нас по своему разумению...

– Он видит, – вновь кивнул охотник.

– И еще. Если они в понизовьях навар какой с буртасов поимеют, то потом их от ворога за уши не оттащишь. А нам это только на пользу будет. Эх, еще бы выспаться для полного счастья... Или хотя бы для свежей головы. Ну да не судьба пока. О! Смотри, Антип, охотники все переплыли. Пошли, поговорим тесным кругом, авось решим опять что дельное...

– Коли осталось у ты в голове что, окромя прусака, то можем и порешать, – ухмыльнулся Антип. – А скажи вот мне, пошто ты с охотничками буртаса таскаешь полоненного?

– Пошто? Помнишь ли, что оба пленника умеют слегка говорить по-нашему? Тот, который десятником сказался, с полоненной словенкой жил несколько лет, а второй оказался племянником его. Правда, последний совсем непонятно временами лопочет, но все равно повезло нам с этим негаданно, потому что их знание нашего языка нам вполне может пригодиться. Как еще с пленными объясняться, если такие у нас будут? Однако держать при этом их лучше отдельно, поскольку дорожат они друг другом... Помнишь, как старший беспамятного младшего взялся выхаживать?.. – Дождавшись утвердительного кивка Антипа, Иван продолжил: – Вот пока они раздельно находятся, то не так опасны. Я ведь буртасскому десятнику объяснил, когда по душам говорили, что если один сбежит, то второго сразу прирежем...

– И прирежешь? – равнодушно задал вопрос охотник.

– Да вряд ли, хотя... Зависит от того, какую беду побег нам тот сулить будет, может, и придется. Ну ладно, заговорились мы с тобой, пойдем все-таки к охотникам нашим...

* * *

Ночью на реке тишина почти никогда не бывает полной. Даже если ветер только начинает чуть-чуть колыхать кроны деревьев, то речная вода, словно ласковая кошка, сразу подставляет свой нежный покров под его чуткие пальцы.

Волны бьют о берег с мерным тактом, пытаясь взобраться по песочку, по раскинувшимся корягам и обнаженным корням мокрой травы, тихо отступая потом вместе с шелестящими пес-

чинками. Тихий шорох успокаивает и навеивает дремоту, заставляет смежить глаза и не обращать внимания на звуки, которые не выбиваются диссонансом из общей мелодии.

Если пристроиться в этот такт, вклиниться в общее звучание, то можно притвориться даже плеснувшей спросонья рыбой.

Главное – не опоздать внести свою лепту вовремя, иначе где-то в стороне ворвутся в мелодию новые жесткие звуки железа, а ты застынешь негромкой фальшью во внезапно выбившемся из ритма проснувшемся мире.

Главное – никого не опередить, иначе выбьются из гармонии такие же как ты неслышимые тени, и этот мир взорвется яростными криками боли и смерти твоих друзей и родичей...

Кажется, все. Да, точно, все. Гармония кончилась, начался хаос. Можно действовать.

Упал прямо в костер, разожженный на берегу, ненадолго подошедший к нему дозорный.

Его сотоварищ захрипел в кустах, не успев подать сигнал опасности.

Вспенились барашками волны под ударами гнущихся весел, и на берег вывалились вымазанные грязью полуголые фигуры, тут же кинувшиеся к начинающей просыпаться лодье.

Они в мгновение ока вспорхнули на борт и широко раскинули капроновую сетку, в которой сразу запутались метнувшиеся навстречу тени. Тут же на эти пойманные в силки полусонные тела обрушились глухие удары обухами топоров, которые заставили поникнуть раскоряченные фигуры.

Следом по сброшенным на берег мосткам взбежали копейщики с укороченными сулицами, выставив жала в сторону тента, под которым и скрывалось то, ради чего эти люди рисковали сейчас головами. Им уже подсвечивали на удивление быстро разожженными факелами, поэтому четыре человека во главе с Пычеем без опаски двинулись по центру лодьи, выискивая среди просыпающихся людей тех, кто мог бы оказать сопротивление.

Несколько слов старосты и радостные возгласы привязанных, лежащих вповалку баб сменились кивками на корму. Оттуда в этот момент двое neodоспешенных воев бросились за борт, а один, одетый, несмотря на ночное время, в богато изукрашенную кольчугу, совершил попытку нацепить тетиву на выгащенный из налущья лук.

Он даже успел его вскинуть, как до него долетели две с силой брошенные сулицы. Первое копьё скользнуло по рукаву кольчуги и бессильно вонзилось в один из разбросанных здесь туюков, а вторая сулица воткнулась в бедро.

Воин взвыл и выгнулся в истошном крике, однако был тут же безжалостно пронзен подбежавшими отяками. Спустя несколько секунд установившуюся тишину прервал донесшийся из-за борта всплеск весел и негромкий голос, позвавший Пычея. Староста перегнулся, выслушал доклад и обернул покрытое полосами грязь лицо назад.

– Не ушли и те двое. Закончили мы тут. Далее как сговаривались?

– Да, сбрасываем лодью на воду и идем на подмогу в селение ваше, – скороговоркой произнес Иван. – Тут оставь пять лучников, больше не надо. Заводь тихая, течением не унесет, а если что случится, то сумеют отбиться... Волнуюсь я, в селение ваше одну молодежь отправили.

Рать, достигшая без малого полусотни человек, была разделена на две неровные части.

Первая, в количестве двадцати наиболее опытных отяцких охотников, брала штурмом лодью. Это был ключевой момент народившегося плана. Даже если не получится взять селение с ходу, то захватчики лишались средства передвижения. И куда тогда они денутся из глухих лесов Поветлужья?

Во вторую часть включили всех одоспешенных отяков, оказавшихся сплошь безусыми молодыми воинами. Их не стали брать на штурм речного «коня». Зачем? Чтобы они гремели там своими железками? Лучше уж пусть примут участие в налете на родной гурт.

А чтобы не наделали глупостей, им придали неполный десяток переяславцев, задачей которых было рассеяться вдоль тына, а потом, с помощью приставных, наспех собранных на переправе жердяных настилов, взобраться над изгородью и выцеливать пробегающих врагов.

Это планировалось сделать в том случае, если охрана селения ведется из рук вон плохо.

Однако предпосылки к этому были. Во-первых, слова полоненного десятника Алтыша.

Тот признался, глядя на раскаленный железный прут, поднесенный к его племяннику, что в низовьях осталась лодья и три с половиной десятка воев, из которых пятеро были слегка ранены. А также уведомил, что малая часть ночует на судне вместе с молодыми полонянками, как наиболее драгоценным грузом, а остальные стерегут пленников уже в селении, не беспокоясь, что тех кто-то может отбить.

После этого буртас сплюнул и сказал, чтобы смерды в лаптях даже не рассчитывали на то, что могут взять верх над настоящими ратниками. Его плевок проигнорировали, а сведения взяли на заметку. Получалось, что за тыном могли оказаться около двадцати пяти воев, включая раненых. Если сумеет просочиться внутрь через известный местным охотникам лаз, то их можно взять по-тихому, по крайней мере, попытаться застать врасплох. А нет, так с помощью упомянутых жердяных настилов можно будет перевалиться через тын в любом месте и там уже организовать планомерную осаду того дома, где расположились буртасы.

Над штурмовыми десятками поставили главой старосту верхнего поселения, вызвавшегося пойти с ними лишь в самый последний момент. У Пычя с Иваном были из-за этого на его счет сомнения, но никаких доводов против они привести себе не смогли, да и уважением тот пользовался среди остальных воинов немалым. Однако не староста оказался виной того, что произошло далее. Скорее, он стал жертвой обстоятельств.

Шедший первым среди воинов, он поймал в грудь, защищенную только кожаным доспехом, стрелу из первого слитного залпа, которым отяков угостили на подходе к лазу. Очевидно, буртасы занимались не только поисками ценных захоронков, но еще и выпытыванием в прямом смысле этого слова полезных для обороны сведений у пленников.

Поэтому, разузнав тайный путь из селения, они, вполне естественно, поставили на нем засаду, слегка задремавшую на посту от выпитого под вечер хмельного меда. Как впоследствии определили, состояла она из четырех человек, которые, несмотря на дремоту, все-таки слышали тихие шаги за изгородью и даже спросонья смогли резонно предположить, что свой, скрадываясь, через лаз не пойдет.

Когда Иван подошел со второй частью воинов ближе к тыну, который возвышался метрах в двухстах от берега и был окружен всего лишь парой десятков шагов открытого пространства, то ситуация складывалась следующим образом.

Переяславцы сумели закрепиться с одной стороны изгороди, взяв под обстрел прилегающую к нему территорию. Ночное небо было достаточно ясным, и тени, мелькающие на открытом пространстве под светом лунного светила и звезд, лучники могли довольно успешно выцеливать. Правда, не факт, что все попадания были удачными, скрежет железа свидетельствовал, что тени эти были совсем не беззащитными.

Сами же переяславцы практически не были видны на фоне темного поднимающегося леса, как и предположил Иван в свое время, услышав, что поросли рядом с гуртом давно не вырубались.

А вот союзники в лице отяков уже имели трех убитых и одного раненного в ногу и не предпринимали никаких попыток прорваться через тын.

Воевода, определившись с ситуацией, сразу разделил бездеспешных на четыре части. Одну погнал на настил вместо переяславцев, а остальным приказал сесть вокруг селения в засады, оговорив стрелять во все, что полезет через изгородь, без всяких оговорок. Он также особо попросил присматривать за лазом, однако предупредил, что если полезет большая сила, то надо сразу уходить в сторону и по возможности проследить, куда буртасы направятся.

Всем же воинам в доспехах Иван наказал следовать за собой, как прежде и договаривались. Потратив еще пару минут на общение с Пычеем и Терлеем, воевода прыгнул на настил и перекинулся через тын на хлипкий помост, который шел по внутреннему периметру гурта.

Когда на переправе разрабатывали план, староста подробно рассказал, где держали пленников, поскольку сам провел в этой роли пару часов, а также поведал, что именно в его избе расположились бургасы. Не удовлетворившись этим, Иван потратил еще полчаса светового времени, чтобы Пычей нарисовал на песке расположение всех домов внутри изгороди, дверей и даже небольших окошек, выходящих наружу под самой крышей. На столь наглядном плане были обсуждены все пришедшие на ум действия по захвату данных строений.

И только уяснив, что все понимают досконально свои роли вплоть до того, кто как отходит и кого прикрывает, воевода скомандовал выступать. Оговорив при этом, что своим войм наспех выбранные десятники, собранные на совет, все подробно расскажут по пути.

А сам забрался в ближайшую лодку и пробурчал, чтобы его разбудили через пару часов. Антип завистливым взглядом проводил его, поскреб в бороде и забрался в соседнюю, благо, на этих однодеревках возили руду и каждая, хоть и с трудом, трех человек вмещала. Так что дюжина воев на пяти лодках отправилась водным путем, а большая часть рати, повздыхав для порядка, начала проламываться по заросшей пешей тропе, тянущейся вдоль Ветлуги к нижнему поселению.

Поэтому, когда неожиданная засада около лаза смешала карты, изменения претерпели лишь действия тех, кто был без брони. Одоспешенные же вои строго по плану выступили к усадьбе Пычея, где в его доме и, по всей видимости, в прилегающих постройках ночевали бургасы.

Ну а где же им еще было расположиться, если остальные дома примерно напоминали полуземляночные бараки, которые в своей веси наспех откопали переяславцы? А здесь они были в гораздо худшем, довольно подгнившем состоянии. Даже единственный полностью бревенчатый дом старосты лишь весьма отдаленно напоминал ту же дружинную избу переяславцев.

Низкая, в половину роста человека подклеть, соломенная крыша и небольшая хлипкая дверка никак не красили похожую на барак небольшую вытянутую избу, разделенную внутри перегородками из ивовых прутьев на три части.

Рядом, шагах в двадцати от дома, стоял небольшой сруб, исполняющий роль баньки по-черному, зайти в который можно было лишь при условии, если человек сгибался вдвое. И тем не менее, это была лучшая усадьба и самый добротный дом в селении, которыми Пычей обоснованно гордился. И вот такой гордости осталось всего лишь несколько минут бренного существования, отведенного ей хозяином.

Человек привыкает ко всему. Тому, кто вырос в богатом, полном достатка доме, омерзительно будет ночевать в убогой землянке. Поначалу. Но спустя год, просыпаясь и чувствуя себя еще живым и здоровым, он будет удивляться тому, что придавал такое значение роскоши. И это нормально – ведь у него уже сложилась привычка к совершенно другому положению вещей.

И наоборот, перейдя из землянки в дом, спустя две недели новый хозяин уже будет шаркать в грязных лаптях по чистому выскобленному полу, не вспоминая о том, что первоначально обувь он оставлял даже не в сенях, а на крыльце.

И дело тут даже не в духовности или воспитании. В конце концов, понятно, что иной может и в землянке прибраться, и дом содержать в чистоте и уюте. А другой с равнодушием будет топтать упавший на пол хлеб или плевать под ноги. Причина скорее в том, что для выживания любому человеку необходимо всего лишь тепло в доме, да чтобы на столе что-то водилось, а дальше уже каждый по своему разумению лепит окружающий мир.

Если этот мир человека в итоге устраивает, если у него нет желания его кардинально менять, то это и можно назвать привычкой. А уж если отсутствуют внешние условия, подви-

гающие его на изменения, то это уже привычка в квадрате, и такой индивидуум будет даже доволен тем, что имеет.

Вот и Пычей был удовлетворен своим положением, двумя своими сыновьями, тем, что дом у него был чуть лучше, чем у других. Он привык и не хотел что-то менять. Но появились эти самые внешние условия, и череда изменений в его жизни стала неизбежной. Старший сын оказался в заложниках у недругов, остальная семья тоже попала в плен и теперь сидит где-то взаперти.

Окружающий мир его уже перестал устраивать, а привычка к столь скорбному положению вещей еще не выработалась. И тут его неожиданно спросили, помахивая зажженной лучиной, на что он готов пойти, чтобы вернуть свою жизнь в прежнее русло?

– На все, – кратко ответил староста.

Да, человек привыкает ко всему, но горе тому, кто лишает человека его старых привычек.

– Тогда будем жечь. – Поднеся лучину к смолистому факелу, воевода загасил ее, воткнув в землю, а разгоревшуюся ветку передал лучникам, наказав не начинать обстрела раньше времени.

– А ты, Терлей, раз уж твоя жизнь принадлежит мне, будешь всех отвлекать. По-буртаски он понимает, Пычей?

– Нет, не понимает, – растерянно ответил тот.

– Надо научиться. И именно к тому моменту, когда мы твою избу стрелами подожжем и гостей как курей поджаривать будем. Будет полезно буртасов чем-нибудь занять, а ругающийся на их языке ратник подойдет для этого дела как нельзя лучше. При допросе их десятника я таких выражений от него наслушался, что не удержался и попросил изложить все под запись и с переводом. Он столько заковыристых изречений знает, что у меня сразу появились догадки по поводу его сожительницы. Думаю, что ласковей, чем «сивый драный козел с обвисшими ушами», та словенка его не называла. Ну все, айда через тын, по пути остальное скажу. Всего несколько слов, переводы, староста...

* * *

Для Терлея весть, что его будут использовать в качестве приманки, ровным счетом ничего не изменила. Он был готов выполнить что угодно. Его жена и дочка были свободны, Пычей клятвенно подтвердил, что видел их живыми и здоровыми на захваченной лодье. Теперь самое время отдать проигранную в поединке жизнь.

Дождавшись, когда огненные стрелы подожгут соломенную крышу у дома старосты, Терлей немного выждал и поднялся навстречу врагу, засевшему в окруженной усадьбе. Тяжело передвигая ноги, он метнулся, как раненая черепаха, через всю улицу, освещенную разгорающимся на крыше пламенем, перевалился за плетень и заполз за приземистую бревенчатую баню.

Собственно говоря, он не знал, что это за зверь такой, но воевода объяснил, что это сильный и очень быстрый хищник, поэтому такой воин, как Терлей, должен соответствовать этому названию. Вот только вторая кольчуга, толстый длинный халат и нелепая бармица на лицо, которые силком на него напялили и которые сидели на нем, как на чучеле, не давали соответствовать столь грозному и стремительному зверю, поэтому воевода добавил, что пусть черепаха будет раненой.

Однако лишняя защита не помешала и от хлестких ударов стрел спасала очень даже неплохо. Впиваясь в центр скрученного из проволоки кольчужного колечка, стрела тратила свою энергию, чтобы расширить эту спиральку, и проходила внутрь всего на палец-другой, а уж при наличии дополнительного доспеха воин превращался в настоящую ходячую крепость.

Правда, на глиняных ногах, но тут уж Терлею приходилось прилагать все свои усилия, чтобы быстрее их переставлять.

«Хорошо все-таки, что поддел длинный халат, – рассуждал он, передвигаясь ползком вдоль сруба. – А то попадет срезнем ниже кольчужки и останешься без ноги... Так, теперь надо немного высунуться и прокричать то, чему научил его воевода... Хм, вроде перепутал местами, но яростные крики и град стрел в край бревенчатой стены говорят о том, что это не сильно важно, так что можно еще разок попробовать... И еще...

Ох, не приврал ради красного словца Пычей, сказывая нам про гнев Инмаров, да я и сам один раз слышал его... – подумалось вздрогнувшему Терлею после громовых раскатов с противоположной стороны усадьбы. – Как будто лупит кто огромным молотом по земле. Раз за разом, без перерыва... Надо и мне подниматься, негоже без поверженного врага остаться в такой битве».

Выскочив из-за бани, Терлей с разбегу упал на спину тщедушного буртасца, кружащегося с саблей вокруг воеводы, который почему-то отмахивался от вражеского воина оружием Инмара и даже не пытался достать меч из ножен.

– Ох! Для меня ворога оставил... благодарствую тебе, воевода, – прокричал Терлей, осознавая, что тот его не поймет.

Одновременно он забирался руками под бармицу буртасца, пытаясь ножом нащупать шею слабо барахтающегося под ним воина. Когда Терлей поднял голову и приподнялся, вытирая полый халата чужую кровь со своего лица, то увидел лишь лежащие во дворе тела и двух своих сородичей, методично прохаживающихся между ними и добывающих буртасов, подающих признаки жизни.

Инмаров гром гремел уже за тыном.

* * *

– Значит, ничего не делали, рук не распускали, баб не трогали, невинные как овечки? А шли за компанию, мир посмотреть да себя показать, так? Ага. Может, наградить вас золотом да камнями, оружием парадным или вовсе девицу подарить? Нет? Точно не надо? Алтыш, ты все правильно перевел? Как-то странно они отказываются от подарков, того гляди головы открутятся. Ладно, с вами двоими все ясно, уводи их, Пычей... Да нет, в воду связанными бросать или другим каким способом кончать их пока не надо, послужат еще... может быть. На весла пока посади, привяжи только да поглядывай в их сторону.

Иван поудобнее устроился на тюфячке, который еще никто за занятостью не пытался распаковывать.

– Ну а ты, мил друг, что молчишь, язык проглотил? Вон как твои дружки распелись. Может, ты поддержишь их и станцуешь? Да переводы ты ему все дословно – его дело, поймет он или нет...

Обращался Иван через Алтыша к буртасу, который за пятнадцать минут импровизированного допроса на лодье, ходко шедшей в сторону веси, не вымолвил ни слова.

Только ухмылялся, зажимая расквашенное обухом топора ухо, да посмеивался над своими говорливыми соратниками, вызывая этим даже некоторое уважение.

Те, как объяснил пленный десятник, профессиональными воинами не были, хоть и имели плохонькие кожаные доспехи. Так, подай-принеси, сготовь-подремонтируй, парус поставь-убери, в общем, матросы-разнорабочие, как окрестил их Иван. Даже воинской доли в добыче у них не было.

А вот рядом, ухмыляясь, сидела важная птица, да такая интересная, по словам Алтыша, что отяцкий воевода оставил его на сладкое. Хотя какое там сладкое – почти одна горечь осталась: столько просчетов, столько потерь...

Начиналось все вроде хорошо, лодья была взята безукоризненно, но вот потом... Нарвались на засаду – раз.

Ратники из отяков и охотников получились, прямо скажем, никакие. Это два.

Когда начали засыпать стрелами выбегающих из горящего дома буртасов, то было еще ничего, да и Терлей хорошо помог в обнаружении позиций лучников во дворе усадьбы. Но вместо дальнейшей стрельбы по освещенному пятачку разгоряченные головы попытались вступить с буртасами в прямую сшибку, и это чуть не привело к поражению.

Пришлось ему вступить в дело со своим ружьем, иначе бы дело не закончилось двумя трупами и тремя ранеными с их стороны.

Да и сам тоже хорошо: вылетел с разряженным ружьем прямо на одного из вражеских ратников. Тот был хоть и ранен, но резать его вполне мог бы успеть. Спасибо Терлею.

Из-за этой несвоевременной сшибки часть буртасов сумела прорваться к тыну и перемахнуть через него. Прямо на выставленную засаду... Но! И тут его вина полностью. Под номером три.

У неодошедших отяцких охотников почти не оказалось каленых стрел. Переяславцы не догадались, да что греха таить, и не захотели бы без прямого приказа ими поделиться. А тем малым количеством, которое у них имелось, отяки положили только трех убегающих воинов. А сами получили двух раненых.

В итоге трое или четверо буртасов сумели удрать в сторону реки, а там увели одну из брошенных лодок... И тут ведь не проследил, чтобы заранее их попрыгать! И ушли...

Хорошо, что лодья в этот момент перегораживала путь наверх, и те уплыли вниз по течению под градом стрел с судна. В темноте такой обстрел, скорее всего, ни к чему не привел, однако, судя по скорости, с которой буртасы улепетывали, останавливаться и идти вверх к своим они не собирались.

В любом случае через полчаса должен был наступить рассвет, и отяцко-переяславскому воинству надо было выдвигаться по реке, так что дойти до веси по берегу сбежавшие вряд ли вовремя успеют...

Да, все оказалось не так, как с засадой в лесу...

Хотя, может, и не стоит наговаривать на себя и других? С задачей справились, а пять убитых и шесть раненых... ох, не шесть, еще на изгороди пару человек зацепило, значит, восемь... Так вот, как можно сравнивать такие небольшие потери со своей стороны и то, что буртасы потеряли почти три десятка убитыми?

Тридцать воинов мы положили, а не хухры-мухры! Так что может оказаться, что нам в очередной раз повезло. Заодно и свой численный состав скомпенсировали вступившими в рать полоненными сородичами Пычея. Те просто горели желанием скорее покончить с остальным вражеским воинством.

Сборы были очень недолгими, и лодья в сопровождении однодеревки с рассветом отправилась вверх по реке.

С полной загрузкой.

Пять с половиной десятков человек в боевом облачении готовились на судне к решающему бою, оставив раненых и убитых на попечение баб и нескольких мужей, выделенных им для охраны. Пятьдесят пять человек, полностью пропесоченных всеми матерными словами, которые Иван только вспомнил.

Правда, для большинства все прошло в переводе Пычея, что несколько ослабило воздействие. Да и переяславцы, пожалуй, поняли далеко не все. Но, посмотрев в разъяренное лицо воеводы, все осознали, что без приказа соваться куда не следует – категорически воспрещается. Ну, или сделали вид, что осознали...

«Вот только что теперь делать по приходе в весь? – размышлял Иван, не глядя на допрашиваемого и переводчика. – Судя по всему, придется таранить оба судна, стоящих довольно

близко. Иначе прорвутся буртасы и утекут, чего не следует допускать ни в коем разе. Те трое-четверо, что сбежали, еще сослужат хорошую службу: ими потом можно поугаать отяков для большей консолидации... А вот остальных буртасцев надо добивать, а сотника особо. Иначе он может привести еще одну, более сильную рать, от которой уже не отбиться...

– Скажи, Ишей, – прервал затянувшееся молчание воевода. – О чем твоя самая заветная мечта? Чего ты хочешь? Неужели сладких женщин, много золота и вина, как остальные твои земляки? Ох, нет, вино Аллах запрещает вкушать... Тогда перебродивший кумыс или крепкий мед?

– Он сказал, что тебе этого не понять, – закашлялся Алтыш, видимо, упустив некоторые подробности перевода.

– Скажи ему, что я запомнил некоторые слова, которые ты мне как-то говорил. В том числе и выражение «вонючая собака», – засмеялся Иван.

На лице Ишея после смеха воеводы проступила смесь удивления и какой-то обреченности, и он спросил на чистом древнерусском языке, в котором лишь одни переяславцы могли бы уловить легкий акцент:

– Тщетно ты речи свои на меня тратишь. Что те до помыслов моих? В бою ты меня зяяти – так не медли, пускай под нож али выкуп требуй. Токмо не будет тебе выкупа от родичей моих. Один я яко перст. Злата у меня нет, и не нужен я никому на этом белом свете... Лучше скажи, отчего ты слова мои, коими поношу тебя, сносишь без гнева и смеешься над ними?

– От... куда ни плюнь, всяк русский язык разумеет, – в сердцах махнул рукой воевода. – Только я один, похоже, хуже всех на нем говорю...

– Отличие есть в том, как речи ты ведешь, но не удивлен я, – качнул головой Ишей. – Всякое племя славянское на свой лад глаголет, но понимают они друг друга. Пойму тебя и я.

– Ну что ж, давай тогда отпустим нашего толмача, – кивнул на Алтыша Иван. – Иди пока, десятник, поработай на весле... А что, у вас многие ратники понимают язык наш?

– Нет, воевода, токмо десятник, родич его малость да я. Более нет никого. Я много языков знаю, Идель как свои пять перстов изучил, Чулман вдоль и поперек исходил, на Днепре многожды бывал. Даже в Царьград меня заносила судьбинушка. Так что тебе до того, о чем мечтаю я?

– Предложить тебе хочу я то, что может тебя заинтересовать. Сказал мне десятник, что не простой ты человек, грабить ты не грабишь, девок не сильничаешь... Сидишь себе тихо на лодье, однако воинская доля в добыче у тебя двойная. С чего бы?

– За знания мои, за то, как с лодьей управляюсь, про языки я тебе сказывал, а этим из многих бед могу вызволить... Токмо не мысли, что я такой тихий, многое было в жизни моей и худого, и доброго.

– Все мы не без греха, малого или большого. Не знаю, как начать... ты не подумай, что купить тебя хочу, ты мне не для службы какой нужен... а весь, целиком, с потрохами. Чтобы мои цели твоими стали, а уж перейдут ли твои мечты ко мне, это лишь от тебя зависеть будет. А на твое возможное «нет» отвечу так. Отпущу я тебя через пару-тройку месяцев, как твоих всех побьем. Живым и здоровым. Даже доставлю куда-нибудь в людное место. Оправдывайся потом сам перед своими, что ты тут так долго делал и почему выжил, когда в плен попал. Может, и впрямь был молодцом, а может, и других сдал... Да-да. Вот те и «хмы». Ну да ладно, начну сначала. Вот смотри... – Иван развернул заранее заготовленный лист бересты и быстро стал чертить на нем контуры рек, морей и проговаривать вслух то, что наносил на карту: – Вот Волга, Итиль или Идель по-вашему. Вон та маленькая загогулина Ветлугой будет, а мы на ней вот тут находимся. Вот Идель впадает в Каспийское море – не знаю, как вы его кличите...

– Хвалиское али Хазарское...

– Ага, через горы Черное море, оно же Русское, вот примерно так, Днепр туточки...

Рука Ивана неровно пририсовала Крымский полуостров и несколько рек, впадающих в море.

– Греки его Понтом Эвксинским прозывают али просто морем...

Первые пять минут Ишей поправлял некоторые линии и подсказывал Ивану, как называется то или другое место на карте, а потом только слушал с горящими глазами, не сводя глаз с бересты.

Моря и океаны, красочно описываемые воеводой, вставали перед ним как живые, огромные хребты заслоняли своими вершинами небосвод, и невиданные звери поднимали хоботы и бивни, трубя в прозрачное небо далекой Африки. Могучие носороги и гривастые львы, черные белые полосатые зебры и стада антилоп.

Когда были упомянуты двугорбые верблюды, то оказалось, что они для Ишея что лошади. Он на них часто катался в детстве, поэтому такой штрих только придал правдивости рассказу. А стоило воеводе упомянуть безбрежные стада бизонов, показав место на карте, где они пасутся, Ишей не сдержался и стал, глотая слова, пересказывать свою историю про неведомую землю.

– Один нурман мне сказывал, как они плавали далече на закат от Оловянных островов, что страной англов ныне прозывают. Нашли они там землю безбрежную, всю лесом поросшую. Может, она и есть Омерика твоя, где быки бесчисленные бродят окрест тех лесных просторов?

– Угу, она и есть, прерии... ну степи, где бизоны бродят, расположены на полудень и вглубь от тех мест... А теперь я тебе нарисую корабли, на которых можно путешествовать по океану, – продолжил Иван. – На лодьях тоже можно, конечно, но хорошо, если доплывет каждая пятая, остальные на дно пойдут... Только знаешь что, Ишей... Я по-честному тебе скажу, что не знаю, смогут ли пересечь эти безбрежные воды наши дети и внуки, не говоря уже о нас самих...

– Откуда тогда все эти познания твои? Кто плавал туда?

– Гхм... меня учили всему этому, только ни учителей, ни кораблей тех больше нет. А я хочу, чтобы мои знания не пропали, так что смотри, может быть, мы с тобой и сможем когда-нибудь что-нибудь... Тьфу! – запутался воевода. – Сможем, Ишей, должны смочь... Что, интересно стало? Да уж, это тебе не бедных весян грабить...

Глава 14

Освобождение

– Дващи тебе буду сказывать, и трижды, ежели нужда будет. Токмо тогда согласие тебе дам, егда обещание дашь, что всякого, кто меч али лук наземь бросит, пощадишь и резать не станешь. И лодьи не дам калечить. Нету моего согласия на то. Это ж... – Ишей даже слов не мог сразу найти от возмущения. – Это как дитю родному по длани топором...

– Так дал я тебе уже слово про те лодьи. Однако получится у нас их сохранить только в том случае, если ты между ними сумеешь вклиниться. Тогда мои ратники смогут сразу пере-скочить на оба судна и разом их захватить. А вот если существует вероятность, э... шанс... нет, опять не то. Если ты на сто процентов... а, черт! Совсем по-русски разучился говорить... В общем, если ты не уверен, что сможешь это сделать, то мы для избежания всякого риска просто на скорости прошибем их борта. Тогда они точно не уйдут далеко! – в очередной раз объяс-нил свою позицию Иван. – А вот насчет воев ничего пообещать не могу. Команды резать их я давать не буду, но если отяки их начнут до последнего бить, то под меч не полезу. Сам посуди, они же разбой учинять на нашу землю пришли, а с татями как у тебя в отечестве поступают?

– Знамо как...

– А отяков они ведь не только пограбили... Жизни многих лишили, да и баб их ссильни-чали. Вот то-то же, – добавил он, видя, что Ишей кивнул, примиряясь с неизбежным. – Уж не спрашиваю, как к ним тебя занесло, но... В общем, попробую я тебя отстоять перед обществом, долю свою возьму тобой, например, и будешь ты вольной птицей через некоторое время. А подельников твоих похолопят, скорее всего, уж не обессудь. Да им, похоже, все равно, лишь бы выжить хоть как-то. Ладно, пора нам готовиться, вставай на руль, а я пойду еще раз расскажу всем, что и как делать.

Ишей кивнул и Иван добавил.

– И еще... ты не обессудь, но за тобой присматривать будут. И товарищей твоих порежут, если попытаешься что-то сотворить... Да не делай ты такого лица, верю я тебе, и Алтыш сказал, что роту ты не давал сотнику на верность, уж не знаю почему. Кроме того, поведал он, что не бургас ты, а просто живешь среди них... Но я даже малейшего небрежения или ошибки допускать не хочу, потому как это в такую кровь выльется... Задавим, конечно, но умоемся...

* * *

Ибраим моргнул, и рука в окольчуженном рукаве инстинктивно дернулась, чтобы протереть глаза. Но не дошла до цели, замерев на полпути, потому как разум в эту секунду не был способен управлять телом, перерабатывая хлынувший поток данных и заставив все остальные части замереть от ужаса.

Небеса обрушились на землю, и мир, казавшийся незыблемым еще минуту назад, сошел с ума и перевернулся с ног на голову.

Его вои начали уничтожать друг друга.

Чуть ниже по склону, саженьях в сорока от него, ворвавшаяся на речной берег ладья неожиданно вспухла виноградной кистью шеломов, которая тут же разлетелась отдельными ягодами, покрывшими соседние суда и прибрежный песок.

Его же воины в стеганых халатах, блестящих на солнце кольчугах с лисьими хвостами, болтающимися за спиной, выстраивались перед лодьями, наклоняя вперед массивные рога-тины.

Его же вой уничтожали своих собратьев, занимавшихся на стоявших почти борт о борт судах повседневными делами.

Вот и Ишей держится за рулевое весло, недвижим и спокоен, будто ничего не происходит... Или не он? Солнце, проклятое солнце светит прямо в глаза!

Нет! Чужие, искаженные ненавистью лица!

И тут же яростный вой из глотки сотника смел наваждение, а руки заученным движением надели шелом на голову и привычно дернули ремешок застежки. Сабля сама вылетела из ножен, тело прикрывшись щитом, секунду назад прислоненным около шатра, а ноги сдвинулись с места, и он стремглав побежал к воинам, толпой застывшим около походных шатров.

Командный рев быстро образумил опешивших воев, и через мгновение ряд щитов уже перегородил дорогу наверх. Колесница времени пронесется еще немного, и передняя шеренга встанет на колено, а десяток лучников, выстраивающихся позади и уже почти наложивших на тетивы стрелы, отпустят их в гибельный полет слитным хлопком. Но...

Но они не успевают, и двое ратников падают замертво, а один с воем катается по песку, зажимая руками лицо, щиты же остальных покрываются густым перелеском оперений.

В шлем сотника тоже звучно попадает и ломается стрела, наполняя голову мякиной и протяжным гулом. Ибраим мотает головой, и картинка боя, дрогнувшая было на мгновение, становится на место. Ничего, было и хуже...

Еще один боец падает рядом, теперь приходится и самому встать на колено рядом с ратниками. Наконец слитный выстрел и отдаленные вскрики боли. И через несколько мгновений еще один хлопок позади: все-таки выучку чужих воинов не сравнить с его лучниками. И опять отдаленные крики, теперь уже ярости. Но тут их накрывает следующий вражеский залп, и сотник чувствует, как позади него падают на землю тела...

«О, Аллах! Великий и милосердный! За что ты обрушил на меня такое испытание? Вперед? Нет, не пройти через рогатины, и даже если прорубиться, то лодью сдвинуть не дадут, да и на весла некого будет сажать. А-а-а! Вот вам и досталось!»

Это прицельная стрельба справа, с вершины холма, где засели пятеро его стрелков, прежде обстреливающих весь, заставил дрогнуть ряды чужих копейщиков.

«Да уж, с двумя самострелами, что у них есть, они смогут пробить доспех даже на таком расстоянии. Но слишком много чужаков, слишком, а взводить самострелы не быстро... Отступаем! Отступаем, шаг за шагом, в сторону заводи, где были найдены русинские насады. Так, теперь прикроемся небольшим перегибом речного обрыва, спускающегося почти к самой воде, и отдохнем от непрерывного ливня стрел...»

– Чего вы там ждете, на взгорке! Отступаем! И по пути опустошайте свои колчаны! Не дайте им высунуться!

Дикий рев сотника заставляет лучников с холма сдвинуться с места. И со стороны опушки тоже бегут стоявшие там дозоры.

«Слава Аллаху, их там немного, этой ночью все силы были подтянуты в лагерь. Иначе бы не сдержали первого предательского натиска... О, каким коварным оказался враг! Презрел все воинские обычаи и вероломно напал исподтишка, прикинувшись своими. Нет, мы прорвемся! Один из найденных насадов уже должен быть на воде, если вчера точно исполнили его приказ и подготовили тот к спуску... О, великий Аллах! Туда можно было загрузить столько всего! Но... но не ко времени ты вспомнил об этом, сотник! Прорваться, грызть зубами вылезающего на склон врага...»

Яростный клич вырвался из его горла, и стремительный бросок змеи совершила пятерка его ратников, ринувшихся вслед за ним на появившихся из-за обрыва воинов.

«Скинули их – и назад, назад, отступаем, все почти собрались... Еще немного – и рывком уйдем в подлесок...»

– А-а-а! – Боль пронзила его чуть выше колена подобно раскаленной игле, вонзившейся в обнаженное мясо. Нога подломилась, и сотник рухнул на землю. Его сразу подхватили под руки и потащили в сторону заводи... И только одна мысль сверлила через вспышки боли. Почему сзади? Почему стрела попала со стороны спины? И когда он это понял, тоскливый вой обреченного волка поднялся над старой пажитью, затихнув в синеве неба.

* * *

Отяцкий воевода бессильно посмотрел за борт, сунул окровавленную кисть в кольчужную перчатку и невразумительно прорычал, вытаскивая саблю из ножен и спрыгивая на песок.

– Испугали ежа голой задницей!

Удовлетворившись увиденным, Антип повернулся обратно лицом к берегу, вытаскивая из тула очередную стрелу.

Воевода прыгнул на соседнюю ладью одним из первых, лихо размахивая деревянным концом своего «грома Инмара», отчего пара буртасцев уже лежала с разбитыми головами на дне лоды. Последовавший после этого первый вражеский залп выбил из строя копейщиков трех человек. Их сразу втащили за линию щитов, надеясь на лучшее. Однако второй, не вызвав такого опустошения, выбил святое из рук воеводы, так и не дав ему произвести ни одного раската грома.

Признаться, Антип подумал, что это может вызвать горькое разочарование отяков, но услышал от них только вопль ярости, да и воевода сразу выскочил вперед, прикрываясь скинутым с левого плеча щитом. И вовремя, потому что сразу две толстые стрелы пробили толстую древесину недалеко от руки и уткнулись в кольчугу, откинув воеводу на стоящих сзади воинов.

«Слава те, Господи, с Иваном худого не допустил», – успел подумать Антип, краем глаза оглядывая буртасских стрельцов, засевших на вершине холма, и оценивая, добросит ли стрелу до них.

Однако пришлось разочарованно отвернуться и вновь сосредоточить свое внимание на основной вражеской группе. Тем более что рядом выпали из строя двое ратников, показывая: чужие вои еще ой, как опасны.

Так опасен подстреленный хищник, который в последнем порыве отказывается от спасительных кустов и бросается прямо на охотника, стараясь добраться до его горла клыками, раздирая в клочья его одежду и полосую когтями его тело.

Однако без малого четыре десятка лучников, засевших за бортами лодей и за спинами ратников с рогатинами, все-таки делали свое дело, выбивая воев из неспешно отступающей под прикрытием щитов и иногда огрызающейся толпы буртасов.

Первую попытку взобраться на обрыв те отбили, опрокинув ринувшихся туда копейщиков, но потом сразу слаженно отступили, пытаясь уйти через старую пажить в лес. Однако спустя несколько секунд ряд отяков с копьями уже прочно закрепился на обрыве, встав на одно колено, а вылезшие за ними стрельцы начали слитно, повинаясь командам воеводы, давать один залп за другим в сторону противника.

Вот тех уже менее полутора десятков, вот еще один выпал из строя, держась за древко пробившей маску стрелы, вот сотник буртасов неожиданно споткнулся, и его подхватили на руки, прикрыв щитами. Отяки с рогатинами попытались было приблизиться, чтобы взять на копье оставшихся, и уже начали подниматься с колен, но тут же были остановлены криком воеводы, не двинувшегося с места и приказавшего остальным тоже не дергаться.

Чего им не надо было делать, копейщики не поняли, но послушно вернулись обратно.

И тут же вопль радости прозвучал из их рядов: ратники увидели, что позади буртасов уже выстраивается небольшой ряд переяславских щитов и поток стрел со спины выкашивает остатки вражеских воев, не успевших отойти до заветного подлеска. Еще немного, еще чуть

– и сомнут, выбьют, задавят, заставят сложить мечи и луки... Нет, не заставят... Даже когда число буртасов сильно поредело, вои не стали бросать оружия и ждать, что их помилуют, взяв в полон и отдав потом за выкуп.

Они отстреливались до конца, закрыв телами своего уже мертвого сотника.

Пятеро... Двое... Один... Все.

Стрельба со стороны переяславцев прекращается. Но не со стороны отяков, продолжающих лупить калеными стрелами по груде вздрагивающих тел. И только после надрывного окрика своего воеводы они нехотя начинают опускать луки, садиться на землю...

Кто-то сразу склоняется над ранеными, бежит обратно к лодьям.

Воевода убирает в ножны так и не пригладившуюся саблю и устало подходит к Пычею.

– Уф... обошлось. Пошли кого-нибудь посмотреть раненых, ну и... доспехи там собрать, охрану у лодей выставить... Сына не видел еще?

– Вон он, у костров повязанный лежит. Младшенький уже к нему побежал... А остальное все сполним, не сумлевайся, уже привычно становится это нам. Сей миг порядок наведу... – бросил староста, начиная обходить воев и приглядываясь, кого можно занять делом.

– Да, вои изрядные, – пробормотал Иван, поглядывая на Антипа. – Что скажешь?

– Истинно воями воспитывались, уже потом в тати подались, – ответил охотник, переводя дух и разминая пальцы, затекшие после напряженной стрельбы. – А уж мастерство воинское – не нам чета, числом лишь их задавили.

– Ну что, пойдем с нашим десятником потолкуем, – потянул отяцкий воевода охотника за собой. – А то мнутя, словно барышни, сами не идут.

– Погодь, Иван, глянь на тын... – Палец Антипа был вытянут по направлению к веси. – Что-то нечисто там, черненная холстина на жерди болтается, да и вои наши в весь возвертаются, будто и нет нас тут.

– Да, дела. Догнать, что ли... Нет, постой-ка тут, а я к тыну сбегая, со Славой поговорю, если уж другие не хотят общаться. А вы пока тут разбирайтесь вместе с отяками, за лодьями посмотрите... неровен час, очухается там кто. Да и сами они могут повести себя э... как чужие, одним словом. В общем, сохраняй братские отношения... И вот еще что... – Иван наклонился к самому уху охотника и что-то тихо ему прошептал. – Понятно?

– Не ведаю, пошто те это надобно, но раздор от этого великий может начаться... – засомневался Антип.

– На меня все вали, если что, – ответил отяцкий воевода.

Потом, содрав шлем, поворошил вспотевшие волосы и отправился вслед за уходящей гуськом в весь ратью.

* * *

Иван все-таки дождался Вячеслава, проведя минут сорок под воротами. Всё стало ясно с самой первой секунды, когда с вышки ему крикнули, что в веси мор и ближе подходить не надо. Теперь они сидели на краю яруги и коротко рассказывали друг другу о произошедших событиях. Вячеслав держал на руках кутенка, опрокинувшегося на спину и разомлевшего от поглаживаний.

– Вот прибился, когда к тебе шел, поиграть-то не с кем... Народу в веси почти нет, мужики еле успевают за скотиной ухаживать после смены на изгороди...

– Так что дальше было?

– Так вот, с уксусом я прибежал, а он уже отходит. Первая и единственная смерть... тьфу три раза через левое плечо, – действительно поплевал в сторону Вячеслав и продолжил: – У остальных, кто показался мне сильно горячим, вроде бы сбили температуру, да еще отваром липы дополнительно напоили. Без градусника как тут определишь, сколько у него... Только

с опытом разве такие ощущения придут. Слава богу, это вроде не чума и не холера, иначе можно было бы просто лечь и молча помирать. И те, что у меня... это самые тяжелые, хотя недавно еще пятерых принесли, да... Я прошелся сейчас, поспрашивал... Остальные либо на ногах переносят, либо иммунитет высокий, не берет их. Но кашляют многие.

– Так что это было? – поинтересовался Иван.

– Не знаю, вирусное что-то – может, грипп, может, еще что. В общем, повезло нам, что вирус этот мы ослабленный притащили. Хотя... может, он первый такой вылез, а потом еще что-нибудь будет. Не дай бог, конечно.

– Ты думаешь, это мы?

– Скорее всего... С буртасами весяне не общались, да и симптомы почти сразу по их приходе проявились, инкубационный период обычно несколько дольше... Скорее, все-таки мы: я-то не заразился, и ты тоже вроде ничего.

– Надеюсь, ты не стал объяснять, откуда все взялось? – печально ухмыльнулся Иван.

– За кого ты меня держишь? – недоверчиво посмотрел Вячеслав. – Я себе и детям не враг. Вот теперь думаю, идти раны отякам лечить или как? Сумку с лекарствами и туесок с отваром ромашки с собой принес на всякий случай, но вдруг это я носитель?

– Иди, иди, а вдруг это я или дети те же... Негоже без помощи их оставлять. Иди прямо сейчас, по горячим следам, пока они там не напортачили чего сами. Раненых очень много. Кстати, карантин снимать будешь?

– Нет пока, если все распространится в итоге, то пусть не такими темпами. Но с десятником поговори, если хочешь, он рвался все...

– Угу, чуть позже. А с флагом это ты придумал? – Иван бросил взгляд на колышущуюся по ветру черную холстину.

– Ну... как я? Сказал, чтобы тряпку какую повесили. Откуда я знаю, что они тут вывешивают, если мор пришел? Может, крест какой-нибудь перед воротами надо ставить, да только разве можно было выйти? Господа буртасы! Извольте подождать, пока мы тут знак морового поветрия вывесим! Короче, прибежали ко мне, спросили: что за тряпка нужна? Я сказал, что поярче не мешало бы. Рубаха красная у десятника была, так они побоялись спросить, вычернили углем холстину да повесили...

– Да ничего получилось, черный флаг как знак беды, еще бы череп и кости нарисовать... – улыбнулся Иван.

– Тьфу на тебя, все бы тебе хиханьки да хаханьки. Пойду я отяков лечить. – Вячеслав поднялся и подхватил сумку. – И так минут десять с тобой потерял...

Иван поднялся вслед за ним.

– Первую помощь им как раз оказывают, я еще в нижней деревне их учил воду кипятить и раны промывать ромашкой, как ты уже делал с Антипом. А насчет хиханьки – так это у меня отходняк такой начинается, вот посмотришь, что дальше будет... Кстати, ты с ранеными справишься или помощь моя нужна? Там резаных ран должно быть много, и стрел засевших тоже...

– Была уже практика, не бойсь. У тебя, кстати, что с рукой? Пойдем, заодно промою. Заражение крови, знаешь, тут вещь неизлечимая...

– Пойдем, – согласился Иван. – Я заодно тебя отякам представлю, чтобы у них сомнений про твои навыки не возникало... А рука – так это стрелой так всадило в приклад, что аж ружье выронил за борт, да и кисть чуть порезало отскоком. Теперь нырять за ним... Да, Слав, мне вот только что в голову пришло... а в лесном лагере тоже может быть куча болящих?

– Угу. Туда после твоих раненых и отправимся. Здесь Радимир вместо меня справится, я ему показал, как надо ухаживать и отвары делать. По моим мыслям, он тут голова многому, такой себе серый кардинал. Кстати, он даже учился, кажется, где-то. На всякий случай будь осторожнее с ним, я что-то не пойму, в каком он тут качестве...

– Разберемся... а на железное болото, как мы лагерь прозвали, я сейчас охотника какого-нить отправлю, принесет им вести да узнает, как дела...

– А я уж и забыл, что ты тут начальником стал, – засмеялся Вячеслав. – Только пусть никуда из леса не уходят – вдруг там другое что... Минус на минус может принести и очень жирный минус.

– Ну, начальству моему скоро конец, я только в походе главой был. – Иван оглянулся. – Смотри, куенок так за тобой и чешет, вон как уши болтаются...

– Да, обживаемся, – вздохнул полной грудью Вячеслав. – Ты вон к отякам привязался, а я к щенку. Две недели тут, а уже как будто бы и сроднились с этим местом.

Широкая тропинка вела нашедших свое дело людей все дальше от веси. Сзади пылил, отвлекаясь на прыжки за стрекозами и большими полосатыми шмелями, серый щенок с загнутым кренделем хвостом, а вокруг одуряюще пахло цветущим разнотравьем и хотелось просто вдыхать этот ароматный воздух и жить...

Жить на такой благодатной, живописной и мирной земле.

* * *

– Здрав будь, Иван, сын Михайлов, – глухо донеслось до Ивана, когда переяславский десятник присел рядом на бревно, лежавшее около ворот веси, положи длинный, весомый сверток рядом с собой. – Не страшишься столь близко к тыну подходить? Мор – он никого стороной не обходит...

– И тебе здравствовать, Трофим Игнатьич, – ответил, наклонив голову, воевода отяцкий. – Не так он страшен оказался, как мнилось поначалу. Вячеслав сказывал, что с божьей помощью малыми потерями пока обходимся, хотя и не обещал, что этим закончится. Главное, повязку не снимай и меняй почаще, а снятые кипяти... Тогда важные дела можно и порешать, выйдя из веси.

– С божьей помощью, надо же... Лекарь, в избу входя, на икону и глазом не ведет. Речи уж нет о том, абы он поклон в красный угол положил али крестным знаменiem себя осенил... Но деяния его богоугодные, и себя не жалеет – то верно.

– Не обессудь, Трофим Игнатьич, хоть и православные мы, но дело сие в нашем отечестве в запустении было. Не знаю, вернется ли к нам почитание веры Христовой в полной мере, но старания наши приложим... А ты, гляжу, тоже уважение ко мне высказываешь, по имени-отчеству величаешь?

– Так заслужил, Иван Михайлович, заслужил. Сказывать про свершение – то дело одно, а вот исполнить сие – то совсем другое... Вот, прими от меня подарок. – Трофим откинул край холста и обнажил рукоять меча и часть ножен, покрытых затейливым узором. Однако доставать не стал и, запахнув тряпку обратно, передал сверток собеседнику. – Как подарок для сына держал я меч сей с давних пор... Да не судьба, видно, пусть тебе послужит. Славословить более не буду, почестей себе еще наслушаешься...

– Спасибо... Спаси тебя Бог, Трофим, такому подарку от самого сердца цены нет, хоть и не разглядел я сам меч.

– Потом глянешь, не рассыплется он до того времени... Сабля хороша, абы бездоспешного разить али кого в легких доспехах, а без меча того, кто добрую бронь дощатую взденет, не побьешь.

– Вот на учении со Сварой и опробую сей меч... Чего смеешься? – Иван удивленно взирал на пытающегося сдерживаться от приступа смеха Трофима.

Тот поначалу даже закусил ус и прикрыл ладонью глаза. Но все-таки справился и ответил:

– Ты только Сваре об этом не сказывай, ему ты с деревяшкой гонять и гонять... Да и жалость во мне к его мечу, ежели с этим скрестит, хоть и добрый он у него. Пусть его, оставь...

Я вот про что молвить хотел... Ужо час будет, как Антип подбегал к изгороди, издали вешал нам о ваших свершениях. Баял он мне, что стал ты воеводой у отяков, за собой их и охотничков наших вел и множество славных побед одержал... Да то я и сам видел. Как ныне тебя прозывать – воеводой ли?

– Не смеши честной народ, Трофим Игнатьич. Был я походным воеводой, да скоро весь выйду... Если не изменится ничего. Да и тебя вроде тоже воеводой можно звать? Не десятником же по старинке?

– И то верно... Невмочно стало без воеводы, кликнул после дел сих. Токмо вопрос – не тебя ли? Ежели был бы ты своим перед набегом бургасским, то и выкрикнули бы, и я, быть может, не противился. Но ты не вой... в нашем понимании, хотя это и поправимо. А своим... своим ты стал благодаря деяниям, свершенным тобой и окружением твоим, но... зело еще непонятны мысли ваши людишкам, хотя и приводят они к победам.

– Путано ты говоришь, воевода, но понял я тебя... Сразу хочу ответить, что за властью я не гонюсь и дорогу тебе в воеводском деле переходить не собираюсь. Хоть кем назначь, приму ту ношу... Однако мысли насчет будущего я себе тоже задавал... И место себе определил, если ты не против будешь. Вот скажи, как ты видишь нашу жизнь дальнейшую с отяками? Как бы добычей ты распорядился, если воля в этом твоя была?

– Хм-м... благодарствую тебе на таком твоём слове, а то сумления у меня были на твой счет, не начнешь ли раздор сеять в веси... До власти многие жадные, да не все поймут, что она не токмо почет и уважение, но и ответ за все, что под нею творится... А добыча... добыча как заведено. Каждому доля выделяется, а кому и две... Тебе так и пять, и десять выделить община может. И с отяками тож... А жить? Жить мирно будем, как прежде жили. Пычей за вину свою полной мерой расплатился, рать помог тебе привести – так я мыслю?

– Охо-хо. Так... А ты бы поглядел вдаль, воевода... Не на то, что ты провидишь ныне, а на то, что бы ты хотел увидеть. А уж после вместе подумаем, что с этим делать, а?

– Гхм... Желания мои тебе потребны? Они простые. Силу бы ту сохранить общую, что у нас с отяками народилась, не то беда придет, а мы опять в раздрыге...

– Вот! Вот и я про то же, воевода. А не доверишь ли ты мне сие деяние возглавить, а?

– Допрежь надобно сих кметей в одно целое совместить. Аще по силам тебе такое, то принимай сие дело под себя, и я те буду в этом опорой.

– Так пойдем ковать, пока горячо, Трофим Игнатьич, – ухмыльнулся в отросшие за две недели усы Иван. – Пока у меня отходняк не прошел... Что такое? Как бы это сказать... как начну что-то делать – не могу остановиться.

* * *

– Вот стоят с вами, воинами доблестными, два воеводы – один ваш походный, другой переяславский – и понять не могут, из-за чего весь сыр-бор? – прокашлявшись, начал Иван, перебивая общий гул, царящий на краю пажити. – Я говорю, из-за чего шум и раздрыга? Чего не поделили столь славные воины, что необходимо стало наше вмешательство?

Пычей оглядел отяцкое воинство, расположившееся на обрыве напротив людей, перекинул недовольный взгляд на переяславских охотников, вольготно расположившихся рядом, и, что-то для себя решив, вышел вперед, отвесив обоим воеводам низкий поклон.

– Челом вам бью, воевода переяславский, и ты... наш воевода. Премного благодарствуем мы вам от общины нашей за лекаря. Аще не его старания, не досчитались бы мы двух общинников. И других он обиходил знатно. Кхм-м... Теперь о деле... Замятня меж нами и вашими охотничками вышла, на правез их звать желание есть. Исстари повелось: кто ворога побил, тот с него все и берет. Аще другое что от ворога останется, по долям воинским расходится. Ныне

же... Антип вон прошелся допрежь нас по всем павшим бургасам и оперение всех стрел обломал, а наши охотничьи знаки там свои поставили, абы определить опосля, чья была стрела...

– Можешь не продолжать, Пычей, я это повелел, Антипа вины тут нет. В своем праве я был, поскольку воевода был ваш. С меня теперь и спрос. Так и переведи своим людям.

Спустя пару минут Пычей, пообщавшись на повышенных тонах со своими соплеменниками, ответил:

– Людишки наши спрос к тебе имеют. Пошто ты их долей хочешь лишить? Оговорюсь токмо... я к тебе никаких вопросов не имею, уговор ты наш исполнил насчет сына моего, а более мне не надобно.

– Я так и думал, Пычей. Тогда переводим им мой ответ, точнее, встречный вопрос, который я когда-то задавал тебе. – Иван встал на небольшую кочку, чтобы видеть все окружавшие его лица, и повысил голос. – Как жить далее будем друг с другом, отяки? А? От того, как вы ответите, и зависит, как делить добычу будем. Только прежде скажите себе сами: если бы не переяславские охотничьи, отбили бы вы своих жен и детей? Не слышу? Понятно, не отбили бы... А отбили бы те охотники свою весь от набега бургасского без вас? О! Уже знатно отвечаете! Так сила наша в чем? В единстве она! Поодиночке нас бы враг уничтожил, и не было бы наших селений сейчас на земле этой, а жены с детьми – холопами бы томились в полуденных странах, и общались бы с ними там хуже, чем со скотиной. Точно вам говорю, не равняйте холопство у вас или на Руси – и на полудне. Жутко там жить подневольными. Не одна баба руки на себя наложила бы в первый же год. И не оттого, что разок ссильничали бы ее. Детей там ваших малолетних так пользовали бы... Ну, да об этом после могу рассказать, коли попросит кто...

Еле слышный ропот промчался по толпе, и походный воевода повысил голос.

– Так согласны вы, что силу нашу надо единой держать? Добре, слышу, только слишком неуверенно, да и не все... Еще на это тогда скажу. Бургасов не всех мы положили. Четверо ушли. Что они скажут, вернувшись домой? Что положили их лесные охотники да оратаи? Да за теми доспехами, что прежняя рать оставила тут, еще большее войско нагрянет. В два раза поболее. Отомстить за своих родичей и вернуть все вами добытое. Что, еще сомнения есть?! То-то же!

Иван обвел руками недавнее поле боя и вновь обратился к толпе.

– А раз так, скажите, кому сии доспехи нужны будут? Войску, что на защиту нас всех станет, или тому же охотнику, у которого она в сундуке с рухлядью томиться будет? Так! Не шуметь! Тихо, я сказал! Про то речи нет, чтобы те, кто с ворогом сражались, домой ничего не принесли! Слово даю, что за доспех выкуп будет, и тот, кто кровь свою проливал, домой гол и бос не придет. И семьям побитых тоже воздадим. Только как делить будем? Кому более дадим – тому, кто стрелы лучше метал в врага, или тому, кто соседа своего в бою заслонил? Тому, кто первый поднялся на неприятеля, или тому, кто тихо дозор снял ночью? Что важнее? Э... хватит, хватит, так вы до ночи спорить будете... Меня выслушать не хотите?!

Гомон толпы нарастал, и Ивану приходилось уже кричать.

– Поделить я предлагаю всем поровну, в зависимости от того, сколь раз в битве участвовал, а тем, кто в дружине новой состоять будет... А я разве не сказал? Ну, так говорю... Чтобы силу нашу единой держать, надо общую дружину создавать да учить этих дружинников тому, как меч держать да как с врагом сражаться. С мечом воевода переяславский поможет, а как тихо скрадываться да врага обманывать, как нападение и защиту вести – этому я вас учить буду... Так вот, тем, кто в дружину вступит, доспех дадим от общин наших. Покуда службу нести будет – доспех его, ушел из рати – отдай другому. И плата тем дружинникам будет, но об этом чуть позже... Пычей, утихомирь ты их немного, я уже горло задрал горланить-то...

Так вот, абы особо славным воям было не обидно, пусть каждый десяток выберет особо отличившегося по их мнению. Того в дружине десятником поставим, если он пойдет туда, конечно. А долю ему от добычи полуторную дадим в любом случае... Согласны? Вот на их

выборах горло и подерете, а пока дальше слушайте. Лодьи тоже в распоряжении дружины будут, потому как не только на тверди защищать землю нашу надобно, но и на воде.

Теперича еще два вопроса. Гривны где брать, и кто над всем этим войском стоять будет. Если мы добычу в сундуки сложим или прогуляем, то радость наша недолгой будет. Дело свое нам нужно, что доход давать будет. Есть оно у нас. Староста ваш краем глаза видел, как народ наш обустраиваться начал на новом месте. Закладываем мы печи, что железо будут делать в большом количестве. И надеюсь на то, что неплохое оно будет. Обеспечим им и себя, и вас, если нужда есть в нем. Но для этого руда болотная нужна, и глина для плинфы, да и другой работы без края. Кроме того, тес мы будем делать, точнее, пилить бревна будем с помощью водяного колеса, а для того людишки тоже потребны. Да и плотники для стройки понадобятся. И то скажу вам, что без ваших родов нам одним не управиться. Платить за сей труд будем или инструментом, или самим железом, а может и серебром, как наживем его... Поэтому тем, кто места себе в дружине не видит, другое дело найдется и прибыль тоже. С торговли и монета появится, тем и расплатимся за добычу воинскую, а кто в дело вложиться захочет, с тем и это обсудим. А для торговли и суда понадобятся, и охрана на них, так что дружина без дела стоять не будет, да и насадам переяславским дело найдется.

И последнее. Над силой воинской один голова должен быть. Вот перед вами десятник самого переяславского князя стоит, Трофим Игнатьич, знаете вы его. Кроме него, нет никого, кто бы воинское дело так знал. Я сам у него обучаться желаю. Сам же в дружине буду, кем он поставит. Могу и сызнова над вами встать, помогать воеводе в дружинном деле, если не отвергнете.

А чтобы не обидно вашим родам было, можете своего человека предложить – хозяйством, к примеру, заправлять. Вот того же Пычя... переводы, переводы, Пычей, не отнекивайся... То не столь почет для тебя, хоть и это тоже, сколь работы поболее и ответ перед людьми по всей строгости держать... Да что я тебе об этом говорю, ты сам староста, все понимать должен.

В общем, народ отяцкий, обсуждайте мысли мои в гуртах своих и приходите с решением... через три дня, вот на это самое место. Воевода переяславский в веси с народом поговорит, а я с теми, кто в лесу сейчас. Решайте, люди, думайте как жить далее будем... Вместе или как? А добыча... Посчитали поди уже все... К себе пока забирайте на хранение, в весь-то ходу ныне нет, поди знаете, что... болезнь у нас. Нет, не мор... Мыслью, буртасы принесли сие. Однако же, если и среди вас такое начнется, то повязки из холстины мастерите, вон как у воеводы нашего, и к лекарю срочно шлите – знает он, как это лечить. А лодьи лучше к насадам поставить, как на них вас домой свезут. Нечего им на виду мелькать.

Ну что, благодарствую за вашу службу, люди. За то, что животы свои не жалели ради родичей своих и соседей добрых. Теперь и отдохнуть пора, погибших похоронить, как подobaет, да помянуть их. Засим воеводскую ношу с себя слагаю. На пир не созываю, пока болезнь не прошла, да и невместно мне это делать. Придет время – и отпразднуем сию победу.

Поклонившись в пояс собравшимся, Иван соскочил с кочки, на которой переминался все это время, и отер выступивший пот.

– Даже в бою так не устал, как тут, за речами, – повел он плечами. – Ну как, воевода, не слишком я своевольничал?

– Мысль опосля мне пришла, аще ты не только отяков, но и всех дружинных под себя подомнешь... – печально улыбнулся Трофим. – Так ли это? Мне что за крохи оставишь?

– У нас это называется... что-то типа свадебного воеводы, – хохотнул Иван, уводя Трофима в сторону. – Это тот, кто на свадьбе гуляет да доспехами там блещет, а ни на что другое не пригоден. Ты не сумлевайся, Трофим Игнатьич, не отниму у тебя хлеб твой. И других дел, окромя как по кочкам скакать, найдется полная корзина.

– Это каких? – повел бровью Трофим.

– А чем князь занимается, пока воевода его дружину по полям и лесам гоняет? Если надо, так он и ее возглавить может, а нет, так других дел полна коробушка...

– Не шутовал бы ты, Иван Михайлович, с сякими делами, неровен час, послух найдется, явятся по нашу голову – и с плеч ее снимут за одни только мысли такие, – сразу посерьезнел воевода.

– Нет у меня за пазухой ничего такого, Трофим Игнатьич, даже в голове не держал с князьями да ханами тягаться. Только дело то, что тебе предстоит, схоже больно с их делами. Торговлю надо поставить да округу нашу оборонить, да людишек на каждое дело найти. Мы с товарищами по незнанию дров можем наломать, так что тебе нас и направлять.

– Наломал один сякой надясь. Вона, цельным рядом по пажити разложено, токмо хоронить успевай. – Воевода поднял палец вверх, призывая внимательно себя слушать. – Христом тебя заклинаю, Иван, держи мысли свои в узде, иначе оттяпают тебе язык. Я уж познал сущность твою: аще ты молвишь о чем, то к тому и пойдешь сквозь тернии любые.

– Молчать как рыба буду, Трофим Игнатьич, – улыбнулся Иван и добавил: – Покуда в силу не войдем.

Глава 15

Неподеленная добыча

Терлей никогда не мог бы подумать, что его слово может решить судьбу их поселений. Три рода, три больших семьи, три гурта раскололись. Переливающаяся серебром россыпь кольчуг свела с ума многих и многих, сверкающая сталь клинков тоже манила скорым обогащением. Кто-то хотел продать все оружие в Суздале или Муроме, а малое число горячих голов призывали даже идти по стезе побитых буртасов, не боясь повторить их судьбу. Сторонниками продажи были в основном старейшины родов и некоторые общинники из верхних поселений. Большинство из них по причине возраста или отсутствия каких-либо воинских навыков не участвовали в недавних сражениях. Они также не подверглись разграблению и избиению, их не убивали и не насиловали их жен. Однако права голоса полноценных мужей рода у них никто не отнимал, а голосов этих набиралось изрядное количество. Хотя надо признать, крики польстившихся на скорое обогащение отяцких воинов, которые хотели бы пойти по стезе вольных стрелков, тоже были громкими. Не обязательно кого-нибудь грабить, рассуждали они, достаточно наняться в дружину к какому-нибудь влиятельному купцу или даже князю – и все, мошну можно набивать серебром.

Справедливости ради надо сказать, что в число первых и вторых не вошло ни одного голоса из нижнего гурта. Он целиком и полностью выступил за предложение воеводы, однако решение это не обошлось без рукоприкладства. Некоторые молодые воины селения сразу после сражения высказались за дальний поход для мести буртасам, а то и своим давним врагам черемисам, однако по дороге домой Терлей успел их попросту приструнить. Кому-то указал на его полную непригодность как ратника, а особо крикливым просто надавал по шее, отозвав в сторонку. Правда, после этого долго объяснял, что если они с ним не могут справиться даже без меча или сабли, то уж воинам Великого Булгара или тем же черемисам, которые порой клинком себе на жизнь зарабатывают, они только пятки вылизывать смогут без насмешек с их стороны. И без обучения у переяславцев ни о какой мести говорить не приходится.

Поэтому в первый же день возвращения, похоронив убитых и наведя относительный порядок в частично сожженном селении, община нижнего гурта была готова не только согласиться с предложением создания новой дружины и общего хозяйства, но даже и пойти при некоторых условиях под переяславскую руку. Все-таки если бы не усилия новых поселенцев, то помощи от родичей они бы точно не дождались. Какая уж это родня, если их жен и детей хотели бросить на произвол судьбы, точнее, позволить им быть холопами до конца недолгих дней своих... Многие из мастеровых после общинного сбора даже бросились собирать вещи, уже решив для себя обустраиваться на новом месте. А Пычей, Терлей и восемь из полутора десятков будущих дружинников нижнего гурта отправились в среднее поселение, чтобы выяснить решение других родов. И неожиданно узнали, что никто предложения их бывшего воеводы не обсуждает, а старейшины делят доспехи и оружие, оставленное им на сохранение. Не всю добычу, конечно. Практически все вои, участвующие в битве, не могли отказать себе в удовольствии покрасоваться перед соплеменниками доспехами и оружием, а теперь, судя по всему, не собирались их снимать. Однако остальная воинская добыча и тюки с одеждой были разложены на поляне, и старейшины обоих верхних поселений, а также часть примкнувших к ним воинов ожесточенно спорили, что кому достанется. Кто-то кричал, как он много потерял в схватках с черемисами. Кто-то ожесточенно жестикулировал, объясняя, как он много сделал для благополучия родов. Некоторые общинники, участвовавшие в битве, доказывали, что их стрелы поразили по три-четыре врага и они достойны лучшей доли, чем одна совсем не новая кольчуга и одна совсем не узорчатая сабля. При этом уже никто не вспоминал о переяславском участии в сражении, посчитав, что оставленные в заводи лоды вполне потянут как

доля добычи новых соседей. А если учесть, что переяславцы вовсе пропали бы без могучего отяцкого войска, то и за такой куш они должны быть благодарны. Если бы, конечно, знать, что с этими судами делать, да уметь как-нибудь управляться с парусом, то и их отдавать не следовало бы, но уж поздно об этом думать – соседи суда к рукам прибрали.

Однако стояли в стороне и другие отяки, в основном вои, обсуждая что-то вполголоса. К ним-то и отправились Терлей с Пычеем, послушав сначала, что творится на поляне. От них и узнали, что местный староста, воспользовавшись гибелью своего собрата с верховьев реки, смутил умы старейшин и подгребает под себя власть. А с ней и добычу, взятую в бою. Однако Пычей в этом усомнился.

– Не было такого в наших родах, – вступил он в круг между сгрудившимися в стороне отяками, – абы один человек решал за всех, как общине жить... Без дозволения старейшин и жреца не помыслил бы он об этом. Да и не худое это деяние... собрать все роды в один кулак. Однако же не он в бою плоть свою под стрелы подставлял, не он над ворогом победу измыслил и не он нас к ней вел. И не ему над нами стоять и добычей владеть.

– Так он и не один сие дело творит: старейшины горой за него, а они родичи наши старшие, – не было ранее того, чтобы в послушание к ним войти. Они нам жизнь дали, выкормили, иной раз кусок изо рта вынимая, – заговорили наперебой окружающие его общинники. – Да и опыт они свой приобрели трудом тяжким, пренебрегать оным не следует! Это лишь скудость ума нашего покажет...

– Кха, кха, – аж закашлялся Пычей. – Верно воевода наш мне сказывал: не тот из людей умен, кто поступает по правде, а тот, кто еще при этом своим умом живет. А вы с чьих слов мне тут глаголите? Как мальцы неразумные, а не вои, кровь проливавшие. Вежу к старшим надо иметь, а не в рот им заглядывать. Нашего урока вам мало? Дождались бы мы помощи от ваших родов, коли старейшины решали судьбу нашу? Окрест гляньте, как мир меняется... Русины переяславские на этой земле не с того появились, чтобы к нам поближе быть, а с того, что неуютно им у себя стало. Али враг какой теснит, али землицы на всех не хватает. И черемисов прежде кто-то согнал со своих мест, оттого они на наши уголья и позарились... А ныне и другие от нас большего хотят. То буртасы, то болгары спешат за наш счет мощну свою наполнить... А в верховьях Ветлуги новгородцы уже пошаливать начали. Без меча прожить и раньше не могли, а ныне и подавно. Даже я, старый, доспех надел для службы воинской, пусть всего лишь на один бой ратный. А вы теперь стали той силой, которая защищает общий род наш, на вас все держится и будет держаться, а не на таких развалинах, как я или старейшины немощные. Ваша та добыча и ваше усмотрение, как ей распорядиться на благо рода. А старики токмо по сундукам все растащат да пылью там припорошат. А вы будете умирать под чужими мечами и вспоминать подвиги былые свои. И не придет к вам никто на помощь, потому что отвергаете вы руку, ныне вам протянутую. А протягивают ее вам, а не отцам вашим, потому что жить дальше вам, а не им. Вот так, решайте теперича, а мы порешали уже. Уходим всем гуртом под переяславцев, оговорив, что обычаи наши нам останутся, а все, что промеж нами боком выйдет, то общим согласием решать.

Стоявшие вокруг отяки засмущались и, переглядываясь меж собой, вытолкнули в круг рыжеватого курносого воина.

– Исполать тебе, Пычей, – начал он, переминаясь с ноги на ногу. – Гондыр меня прозывают. Помнишь ли?

– В одном ряду с рогатинами стояли, как не помнить... И тебе исполать.

– Мы меж собой раньше тишком о том же говорили, но не с кем совет держать было, как поступить нам. Старейшины наши ныне лишь о добыче мыслить могут. Ты же староста, хоть и соседнего селения...

– А то не из одного семени наши роды вышли... – отвечал Пычей. – Для наших трех гуртов всегда был один покровитель.

– Потому и спрашиваем тебя сей миг: как быть нам? Как поступить со старшими родичами нашими? Прогнать невместно, да и совестно было бы... И как добычу обратно забрать? Воины в том дележе тоже присутствие имеют, как бы замятни не было. Не простим себе, ежели кровь прольется. – Сумрачное лицо Гондыра только подчеркивало серьезность происходящего.

– Одно скажу, – чуть задумавшись, ответил Пычей. – Отнестись к старшим надо со всей вежей, а ответ за меня Терлей даст. Потому что воин он у нас не последний, да и помоложе многих будет. Ему дальше жить – ему и решать, как я и сказывал прежде.

Ошарашенный таким развитием событий, Терлей неожиданно оказался под пристальным взглядом многих людей. Первое мгновение он пытался придумать что-то умное, но только вспотел от усилий. А потом неожиданно успокоился. Неужели Пычей дал бы ему слово, если бы ожидал от него чего-то из ряда вон выходящего? Да нет, конечно, надо просто ответить то, что думаешь.

– Уходить вам надо, – начал он. – Уходить из родов тем, кто защиты для семей своих желает и кто сил своих на это не пожалеет отдать. К себе в род возьмем. Отстроимся у нас али в том месте, где деяния мастеровые зачинились. А воршуда, хранителя рода нашего, со всеми почестями и обрядами в каждую новую молельню проводим. Святыни у тебя, Пычей?

– В сохранности они, – ответил тот и улыбнулся, поддержав кивком воина.

– А оставшейся добычей воинской со всей вежей их, – Терлей кивнул на поляну, где до сих пор шел дележ, – попросим поделиться. А не захотят, то браниться не следует – так уходите. Воевода наш походный не одобрил бы, коли мы раздор в родах учинять бы стали. Так мнится мне... Серьезное это дело, однако все же надо собирать людишек, кто готов на уход. Самим о женах и детях подумать, коли разум старейшинам застило. А как посчитаем тут всех, кто с места готов сняться, так и к верхним заглянем.

– И то верно. – Гондыр аж прихлопнул кулаком о ладонь от досады, что не он такое придумал. – А они недолго кочевряжиться без нас тут будут. Коли все те, о ком мысль имею, гурт покинут, то не мы из рода уйдем, а род от выживших из ума.

– На том и порешаем, – прокашлялся Пычей. – То были речи не отроков малолетних, но мужей, за дела свои отвечающих.

* * *

– Говоришь, Тимка, что удобно тот холм расположен? – спросил сына Николай.

– Холм сам не очень высокий, но зато вытянут вдоль речки, воды в достатке будет, – по-взрослому начал докладывать Тимка, видя, как серьезно заинтересовались его мнением. – Сосновый бор редкий по этому холму стоит... Красивые такие сосны, раскидистые, срубить жалко будет. Да и не нужно, наверное, – спохватился он, – рядом еще такой же лес стоит по низине, но погуще. Если запруду поставить, то заливаться по весне это место будет, как раз под огороды пойдет вырубка. И всего-то полкилометра вверх по течению будет отсюда.

– Поясни-ка, малец, сколь шагов до того места? – встрял в разговор Фаддей, старшина плотников, уже немного оправившийся после ранения и теперь, пока рана не заросла, поне-много кашеваряющий около костра.

– Так я и говорю... – начал Тимка, – ой... Саженой триста-четырееста, если по прямой идти, а с петлями чуть побольше.

– Знаю я то место, бывал в прошлом году, – согласился Фаддей. – Дальше поляны ягодные есть, и охотой прокормиться можно, покуда зверье не разогнали. По душе мне оно, и размахнуться там есть где. Со старостой али с Трофимом Игнатьичем совет держать надо будет и зимовье рубить.

– Думаю, что еще в одну весь это зимовье перерастет, – подвел итог Николай. – Но да это все потом. Ну что, поснедали – опять можно за работу. Как там болеющие, кстати, а? Тимофей?

– Вовкин отец там не на шутку развернулся. Половину лагеря уложил в постель, ну... на лапник, шкуры из веси притащили, в общем, лечит вовсю. Отваром из сосновых почек поит, всех повязки заставил надеть и сам в ней ходит. Кто-то даже сопротивлялся поначалу, руки попробовал распутить, но Иван Михалыч так на него цыкнул перед тем как уехать, что тот теперь стелется перед дядей Славой, как не знаю кто... А наш егерь теперь что, командует, как Трофим Игнатыч?

– Да, есть такое дело. – Николай опрокинул в рот берестяной туесочек, допивая оттуда последние капли отвара. – Спас он нас, Тимк. Охотники прямо сказки про него рассказывают, хотя сам он все больше молчит. Говорит – будет время, расскажу поподробнее. А ребятки как?

– Плохо пока, слегли все, кроме меня и Вовки, – удрученно ответил Тимка. – Но вроде выкарабкаться должны. По крайней мере, дядя Слава так им говорит.

– Понятно... – вздохнул Николай. – Ты, Тимк, беги поутру к Михалычу в весь, он очень просил рассказать, если мы что найдем...

В лесной лагерь на железное болото Иван и Вячеслав прибыли вечером того же дня, когда чужаки были окончательно разбиты. Двое суток назад. С ними были и двое буртасов. Алтыш, пленный десятник, сразу кинувшийся к своему племяннику, и Ишей, которому, как ни странно, егерь позволял почти все. А тот сразу стал совать свой нос во все щели... как мол, заготовки для плинфы сушите, да как руду собираете, да почему такое колесо делаете? И нет бы советы какие давал – так он, судя по всему, сам толком ничего не понимал. Видимо, просто удовлетворял свое любопытство. Ну, да не жалко, никаких секретов тут особо не было. А вот Вячеслав поведал подробнее о болезни, поразившей весь, о которой ранее уже принес известие один из охотников. Лекарь тут же прошелся по лагерю и, вернувшись через полчаса, забрал всех плотников, несмотря на их причитания о недоделанном водяном колесе. Пока не стемнело, он их заставил срубить крытый навес чуть в стороне от торных троп и заготовить побольше лапника. Неотступно находящийся при нем Иван добавил, что все указания Вячеслава должны выполняться без каких-либо отговорок, а особо сопротивляющиеся будут дела иметь с ним или с самим Трофимом Игнатычем. Плотники даже возражать не стали, услышав, что заготовку еловых веток тоже решили доверить им. Просто позвали снующих повсюду мальчишек и перепоручили тем столь ответственное задание. Лекарь же после своих указаний начал ходить по лагерю и отбирать людишек с признаками кашля и жара. А народ что думал перед этим? Ну, простудился, в лесу ночуя, так на все воля божья... В веси куда хуже приходится: ворог у самых ворот стоит. А оно вон как оказалось... Мор. Страшное слово. В помощь себе Вячеслав взял Агафью и нескольких баб, с кем прежде имел дело, собирая лекарственные травы. Объяснив им, что делать, и поставив принесенный котел на огонь, засветло успел зашить рану у Фаддея и посмотреть Фросю, которую положил в отдалении от заболевших. С той он провозился довольно долго, обрабатывая рану, но отошел от нее все равно неудовлетворенный. И только на следующий день решился заняться иссечением, чтобы проверить, не загноилось ли, – уж больно не нравились ему припухшие с одной стороны края. Выдавлив успевший скопиться гной, обработав своими отварами рану и наложив сухую повязку, Вячеслав уже с чистой совестью похлопал ее по колену, одобрительно оценив, как Фрося перенесла копание в своих «внутренностях».

– Вот кабы вои так же сносили операцию, как ты... А то иные хнычут, меду хмельного просят. Может, тебе все же дать глотнуть немного? Или еще чего попросишь?

– Да я бы попросила, ягодка моя, только совсем о другом, да и не тебя. Дай только срок подняться на ноги, – выдохнула Фрося, откинувшись на спину.

– Уж и ягодка сразу... И кого же ты и о чем попросишь?

– Ягодка, ягодка... Мне ж тебя только сжать посильнее – сразу соком в руках моих брызнешь, вона какой... хрупкий. А сказывать про спрос я тебе не буду, а то одному такому наме-

нула, так он тут всех ворогов враз побил, лишь бы улизнуть от меня. Опытная я ныне, сразу брать буду под белые ручки и в кустики, а там уж и... сладим, может быть.

– Ну, ну... ты давай помолчи лучше, тебе отдохнуть надо, а не о кустах думать... – Сразу раскусив ее попытки хорохориться таким манером, Вячеслав уложил Фросю удобнее и накрыл одеялом. – Засыпай, сон – лучшее лекарство...

– Вот-вот, как засыпать, так в одиночку... – устало пробормотала та, закрывая глаза.

– Какие твои годы... – Вячеслав покачал головой и пошел по остальным болящим.

Так и ходил все дни от одного к другому. Обтирал уксусом, чтобы снять жар, поил отварами, постоянно экспериментируя с составами травяного сбора, но все-таки за всеми не уследил... Дети свалились все, однако к концу второго дня их состояние почти не внушало опасений. Высокая температура, продержавшись один день, пошла на спад. Видимо, молодые организмы, выросшие на природе и не подвергшиеся атакам антибиотиков, обладали сильным иммунитетом, который задавил привнесенный вирус. А вот самые старые сначала чуть кашляли, особо ни на что не жалуясь, а потом их состояние резко ухудшалось. Да так, что ни отвары, ни обтирания с жаром и болезнью не справлялись, четверых уже пришлось похоронить. Четверых чужих для Вячеслава старых женщин, которые при этом были чьими-то матерями и бабушками, на чьих руках воспитывались внуки, лежавшие в горячке тут же. Когда жертвы для вас чужие, то это всего лишь статистика. Однако Вячеслав уже принимал этих людей близко к сердцу, переживая за свои просчеты и всегда провожая в последний путь, который проходил сразу же после кончины, не дожидаясь установленного христианскими обычаями третьего дня. Поэтому все потери дались ему тяжело, а сам он уже не раз возносил в душе молитву, уповая, чтобы эпидемия обошлась малыми жертвами, и постоянно сожалел, что не захватил с собой в лес самого простого и дешевого набора лекарств. Тогда бы о смерти и речь не шла. Кто в детстве не мечтал заболеть, чтобы не ходить в школу? А в этом времени такое желание вполне могло бы привести к смертельному исходу. Имея – не ценим, потеряв – плачем... Завидуем, смотря на чужое, и при этом совершенно не храним своего. Увы, человек не меняется, меняются его возможности, которые на данном временном отрезке были у Вячеслава очень ограничены. Был бы чуть страшнее вирус – и людей не спасло бы никакое чудо.

Однако жизнь вокруг шла своим чередом, и то, что для Вячеслава и многих семей было трагедией, другие воспринимали более обыденно. Бог дал, бог взял. Больные болели, здоровые работали. Плотина, несмотря на то что на сооружении ее трудились всего четверо оставшихся здоровыми людей, достраивалась. Обтесанные бревна уже легли между сваями. Остались лишь тонкие работы по сбору колеса, установке желоба и различные моменты сопряжения механизмов. Чуть подумав, Николай, по приходе известий о разгроме буртасов, отправил Любима обратно в весь, уговорив того отдать на нужды пилорамы остаток хорошего железа. Дело стоило риска: ведь задачей Любима были два широких ножовочных полотна... Как затачивать зубья, Николай ему на словах рассказал, для продольного распила они должны быть наклонены, и пила в итоге будет представлять собой набор десятков маленьких рубаночков. И про то, что их надо развести посильнее, тоже напомнил. А уж опытаковки у местного кузнеца было гораздо больше, да и набор напильников имелся. Особо Николай напомнил о цементации, но тут приходилось положиться на волю случая, поскольку больших экспериментов с науглероживанием и закалкой кузнецы еще не проводили. Правда, в первый же день после их разговора об укреплении железа углем Любим заказал у гончара очень высокие кувшины с широким горлом для пробного науглероживания клинков, но их еще не довелось испытать.

Сам же Николай в свободное от физической работы время пытался нарисовать двухэтажную конструкцию и сопутствующие механизмы, предназначенные для распиловки бревен на доски. С одной стороны, необходимо было наладить легкую подачу очищенных от ветвей деревьев, чтобы при этом распил шел под весом самого бревна, а с другой – хотелось бы поднять

сам механизм повыше, чтобы многочисленные опилки не засоряли проход, а падали вниз на первый этаж, где их можно было гораздо легче убрать.

В любом случае дела понемногу двигались, а вселенские часы отсчитывали секунды, минуты, часы и подталкивали историю вперед. Эти часы разрешали делать все, что угодно, но спустя некоторое время вели спрос по полной программе. Ах! Вы не успели? Ну что же, значит, успели другие, и на скрижалях истории будут записаны их имена, а не ваши... Тик-так, тик-так, тик-так...

* * *

«Ой-ой-ой, голова моя садовая, как же я лопухнулся так?» – Иван покачал головой, подперев ее руками. Находился он при этом вместе с Ишеем и воеводой около уреза воды на берегу Ветлуги, присев на высохшую корягу, выкинутую на берег весенними водами. И вроде ничего не предвещало для него такого удара судьбы. Сидели, ждали отяков, время как раз подходило к условленному сроку встречи. Болтали ни о чем, точнее, о разных разностях, выпрашивая друг у друга, как живут в княжествах и ханствах, подробности быта разных племен, расположение земель, кто чем и под кем живет и дышит, кто из сильных мира сего более могучий. До той поры, пока Ишей не обмолвился о странных гостях к сотнику Ибраиму, после которых тот и засобирался сюда в поход.

Иван еще ранее договорился с воеводой, что бургасец идет ему в долю и считаться будет вольным человеком. Тот даже махнул рукой – делай, мол, что хочешь, в своем праве... Доля твоя всяко побольше будет, чем один басурманин. О другой добыче с тобой еще людишки будут рядиться, а вот полоненных бургасов им по избам в качестве холопов никто не даст разобрать. С теми еще придется решать что-то, а пока пусть поработают на благо общины. Что им делать? Так тебе и твоим сотоварищам лучше знать, только ответ за них держите, вот и все. Поэтому Иван пленного десятника с племянником оставил на болоте в помощь Николаю, сказав им, что как только те отработают свое, так он и отпустит их. Сколько же это по времени займет, он не знает, но в ближайшее время выяснит. Десятник покивал и только поинтересовался напоследок, не заставят ли его здесь принимать христианство, если он решит остаться насовсем? Иван на это пожал плечами и ответил, что если тот будет держаться его, то никто принуждать не будет, а за других сказать не может, но... вроде не должны. Ишеем же Иван передал, что тот волен в своих действиях, но для других он пока побудет его холопом, чтобы в первое время не возникало вопросов.

И вот сей почти вольный муж так его огорошил, что Иван сидел и раскачивался, осознавая свою ошибку.

– Да не переживай ты так, – тронул его Ишей за плечо. – Я не разумею твоих волнений, но не стоит это того. Как волна о берег бьешься – туда-сюда, туда-сюда...

– Говоришь, от ветлужского князька посылы были? – наконец взял себя в руки Иван.

– То не ведомо мне... от князька ли, от кого другого, но черемисы были знатные, – кивнул Ишей. – Людишкам, что об этом мне шепнули, верить можно.

– Если бы знать об этом заранее, то сотника бургасского надо было как зеницу ока беречь, – все еще сокрушался егерь. – И не стрелами их бить, а пробовать договариваться. Я ведь думал, что корни их похода из их же земель и произрастают.

– Полноте, в самом деле, деяние это обычное, – наконец вставил свое слово воевода. – Ничего сотник бы тебе не баял полезного. Пришли к нему посылы, обещали горы злата да товар живой, что на защиту себя не встанет. А кугуз ветлужский с нас подарки поимел, не своей землицей одарив, а опосля и мзду получил бы, проводив через тех же бургасов нас в дальний полуденный путь вместе с отяками. Что на извечных врагов стрелы переводить, когда можно одним махом от нас избавиться. Чем выше человеке сидит, тем больше он не своими руками

жар загребают. С ромеев сие идет, подкуп да подлог там первое деяние: ты с Радимиром о том потолкуй – он много тебе историй перескажет.

– Верно все говоришь, воевода, – задумался Иван. – Только это все догадки, а сотник нам бы много интересного поведал. Мы бы тогда знали, что делать да как себя вести.

– А что иное можно деяти, окромя того что уже помыслили? – продолжал размышлять воевода. – Сила воинская нужна – так ту собираем. Злато да серебро для той силы... так это торговлей будем иметь. Торговля с чего? Да с того, что ты с сотоварищами замыслил. И все эти деяния нужны токмо для того, чтобы выжить... Помысли, сколь свершить надо для такого простого желания...

– Да, а ведь еще две седмицы назад мы с друзьями хотели лишь сами как-то выкарабкаться. А теперь надо задумываться о выживании сотен людей. Растут наши цели... Послушай, Трофим Игнатьич, все-таки надо узнать, что у черемисов на уме...

– Кабы могли, то повыведывали бы, а нет, так неча и голову забивать.

– С торговлей к ним по осени ехать надо, заодно и свою силу покажем, – хлопнул себе по колену ладонью Иван.

– А что, верно ты сказываешь... – Пришла пора и для воеводы задуматься. – Я мыслил Суздаль навестить, там знатно расторговаться можно, но и по черемисским городкам проехаться не грех.

– Ну что, брат Ишей, вот и первое наше путешествие намечается, – хлопнул того панибратски по плечу Иван.

– Лестно мне, что ты меня братом назвал, – озадаченно заморгал тот. – С чего бы?

– Не бери в голову, присказка это, – засмеялся егерь. – А может, придет время – и побратается, чем черт не шутит...

– Не поминай нечистого ни в речах, ни в помыслах, – перебил его Трофим. – А то будешь потом его деяния полной ложкой хлебать... Вон, похоже, она уже начинает набираться.

С низовьев Ветлуги показалась юркая долбленка, ходко шедшая в их сторону. Спустя несколько минут в полном облачении, однако в грязных и местами даже порванных кольчугах, на берег сошли Пычей и Терлей.

– Принимай свою рать, воевода, – обратился к Ивану отяцкий староста.

– Эдак нас с тобой вечно путать будут, – бросил тот Трофиму. – Надо бы мне какое название придумать, что ли... – И повернулся к Пычею: – И ты здрав будь. Рассказывай, что случилось.

– Поначалу пошли лодью в средний гурт с Терлеем, а я уж тем временем поведаю, что с нами было да как.

– Серьезное что? – насторожился Иван.

– Обошлось, да чуть кровь не пролилась между родами нашими. Ты не томи, посылай...

– Ишей, охотнички наши, что тебе с лодьей помогали, где?

– Так лодьи и строжат, кто на болото не ушел. В весь их еще не пустили.

– Бери сколь надо и плыви... Терлей покажет куда.

Когда Ишей с отяцким воином убежали, Пычей расслабленно вздохнул и уселся на корягу.

– Нет ли поспедать чего? С утра во рту ничего не было...

– Бери, – передал ему узелок Трофим. – Не обессудь, без горячего сидим – баб в веси нет, а самим сготовить недосуг. Но зато медку хлебнуть потом дам, – указал он пальцем на стоявший в сторонке глиняный кувшинчик.

– Благодать, – прожевал Пычей молодую репку и тут же закусил ее куском мяса, достав его из узелка, где оно лежало завернутое в широкие зеленые листья.

– Если говорить короче, – продолжил он с набитым ртом, – то наше поселение на все согласно, о чем Иван сказывал наперед, и более того...

– Что?

– Просим мы тебя, воевода, – обратился он к Трофиму, судорожно глотая кусок, чуть привставая и наклоняя голову, – принять нас под свою руку. Дай только традиции древние и верования наши исполнять. Те из мастеровых, кто пожелал, готовы перебраться на новые места, коли примете вы их и землицы выделите на поселение. Их с десятков будет, да еще семьи. В дружину новую полтора десятка готово вступить... Все одоспешенные, да впридачу пяток кольчуг от тех, кто мастеровыми остаться пожелал. Токмо прикажи дружине оберегать покой тех, кто в гурте нашем решил остаться, не хуже, чем свою весь. Немного там людишек, но верны будут они тебе, да и место для воев твоих всегда там найдется...

– А остальные?

– Иной расклад с другими поселениями. Винюсь, не сохранили мы добычу в полной мере. По приходе туда видели, как жадность там старших людишек обуяла, и стали они добычу меж собой делить, не думая, как далее жить и как от врага спастись. А потому решила часть воев, кто не токмо о своем животе мыслит, выйти из родов и позвать других общинников за собой. Принять их должен был мой род со всем почтением. Сказано было слово наутро, и стали они собираться. И вышло их на средний гурт полторы сотни вместе с бабами и детишками. И мастеровые среди них, и вои. Однако указали нам в вину, что замятню мы учинили, и стали пред нами с оружием, не выпуская нас. Не допустили мы крови между нами, но поваляли нас сильно, да и кольчуги посекали наши предостаточно.

Пычей оторвался от своего стихотворного слога и развел руки в стороны, желая показать, как ему досталось.

– Ну, так чем дело кончилось? – не выдержал Иван.

– Прорвались мы с барахлишком и скотиною, ждут общинники сей час лодьи ваши на берегу... И посылы наши в верхнее поселение ушли, но там оно полегче будет, старейшин в нем нет. Так что готовься, воевода, принимать под себя четыре сотни людишек вместе с бабами и дитями.

– С твоими?

– С моими, – кивнул Пычей. – Часть в наше поселение можно на житье пустить, а другую с мастеровыми определить на новое место, где железо вы надумали добывать... Токмо дома поставить первым делом им надо.

– Да, дела наши грешные, – стал оглаживать намечающуюся бородку Иван. – Где вас разместить, мы уже нашли, не ждали, правда, что столько народу будет... Однако, как говорится, нет худа без добра, да и места там хватит с излишком. Поведу вас я, в обход, поскольку в лагере на болоте тоже болезнь началась. Думаю, что и вас она коснется, ну да лекарь уже там, бог даст, все обойдется. А сколь воев среди вас, которые в дружину пойдут?

– Четыре с половиною десятка с трех поселений, – поднял глаза к небу и посчитал Пычей.

– Ну и я пяток выделю из дружины и желающих охотников, – добавил Трофим. – Так что принимай их всех под себя, полусотник.

– Есть принимать, воевода, – чуть задумчиво кивнул Иван.

– Чего сказал? Снедать собрался или просто мелешь невесть что? – вопросительно глянул на новоиспеченного подчиненного Трофим.

– Да слово это подобно согласию для воина, – все еще витая в облаках, ответил ему Иван. – Будет исполнено, значит.

– Ну-ну... А вот давеча ты про название для дружины что-то баял – надумал али как?

– Название?... Егерем я провел почти полжизни – так охотники у нас назывались. А здесь почти все вои из них. Так что будем называться э... егерским полком!

– Не маловато для полка воев-то? – ухмыльнулся Трофим, уже зная, что его новый подчиненный что-нибудь забавное на это обязательно произнесет.

– Будет к чему тянуться, воевода, а пока одним названием пугать станем, – с широким оскалом ответил тот.

Глава 16

Первые невзгоды

Сонное покрывало предутреннего сна соскользнуло с полатей, на которых лежала Агафья, и рассыпалось невесомыми клочками зевоты и ленивого потягивания.

Еще темно и можно полежать чуть-чуть. Совсем немного, стряхивая остатки ночных сновидений и впитывая прохладный утренний воздух, смешанный пополам с запахом дыма от вчерашнего костра, разожженного для подтопки в глинобитном очаге.

Ну, все, пора вставать!

Плеснуть водицей из деревянной бадейки в лицо и... Нет, без разлохмаченной палочки для чистки зубов можно обойтись! Лекарь, конечно, грамоте разумеет и знает столь много, что людишек с того света вытаскивает, но чистить зубы утром и вечером... это он, пожалуй, лишку присоветовал.

Агафья подумала и все-таки взялась за палочку. Никто ее за язык не тянул, сама спросила, что он по утрам делает около речки. А уж что такое больные зубы, она не понаслышке знает: полгода не прошло, как Радимир зуб ей заговорил.

Заговорил, как же! Как дурочка малолетняя опростоволосилась.

От боли не знала куда податься, а рвать зуб клещами у Любима было страшно.

А тот возьми и отправь ее к Радимиру – сказал, что сей божий человек все что угодно при своей святости заговорить может. Нет бы, посмотреть на его хитрую рожу да догадаться, что святой с заговорами да волхованием дела не имеет. Как же, поперлась...

Тот сразу закивал, над тоненькой веревочкой что-то пошушукал и ей отдал. На, говорит, привяжи к больному зубу. Привязала, спрашиваю: когда пройдет? Через день, отвечает...

Да что ж ты, ирод окаянный, измываешься так? Нешто я протерплю весь день? И так уж мыслить мочи нет ни о чем, окромя этой боли... И на это нашел что ответить.

Есть, толкует, способ сразу боль снять, но надо другой конец веревочки на дверную ручку накинуть. Если девица войдет, да за дверь возьмется, то заговор сразу на тебя перейдет и боль утихнет, а если муж честной, то чуть погодя, и чуток потерпеть придется.

А если муж, да не честной, – тогда что, говорю? А где это ты таких видела, спрашивает?

Ну, я пока в уме перебирала, кто чем запятнал себя, он веревочку к ручке привязал, да меня наружу и выставил. Хитрость его была в том, что двери наши в землянках внутрь открываются... ну, чтобы зимой в снегопад открыть можно было. Поднялась, уселась на верхнюю ступеньку, да как крикну ему вниз про Фаддея!

«Разве его можно честным мужем назвать? Он, кобель такой, при живой жене по вдовушкам бегаёт! Ни одной бы не пропустил, коли отказов не слышал! И когда успевает только?!»

Одним духом я это выпалила, а Радимир из-за двери мне тоже как крикнет...

«Ась? Не расслышал, речет, тебя!»

Я подниматься со ступенек начала, а он в это время дверь как дернет... У меня аж звезды из одного глаза в другой прыгнули. Ну, мыслю, заговор так на меня перешел. И зуба больного, что сверху справа сидел – как не бывало.

Но это я уже потом языком нащупала, а первым делом крикнула ему: что ж ты девицу, дурак старый, не позвал?! Такой ты сякой, да растакой! Чтобы без боли совсем обойтись? Ты-то старик совсем – когда теперь боль уйдет?

А он мне травку какую-то в берестяной кружечке протягивает: на, мол, полоскай. Со стариками, говорит, как с девицами, легко все. Принюхалась, ромашку уловила, еще что-то там было, да не разобрала... Ладно, думаю, старый хрен, не отравишь же ты меня, начала полоскать. Так и обнаружила свою потерю...

Ох, и устроила я им с Любимом головомою – кузнецу своему чуть грабли о спину не обломала! Но потом, знамо дело, пошла к Радимиру с отдарком да извинениями. Врасплох, мол, он меня застал, вот и накричала на него. А он и признался, что всех так лечит, кто к нему приходит, да не часто это бывает. Но ты, сказывает, молчи, а то на следующего уговор не подействует... Уговор, как же, обманщики. Но что деяти, обещала...

Все это Агафья вспоминала, доя корову, разжигая дрова в очаге под навесом да грея воду в небольшом котелке, который Любим выковал еще в переяславской земле и который ценился больше всего в ее хозяйстве. Подумалось, что вот у лекаря уж чудо так чудо, а не котелок. Здоровенный да ровный какой, а если начистить его песочком, то и смотреться можно...

С того дня, как Вячеслав отослал ее на помощь Радимиру, прошла почти неделя. Пока она тут одна, но вечер этот кара-а-а...тин сняли. То есть тряпку эту черную, что на жердине болталась, убрали и ход всем из веси и обратно дали, так что ныне бабоньки из леса должны подойти.

Не токмо одной ей тут упираться, мужикам обеды готовить да обстирывать их!

Выздоровевших уже третий день как по домам распустили, и более заболевших не было. Слава Всевышнему, токмо двух мужей схоронили от мора того, да на болоте пятеро старух преставились. Вячеслав сказывал, что если бы мужи те сразу к нему пришли, то и с ними все обошлось бы. И у всех теперь наказ такой – ежели заболел чем, то сразу к нему, неча эту... заразу разносить.

А сам лекарь к отякам в новую весь подался: тоже у них там что-то началось. Ну, да у них травница есть, с ней на пару полегче будет лечить. В первый год, как обосновались, бабоньки о ней вызнали, да только ходу к тому гурту не было по их малым бедам – неохотно к себе отяки пускали. А от больших неприятностей до последних дней Господь хранил... Да что тут говорить, выдумают, поди, что-нибудь вдвоем.

Ох, ладно, чуть посветлело вроде, надо скотину на пажить выгонять, соскучилась она по травке зеленой. Внутри тына вся зелень аж до землицы выщипана. Как осада началась, все больше старое сено пользовали, что с зимы осталось. А последнюю седмицу пробавлялись только теми крохами, что охотнички около веси скашивали да к воротам сносили. Запрет строгий был...

Агафья открыла ворота хлева и вывела кормилицу на улицу. Там уже подтягивалось к воротам стадо, подгоняемое, за неимением баб, степенными отцами семейств.

Хм, степенными! Некоторых из них последние дни шугали почем зря! Трофим Игнатьич из людинов семь мужей отобрал и начал их бою учить, будто отроков малолетних. И в хвост и в гриву их гонял, возились они и с железьяками своими, и с мечами деревянными, на ночные дозоры воевода их ставить начал.

А еще сказывают, что игрища какие-то с нынешнего дня устраивать начнут. Кто кого одолеет – отяцкие мужи с новой веси или тутошние. Бить, однако, лишь деревянными мечами можно да стрелами тупыми, что на белку годятся. Но уж ежели попали – падай, а то потом Трофим Игнатьич кнутом отходит! Да только бесовские это игрища – мужи что дети, и деревянными мечами друг другу кости переломают...

Вздыхнув, Агафья посмотрела на открывающиеся ворота, поздоровалась с пастухом и, похлопав напоследок буренку, направилась к колодцу, благо, бадейку с собой захватила.

И тут-то ее сердце захолонуло...

Из-за ворот, с края дороги отделилась большая кочка полусухой травы и тихонько поползла между нехотя расступающейся перед ней скотиной. А за ней вторая и третья... Пересекая черту ворот, один из торчащих пучков откинулся – и на Агафью сверкнули страшные глаза на темном лице...

«Господи, пронеси! Леший, кажись...»

И утренний воздух сначала нарушился глухим стуком упавшей под ее ноги бадейки, а потом разорвался визгом испуганной, но не сломленной женщины.

– Ратуйте, люди добрые! Нечистая сила в весь забралась!! Оружайтесь, чем бог послал, гони ее в шею!

И несчастное ведро было поднято, откинуто назад и с размаху опущено прямо на эти бесовские глазищи.

– Твою мать! – Под грохот разлетевшихся деревянных плашек темное пятно мрака поднялось с дороги и устало на атакующую фурию. – Ну, ты, Агафья... ну ты... ну ты прямо шторм и буря в одном флаконе! Робята, берите весь, кончила нашу маскировку эта сердитая тетка!

Иван махнул рукой поднимающимся за ним отякам, указывая им на дружинный дом. Спустя мгновение очумело глядящий с вышки дозорный ойкнул от попавшей ему в грудь тупой стрелы, и игрища по взятию на копье сонной веси начались.

* * *

Пуск водяного колеса прошел как-то буднично и без затей.

Перекрыли толстыми тесаными досками часть огромного оконца, оставленного в середине верхних бревен запруды для перелива, и вода пошла по желобу. Ее напор мгновенно заполнил верхний карман колеса, и оно слегка стронулось с места. За первой внутренней полостью последовала вторая, третья, и огромная махина, наконец, заползла, вращаясь осью в пазах дубовых бревен, щедро политых дегтем.

Задумываясь над тем, как будет водяное колесо передавать усилие на подключаемые механизмы, Николай сначала планировал жестко насадить на вал деревянные шестерни. Однако затем решил, что механизмов будет много, и если включать их сразу все, то это приведет лишь к излишней амортизации деревянной конструкции, да и полезная мощность колеса будет тратиться впустую. Кроме того, он никак не мог придумать, как оперативно подключать ту же глиномешалку к вращающейся оси через деревянные зубья. В голове сразу вспыхивала картина расшатанных механизмов и разламывающегося дерева.

От таких переживаний Николай ушел в лес и стал там бесцельно бродить вдоль нахоженной в весь тропы, пытаясь собраться и выдать что-то простое, но надежное. Долгое время у него ничего не получалось. Он даже был готов подсоединить только одно устройство, а все усовершенствования оставить на потом. И все-таки перед самым возвращением к рабочему месту здравая мысль его посетила.

Решение лежало на самом виду, и Николай даже плюнул от огорчения из-за того, как нелепо подходил раньше к этой проблеме. Все гениальное просто, и для подсоединения достаточно на главный вращающийся вал надеть что-то вроде толстого барабана или бочонка. С второстепенным тот должен быть соединен широким ремнем из кожи через два промежуточных колеса, образуя в результате треугольник.

В отключенном состоянии барабан основного вала будет находиться внутри этого треугольника, свободно там вращаясь. А любой сдвиг системой рычагов этой геометрической фигуры в сторону вызовет касание бочонка к ремню, тот натянется и запустит вращение вала механизма. Обычная система, работающая как сцепление.

Покончив с этим вопросом и молча насладившись своим триумфом, Николай занялся текучкой, благо, жизнь постоянно подбрасывала новые проблемы.

К примеру, надо было заготовить впрок тес для других водяных колес.

Одно из них предназначалось для мелких работ, подобных замесу глины для кирпичей.

Второе, параллельное ему, было запланировано исключительно под пилораму, но там еще конь не валялся – требовалось сначала заложить фундамент из дубовых свай и заготовить

бревна на двухэтажную конструкцию. Как раз в этом месте берег шел ступенькой, и, немного его подрыв, можно было получить заглубленный первый этаж в сажень высотой, куда бы сыпались опилки и где находились все основные механизмы.

Доставку материала планировали осуществлять по речке. Для этого, конечно, надо было очистить русло и поставить для плотины дополнительную защиту от ударов сплавляемых деревьев, но зато бревна можно было бы вытаскивать прямо на берег перед самой лесопилкой.

Задумывался Николай и над следующим колесом. Его он планировал поставить чуть ниже первых, продлив туда еще один желоб, и при необходимости объединять его мощность с первым. Общие усилия могли понадобиться для организации наддува при плавке чугуна, а также при переделе того в сталь.

Николай даже не пытался предугадывать, хватит ли у них мощности для такой работы. Понимал лишь, что она зависит от объема падающей воды, который в летнее время составлял около куба в секунду на каждое из трех колес, а также их высоты. Был какой-то еще параметр, но его Николай вспомнить не мог, как ни напрягался. Оставалось лишь строить, проверять, да на глазок уменьшать потери мощности, улучшая конструкцию. Вот и все.

Неподъемные проблемы оставались на потом, с остальными худо-бедно справлялись.

Например, Любим все-таки отковал несколько полотен продольных пил, потратив на это почти все свои запасы привезенного железа. Он в буквальном смысле ночевал в своей кузне, уходя отсюда только что-то пожевать с охотниками, сторожащими лоды в заводи. И их же привлекал ко всем работам, в которых ему была нужна помощь.

В результате он даже развел пилам зубья и провел процедуру науглероживания.

При этом два полотна Любим заложил в кувшины с мелко толченым сосновым углем и пером птицы, а в другие кроме угля подсыпал еще пережженные толченые рога. Сами глиняные емкости пришлось составлять по две, горлышко к горлышку, иначе полотна туда не убирались. А полотнища (кроме зубьев), были покрыты тонким слоем глины, чтобы предотвратить их от излишней хрупкости.

Потом каждую пилу Любим ставил на разное время в печь, засекая слой науглероженного железа. Для этого он через определенные промежутки времени ломал металлические обрезки такой же толщины, засунутые им в еще один кувшин.

Осталось провести процедуру закаливания – и все, основа пилорамы готова. Погнуться пилы, может, и погнуться, да есть надежда, что не сломаются и не посекут людей осколками. Останется только обвязка, которая, надо признать, получалась тоже не самая простая. Николай все больше приходил к мысли, что нормальную лесопилку без отлитых чугунных шестерен и других деталей запустить невозможно, а это выводило на первый план запуск домницы.

Не сидел без дела и Вовка. Проявив недюжинные организаторские таланты, он все-таки выдал первую партию необожженной плинфы.

Для начала он разместил у всех, кто мог худо-бедно держать в руках инструмент, заказы на неразборные формы. Для этого пришлось буквально вырвать у плотников остатки теса и пилу, пообещав в ином случае отобрать чудо-топор.

Поверить не поверили, но поперечную ножовку, скрепя сердце, дали.

Также Вовка организовал замесы, запустив девчонок топтать глину в импровизированную месильню. Перед этим пришлось аккуратно вынуть на краю холма около куба глины, предварительно сняв верхний слой почвы, и сильно намочить получившуюся яму, размазав размягкий слой по поверхности. После сушки внутри разожгли костер, обожженный слой хоть немного должно было защитить месильню от размыва.

Тем временем рядом, буквально в трех десятках метрах от нее, другие подростки начали откапывать и таскать глину со склона холма, который выдавался в этом месте языком. В результате начал получаться открытый с одной стороны широкий ров глубиной в два его роста, который Вовка сразу отвел под печь для обжига кирпича.

Хорошую глину, выбирая из нее камешки, корешки и всяческий мусор, засыпали в обожженную яму и заливали водой в пропорции один к одному, а потом месили до тестообразного состояния, под конец добавляя песок. Снятый дерн и негодную почву высыпали отвалами по краям языка, выравнивая площадку.

Размешенная глина шла на стол, который Вовка соорудил из остатков теса, и там они с Вышатой лепили куличики, заполняя смесью формы под плинфу. Ее излишки снимались обрезками тех же досок, а получившиеся кирпичики осторожно вытряхивались сушиться на траву. Чтобы заготовки лучше отставали от форм, те обильно посыпали песком.

Кирпич решили делать по местным стандартам, где-то двадцать на сорок на пять сантиметров, хотя, конечно, измерить их было нечем. Для изготовления одинаковых форм Вовка просто обломал палочки, используемые потом в виде эталона. Полученную плинфу решили в течение двух-трех дней подсушить, раскидав по полянам, а потом сложить в штабеля и выдерживать еще несколько суток в тенике.

Увидев, что у Вышаты все получается, Вовка оставил его командовать и перешел к другим делам.

Во-первых, надо было запастись дровами.

Если сразу закладывать на обжиг пару тысяч штук кирпичей и топить несколько дней (Тимкин батя говорил, что около пяти), то дров надо было заготовить море! По Вовкиным прикидкам на каждый куб плинфы должно израсходоваться семь-восемь кубов древесины. А где ее взять?

Охотники после побития буртасов ушли к отякам, плотники занимаются плотиной. Украсть у них пару полешек? Это не выход, да и так косо после пилы смотрят. И тут-то Вовке на глаза попался снятый торф около болота, где собирались добывать руду. Который там бросали, как попало.

Подключив все свои резервы, в качестве которых выступал дядя Коля, Вовка добился, чтобы вырезанный аккуратными кирпичиками верховой торф относили на край болота, где был открытый вересковый луг, и раскладывали сушиться на солнце.

А вот хватит ли температуры горения торфа на обжиг кирпича – это был вопрос, на который ему никто толком не дал ответа.

Дядя Коля что-то бурчал про торфяной кокс, который вроде дает неплохую температуру, но не мог сказать толком, как его делать... Вроде в ямах, как уголь пережигают. А на самом деле?

В итоге Вовка не захотел рисковать и, оторвав от двух с половиной десятков помогающих ему подростков восьмерых человек, отправил их дополнительно к торфу рубить сухостой, снося его к будущей печи. Если что, и мехи из кузницы можно притащить, подумал он тогда.

А потом началась эпидемия, и ребят, у которых был жар, он силком спроваживал к отцу в лазарет, так что количество работников у него неуклонно уменьшалось, пока он не остался один-одинешенек.

И пока все его подчиненные болели, ему пришлось одному переворачивать кирпичи, складывать их в штабеля, накрывать уже скошенным сеном от дождя и солнца.

Кроме того, внутри рва, получившегося по ширине в четыре, а в длину около пяти метров, Вовка стал выкладывать поперечные внутренние перегородки из необожженных заготовок, в середине которых было место под топку. Поверху эти перегородки можно было перекрывать, ставя длинной стороной плинфу на ребро и оставляя между этими заготовками небольшие зазоры. Такие щели между кирпичами потом должны служить продухами, через которые горячий воздух поступит в камеру обжига.

Это был первый уровень печи.

Сама камера обжига находилась как бы на втором этаже сооружения. Ряды плинфы, поставленные там ребрами друг на друга в самом конце должны были перекрываться кирпи-

чами, положенными плашмя. Это позволяло отказаться от закрытого свода, так как все сооружение просто засыпалось слоем песка. Поверху дополнительно шел деревянный настил от дождя.

Молодому кирпичному мастеру, конечно, по мере возможностей помогали, особенно когда Вовка стал выкладывать полукруглые своды перегородок над отверстием топки, однако все равно к тому времени, когда пришлось отчитываться перед дядей Колей, ноги он еле таскал.

Да и не отчет это был, а производственное совещание, на котором они вместе наметили, куда пойдут кирпичи. Самые удачные однозначно на сооружение домницы, а из остальных будут класть русские печи для их недостроенного пятистенка и новой вesi.

При этом вымотавшийся не меньше Вовки кузнец, приняв доклад, успел все-таки озвучить мысль, что надо помечать плинфу на будущее. Отметки предназначались для того, чтобы знать, откуда для каждой партии брали глину и с какой стороны печи положили при обжиге. Потом так легче будет определить, почему одни кирпичи, к примеру, звучат лучше, а другие вообще крошатся.

После обсуждения на усталого Вовку был надет импровизированный лавровый венок, и он был отправлен отсыпаться. А на следующий день его ждал первый обжиг и новые дела, которые должны были пройти немного легче, потому что помощников ощутимо прибавилось: большинство ребят уже выздоровело.

Николай же остался обдумывать окончательную конструкцию домницы и место для ее строительства. Кроме того, еще не был найден известняк, который был необходим в печи для связывания пустой породы в шлаки. Но это дело он уже поручил Антипу и Тимке, отправив их несколько дней назад на поиски.

Отослал он и Фаддея с напарником обучать поселенцев новой вesi технологиям строительства на примере недоделанного пятистенка, присоветовав только серьезно увеличить размеры домов. При этом бригадиру плотников вручили план вesi, нарисованный Николаем вместе с воеводой и его новоиспеченным полусотником.

Те как раз и привели отяков к новому месту жительства. Туда же запланировали поселить часть мастеровых из вesi и тех, кто согласится работать на добыче руды и выплавке чугуна. При этом договорились поселить их вперемежку, чтобы отяки не замыкались в себе и понемногу начали общаться с переяславцами, изучая их язык.

Старостой назначили Никифора, но это было скорее временное назначение.

Тот не слишком любил свою должность, даже немного тяготился ею, стараясь никогда не вылезать за грани мирских дел. Его и выбрали без особого на то его желания: просто человек попался под руку, пару раз в пылу спора охладив горячие головы и дав при этом мудрые советы.

Но сам Никифор вполне устраивал самих переяславцев. Да и отякам, вероятно, понравился бы тоже. Кому хочется, чтобы на него с самого начала стали давить, устанавливая свои порядки? Сперва надо пряник дать, а потом и спрашивать по всей строгости.

Согласовав план вesi, и поразмыслив втроем о постройках, новоявленные архитекторы не пришли к твердому убеждению, будут ли пятистенки значительно теплее землянок. Но зато они были заметно чище – тот же Вячеслав мимоходом обронил, что делать надо только так, а к мнению лекаря явно стоило прислушаться.

Кроме того, от земляного пола все-таки ощутимо несло холодом. Стелить же туда тес – это просто зарывать в землю столь ценный ресурс. Решили, что когда зима придет, тогда люди сами смогут определиться, а пока строить надо по-новому, чтобы было с чем сравнивать.

* * *

Тимка довольно потирал руки. Вот и он на что-то сгодился.

Здорово, что отпраился сбегать на разведку перед ночевкой, день почти сэкономил!

Закатное солнце ласково светило через ветки деревьев, и хотя настырная сорока постоянно держалась у него за спиной, ее стрекот почти не раздражал.

Как же хорошо вокруг!

Огромные сосны, темно-синее небо, зеленые ветки... По стволам ползают большие черные мураши, протоптавшие свои дорожки между толстыми пластами светло-коричневой коры. Бабочка махнула оранжевыми крылышками прямо у него под носом.

Трава с серыми ошметками старой, высохшей хвои стелилась у Тимки под ногами, а те сами бежали к месту стоянки. За плечами у него висел самострел и мешок, где лежали образцы известняка, которые он нашел на обрыве глубокой яруги, бывшей когда-то руслом лесной речушки. Может, конечно, эти камушки и не те совсем, но уж очень они подходят под описание отца. Тот же упомянутый им бело-желтоватый цвет с неблестящей поверхностью.

Об этом месте почти на самом берегу Ветлуги вспомнил Пычей, когда беседовал с Тимкиным батей, обсуждая постройку новой веси. Осталось только найти, но это как раз и оказалось самым сложным, поскольку отяцкий староста не мог вспомнить точных примет – сказал лишь, что в двух часах хода вниз по течению за нижним гуртом. Может, нашли бы и другие месторождения в тех районах, где пытались обнаружить руду и глину, но неожиданный буртасский рейд прервал поиски в самом разгаре. А теперь... теперь известняк нужен был очень срочно, а почти весь народ был занят или болел.

Именно поэтому решили сначала проверить уже известное место.

Судя по всему, расстояние, которое упомянул Пычей, тот измерял, не плывя на долбленке, а добираясь пешим ходом через непролазные заросли по берегу реки. Так что эта яруга оказалась гораздо ближе к гурту, чем им показалось по объяснениям. Но при этом они потратили столько времени в поисках по дремучему лесу...

Зато теперь, похоже, их мучениям настал конец. Сейчас Тимка выйдет на ту поляну, где остановились Антип и Радка, занявшиеся по приходе на новое место разделкой подстреленных уток, а уж там...

Тимка отвел в сторону ветки последнего куста, прикрывающего вид на лагерь поисковиков, и остолбенел, уставившись на погасшее кострище.

Вместо обычной суеты напарников его встретила оглушающая тишина. Везде валялись впопыхах разбросанные вещи, а у самого костра лицом вниз лежал Антип. Подавив в себе желание сразу броситься к охотнику, Тимка достал из-за спины самострел, взвел его, стараясь поменьше шуметь, наложил болт, накрыв его предохранителем, и только тогда осмотрелся вокруг.

Лес будто вымер.

Вязкое молчание окутало сгущающиеся сумерки таежных зарослей.

Никого...

С трудом повернув охотника на спину, Тимка ощупал его с головы до ног. Вроде в порядке, никаких ран, кроме наливающейся огромной шишки на пол-ладони выше виска и сочащейся крови из ссадины оттуда же.

«Ох, опять тебя, дядя Антип, угораздило по голове словить...»

Наскоро ополоснув его ссадину водой из ближайшего ручейка и перемотав голову раненому чистой тряпицей, Тимка начал обходить поляну по кругу, пытаясь отыскивать следы, как его учил охотник.

Так, это та прогалина, по которой он сам ушел и вернулся, а тут... нет, паутина висит нетронутой. А вот в этом месте свисают лохмотья, и паук совсем недавно начал опять перекрывать проход своей белесой тонкой нитью. Да, судя по всему, пришли с противоположного направления от того, куда бегал он. А может, ошивались где-то рядом? Хорошо, что не столкнулся.

«Ох, надо еще осмотреться...»

Однако других следов последующий поиск не дал.

«А долбленка, на которой они приплыли, цела ли? Неужто пропустил? Да, точно...»

Пробежав полсотни метров до Ветлуги и не обнаружив там лодки в кустах, Тимка удрученно вернулся обратно. Немудрено не заметить следов на тропочке, которую они натоптали, когда таскали вещи в глубь леса.

«Куда же ушли чужаки, и где Радка?»

Еще раз осмотрев Антипа и не решаясь потревожить охотника, Тимка уложил его чуть удобнее, подложил под голову что-то мягкое и нарисовал на земле стрелку, показав направление, куда он пойдет. Дождь вроде не собирался, так что была вероятность, что его знаки не смоем.

«Уф-ф... теперь в путь», – сказал он себе и отправился к Ветлуге, где свернул вниз по течению, удаляясь от нижнего гурта.

Однако не прошел он и трех-четырех сотен метров по берегу реки, как заметил в кустах неестественно смотрящийся там обработанный кусок дерева. Потянув его с силой на себя, он вытащил на песок заляпанную кровью долбленку с длинной трещиной, тянувшейся по дну.

И тут же сверкнула мысль.

«Неужели сбежавшие бургасы? Это же они увели ночью лодку, да и стреляли по ним, может, и попали... Вот и кровь. Если так, дело плохо...»

Что уж они сделали с утлым суденышком, Тимка знать точно не мог, но догадаться можно было вполне. Пытаясь с раненым пристать в темноте к противоположному от возможной погони берегу, неловко налетели на корягу, и не слишком крепкая лодочка треснула...

«Так, значит, они тут несколько дней обитали. То ли раненый не давал им двигаться, то ли другие причины... Стоп, посмотрим следы на песке... да, есть чуть ниже. Кто-то выходил оттуда... двое! А через некоторое время зашли обратно и, похоже, что с вещами: следы чуть глубже...»

Тимка метнулся в лес и через некоторое время обозревал покинутую стоянку бургасов, теплые угли костра... Как им не быть теплыми: он отсутствовал в лагере всего часа два, не больше. Наверное, воины заметили их суденышко и, увидев, что они пристали к берегу, решили забрать долбленку, а заодно и то, что под руку попадет... Вот Радка им и досталась – другой причины исчезновения девушки Тимка не находил.

«Гады... как догоню, так сразу порву на куски, – сказал он себе, прекрасно осознавая, что ничего такого он сделать с воинами не сможет. – И все же, все же... Скоро стемнеет, и они через час-полтора должны встать на стоянку, если не захотят еще раз рискнуть лодочкой. Радку нельзя бросать. А если этой ночью ее не вызволить, то больше можно не увидеть».

Проверив наличие болтов, и потрогав для успокоения нож, Тимка двинулся дальше по берегу.

Молодость не сомневается и не боится – она еще не знает, что такое смерть. Молодость идет вперед напролом, движимая своими мечтами и идеями... Разными мечтами и идеями.

Некоторые не стоят ни гроша, некоторые несут разрушение и смерть, но некоторые содержат в себе такую чистоту и такое самопожертвование, что сверкают перед потомками звездами первой величины среди остальной серости бытия и дают им желание жить, подобно тому как капли живительной влаги спасают путника в пустыне.

Главное, чтобы они были время от времени, орошая собой род человеческий.

* * *

Радка до сих пор не могла прийти в себя после оплеухи, которую ей закатили в первые же секунды нападения. Как же нелепо они попались...

Когда зашуршали кусты, то она подумала, что это возвращается Тимка, и даже не повернула головы. Но спустя мгновение увидела, как вскакивает отец, тянется за луком... и падает, получив плашмя мечом по голове. И тут же сама летит на землю от толчка в спину, с нее слетает шапка, коса бьется как живая по земле.

«Подняться, убежать... быстрее! А-а-а! Сильный рывок за волосы – и боль по всему лицу от руки в кольчужной рукавице.

Не успела, не успела, всё... А Тимка на свободе, спаси его Господь!»

Сознание вернулось только в лодке, где ей пришлось лежать со связанными впереди руками и затекшими от тугих пут ногами.

«Сколько уже плывем? Час? Два? Сутки? Не вспомнить».

Сверху слышались голоса, и долбленка ткнулась носом в прибрежный песок у обрывистого берега. Кто-то потащил ее из лодки, вскинул на плечо и понес в лес. Жесткое окольчуженное плечо било по ребрам и под них, вызывая судорожные спазмы боли и невольные вскрики сквозь прикушенные губы. Мгновение полета, рывок за косу – и земля встретила ее мягкой хвойной подстилкой и узловатыми корнями елок, попавшими прямо на бедро.

«Ах, чтоб тебя! У-у-ух, как больно...»

Ну вот, мучитель отошел, теперь можно и выдохнуть, переждать, когда боль затихнет, и попытаться расправить затекшие конечности...

Путы с ее ног сняли примерно через четверть часа, сразу после того как воткнули заостренный колышек в середину поляны. Привязали к нему короткой веревкой все еще стянутые кисти рук, бросили кусок утки, ею же и запеченной еще на стоянке, поставили туесок с водой.

Утиная ножка покатилась по листве, набирая на себя пучок сухих хвойных иголок. Ешь, мол, прямо так. Ух, благодетели! Старший, ударивший ее по лицу воин даже кивнул на кусты, предлагая сходить по нужде, если желает. Подняла выше голову, мотнула посильнее: не хочу...

«Ох, это же буртасы сбежавшие: те самые лисьи хвосты на спине... Что сделают со мной? Что? Насиловать не будут – уж больно равнодушно смотрят, мала для них, видать... К булгарам повезут? Да, скорее всего. Продадут в наложницы на невольничьем рынке, и прощай навеки, родимая сторонка».

Сердце захолонуло от тревожного чувства возможной потери, и Радка еще раз огляделась.

Трое воинов сидели около огня, спрятанного в яме на месте вырванной с корнем огромной ели. С реки и не заметишь: слишком слабые отблески по верхушкам деревьев...

«О, Господи, Господи! О чем я, неужто помощи какой жду?!»

Вскоре двое из воинов легли спать рядом с костром, а третий ушел куда-то в подлесок. Радка тоже попыталась уснуть, однако сон не шел. Время мучительно тянулось в нерадостных размышлениях и переживаниях. И не только о себе.

«Отец получил мечом плашмя по голове, может, выпросить что хотели, а может, клинок так пошел, кто знает... Прирезали потом или жив еще? Если жив и очнулся, ищет ли? Ох, сколько вопросов, и нет... не будет на них ответов!»

Голова и шея болели невыносимо, и она прислонилась ею к свежему березовому колышку: слышала, что дерево боль с человека снимает.

«Сними и ты с меня ее, частичка березовая...»

Стало немного прохладно, и Радка ногами закопалась в хвою, хотя и знала, что от земли потянет холодом и тот вытянет у нее остаток сил.

«Эх, теперь уж все одно... Жалко, что Тимку она уже не увидит больше, – по нраву он ей пришелся, легко с ним. Ну да ладно, судьбинушка у нее такая... Судьбинушка? А если на меч броситься или в воду упасть связанной? Так, может, это и есть моя судьба?

Радкины глаза вспыхнули отчаянием...

«Будь что будет, не хочу жить вдали от лесов родных, рек прозрачных. Сбегу! А не суждено мне такое, так тут в землю и уйду... Для начала повернусь, будто во сне. Один из буртасов первый час на нее поглядывал, да и сейчас спит сторожко. Ох, кол даже не шелохнется... Все равно – лягу вокруг него и буду совсем понемножку тащить».

Через час мышцы спины болели невыносимо, хотя казалось, что кол уже начал поддаваться. Да и кисти рук уже один раз сводило судорогой, и в голову закрадывалась предательская мысль:

«Да зачем все это? Все равно поймают да накажут. Может, потом прыгнуть с лодки? Так будет легче умереть, просто надо отложить чуть-чуть усилия, сделать все потом, утром...»

Но жгла и другая мысль: «А как же Тимка? Он так же поступил бы или сражался до конца, каждое мгновение?»

И опять содранные в кровь ладони тащили ненавистный колышек из земли... Иногда казалось, что прошла вечность, но, судя по ночному светилу, минул всего лишь час или два...

«Чу, что за вскрик в глубине леса? Или это волчара настиг свою добычу, и она жалобно всхлипнула в свой смертный час?»

Однако почти неслышно за спиной поднялся тот, давешний буртас, что подглядывал за ней, и скользнул мимо в ночную тьму.

Опять потекли мгновения, одно за другим. Нужно не шевелиться, замереть. Дышать так спокойно, будто спишь, – вдруг он вернулся и смотрит на нее из тьмы?

Тишина...

Неожиданно поблизости, за спиной, треснул сучок, и вслед за этим звуком раздался гулкий щелчок тетивы. Этот звук она ни с чем не спутает! Это новый Тимкин самострел, который ему вручил полусотник за свое спасение. Ноги сами дернулись, и она через мгновение стояла на колене, держась обеими руками за злополучный кол.

Тимка стоял спиной к ней, заряжая самострел, а в яме, вскинув к горлу руки, хрипел один из буртасов. Предательские слезы сами хлынули из глаз.

– Тимка, Тимка, ты пришел...

Радка бессильно опустилась на землю.

– Второго я завалил, не бойся.

Не поворачиваясь к ней, ее друг продолжал возиться с непослушным самострелом.

– Третий... был третий, – прошептала она.

– Что? – вскинулся Тимка.

И тут же в кустах затрещало, и через поляну размытой тенью ринулся буртас, вскидывая меч в направлении Тимки.

– Тимка, сзади-и-и-и! Не-э-э-эт!!!

Радка вскинулась и нечеловеческим усилием потянула кол из земли. Тот выскочил, и она пошатнулась, запрокидываясь назад, однако все-таки восстановила равновесие и бросилась наперерез буртасу.

Тимка уже поворачивался, но еще судорожно пытался взвести самострел, наступив ногой на рычаг, а рукой орудя «козьей ножкой». Радка, видя, что уже не успевает, оттолкнулась обеими ногами и стремительным броском, выпростав вперед руку с колышком, прыгнула вдоль земли на бежавшего мимо нее буртаса...

За мгновение до этого последовал щелчок взведенной тетивы, и Тимка выпрямился с наложенным на самострел коротким болтом, однако острие клинка уже летело ему прямо в живот.

Все произошло одновременно...

Колышек ударил по вытянутой руке буртаса, шелкнула тетива спущенного самострела, и лезвие, страшное лезвие пронзило фигуру Тимки.

– Тимка!!! Тимка! Тимка...

Радка ползла прямо по скрючившемуся телу поверженного воина, цепляясь портками за оперенье торчащего из него болта, и судорожно повторяла мальчишеское имя, надеясь, что тот, уже упавший на колени, не рухнет на землю совсем.

– Тимочка... родненький, не умирай... не умирай, солнышко.

– Да что ты, Радка... все хорошо, ох... Меня лишь чуть-чуть задело.

– Сей миг тебя в лодку посажу, и до гурта враз доберемся... Не успеешь оглянуться...

Радка обняла своего спасителя, и рука, дотронувшаяся до его рубашки, сразу испачкалась в теплой жидкости. Голос ее дрогнул, а губы смогли выбросить из себя лишь какой-то невнятный писк:

– Ти-и-имка...

– Нет там лодочки, отпустил я ее по течению, чтобы они не поплыли дальше, если что... – Голос его прервался, тело вздрогнуло, но он все-таки продолжил. – Жив твой отец, Радка. Ощутимо его приложило, но он жив, я его перевязал и там оставил. Ты, главное, доберись, расскажи про него...

– Тимочка, я тебя не оставлю, я тебя... – замолчала она, чувствуя, как бессильно обвисает его тело. – А-а-а-а-а! Тимка!!!

Глава 17

Ушкуйники

– Нет, нет же, полусотник! Перекатом, да в полном доспехе, не минуешь ты меня. Прити не хватит – и располосует тебя мой меч до костей. Тяжела бронь, дабы в ней скакать подобно этому... как ты назвал давеча? Стрекозлу? Козел со стрекозиными крыльями али другое что? Тьфу... Дьявольское наваждение ты своими словами в мыслях вызываешь. Где токмо видывал такое?

Воевода повел плечами, бросил тяжелый деревянный меч под лавку и плюхнулся на нее всем своим немалым от доспеха весом поближе к сидящему там Радимиру.

– Не надо было тебе кольчугу снимать! Мнилось мне, что польза будет, ежели ты на своей шкуре удары меча ощутишь. Авось держаться от острых железок с того мига подальше будешь. Ан нет, щит бросил, прыгать через голову стал – так и самого себя немудрено на меч вздеть! Это тебе не засапожником под чужим ухом ковыряться, тут другое разумение нужно... Да ты подползай, подползай! Или сил нет? Так вина в этом лишь твоя! Пошто вздумал на заре людишек баламутить? Я вечор засиделся допоздна, так самый сладкий сон мой прервал...

– Да то не я был, это Агафья криком изошлась.

Иван, кряхтя, приподнял свое непослушное тело и пододвинул его поближе к лавке.

– Агафья... Перепугал бабоньку до полусмерти! А стала бы она заикой? Как в таком разе перед Любимом ответ держал бы?

– Заикой... Это она меня заикаться заставила. Как бадейкой шандарахнула!

Полусотник наконец оперся о лавку и немного перевел дух.

– Шандра... ахнула. Зачастую у тебя такие слова проскакивают, что понять их невозможно до конца, однако ахнул ты от бадейки, сказывают, не тихо. И на кой ляд те такие игрища нужны? Объясни, сделай милость...

– А как иначе определить наши слабости? Давай посчитаем, что выяснили. Во-первых, дозор ни к ч... Понял, понял, не поминаю... Никуда он не годится! За ворота уже пробрались, а дозорный только рот успел раззявить на вышке! А если бы буртасы так подошли? Еще раз повторюсь – сильно повезло нам, что побить их сумели, больше такой удачи не выпадет.

– Гхм...

– Во-вторых, раззявил он свой рот лишь после того, как его стрелой сняли, ну... за это он, надеюсь, получит свое, а вот остальные что делать стали после крика Агафьи? В исподнем да безоружные на улицу выскакивать? Так мои хлопцы их как раз на выходе из землянок ждали. В итоге – еще пять твоих «условно убитых». Правда, не весь народ разобрался, что почем! Некоторые с топорами и жердями полезли на моих «леших», а те ведь даже слова по-нашему не могут сказать! Только «бе» да «ме»!... Егеря, итыть их в задницу. Хорошо, что охотников я расставил среди отяков, те успели встрять и объясниться, иначе без смертоубийства могло и не обойтись. Эта зарубка нам на то, что язык друг друга надо изучать.

– Пусть они наш изучают, – вмешался воевода. – Нешто мне надо по-отяцки лопотать? Они же под мою руку пошли, а не я!

– Так-то оно так, – терпеливо ответил Иван. – Только запомни: самые гнусные проблемы выползают, когда между двумя народами искра неуважения проскальзывает. Конечно, в первую очередь надо именно им учиться для того, чтобы команды правильно понимать. Да и в мир если выйдут с торговым караваном – без нашего языка там никуда. Однако вежу к ним тоже надо проявлять. При случае пару фраз вставить, пошутить как-нибудь на их языке, пусть даже впросак попадешь и посмеются над тобой. Тебе это ничего не стоит, да и послушание их потом наверстаешь, а им лестно будет, что воевода ими не гнушается.

– Ну...

– Ну, да это я отвлекся... Теперь в-третьих. Это уже пошли наши проблемы, когда дружинную избу решили взять наскоком. И так понятно, что с саблями и мечами в сенях особо не развернешься. А после того, как ты со Сварой лавкой в избе их повалил, оружие отнял и взашей всех выгнал, стало совершенно понятно, что в тесном пространстве биться мы совершенно не умеем! Так что надо подумать, как из этой ситуации вылезти. Взять те же гирьки – ими управляться неудобно, когда меч в руке. Так мне кажется, по крайней мере. Однако не факт, что я прав, надо пробовать.

– Пробуй! – пожал плечами воевода.

– А вот самострелы короткие точно нужны, да и ножи надо учиться из любого положения бросать. А еще людей расставлять по местам, чтобы каждый знал, что делать надо при штурме! Короче, навыки эти еще отрабатывать и отрабатывать. И защиту, и нападение. Однако прежде надо разбить полусотню по способностям. Вот в следующий раз вторую половину попробую в деле и начну делить. Утром же я только два десятка приводил, остальные строиться помогают.

– И когда тот раз наступит? – ухмыльнулся воевода.

– Так я тебе и выложил... – Полусотник все-таки втащил свое побитое тело на лавку и прислонился к бревенчатой стенке дружинной избы. – Хотя нет, скажу. Завтра утром. Или на следующий день. Жди. Спать не будешь ночь-другую, а я днем приду или на закате, как внимание твое ослабнет.

– Хитер ты, – прищурился Трофим. – Однако на такие ухищрения твои я согласен. Только пригони своих к концу дня на выучку. Мы со старшими дружинными покажем им, как меч в руках держать, да погоняем, чтобы ночами спали, а не по лесам разгуливали... А то ладно бы меня разбудили! Свару так прямо с бабенки какой-то сорвали... Ворвался в избу весь заполошный, в какой-то трухе и сене, глаза красные с недосыпа, сразу лавку в руки схватил и пошел войско твое мутузить. Немудрено, что он тебе поутру такой урок устроил, что ты ноги еле таскаешь!

– Да он каждый день меня так изводит, ты к вечеру только полировку на меня наносишь для крепкого сна.

– Хе... – хмыкнул Трофим. – То-то я смотрю, что ты внимания вдовицам нашим не уделяешь. Или скажешь, что тебе их пламенные взгляды в диковинку? Может, не устраивают они тебя чем? Так девиц в веси много, перебирай хоть до морковкиного заговенья... И дитё лишним не будет, землицу тут поднимать и поднимать, а в старости будет кому воды поднести.

– Вот насчет этого я как раз и поговорить хотел...

– Да тут не говорить надо, а по кустам баб тискать, как Свара, – скорчил ехидную рожу Трофим. – Он там своих суженых каждую ночь находит. Или не работает что у такого воя, как ты?

– Не беспокойся, воевода, на этом поприще я тебя не подведу, – постучал Иван костяшками пальцев три раза по лавке. – Я про другое с тобой хотел поговорить... Смотри, какой расклад выходит. Переяславских три сотни с трудом наскребем, считая детишек, а отяков уже почти в полтора раза больше набирается, да еще прибавление ожидается, после того как они заявили, что святыни свои в новую весь унесли, так?

– Оно так и есть, Иван, да мы на коне, – встрял в разговор Радимир. – Под нас они пошли, мы верховодить в этом, как ты рек... раскладе будем. Да и селим мы их вперемежку с нашими, обиды никакой не чиним – что за волнения у тебя?

– Как бы не привело такое житье к загниванию, – задумчиво повертел Иван в руках подобранный веточку. – Был у нас ученый человек, жизнь разных народов изучал, и понял, что многие из них проходят в развитии своем несколько шагов или ступеней. Сам про это я не знал, Вячеслав рассказал как-то...

– Так не тяни, поведай нам ученье это, – подтолкнул его Радимир.

– А я что делаю? Так вот... На первом шаге обособливается тот народ из какого-нибудь племени, свои традиции у него появляются, язык иногда меняется. Живет себе и живет в соседстве с остальными, а потом как обухом по нему – и начинает у него много таких людей рождаться, которые не могут по-прежнему жить. Вячеслав пассионарностью такое свойство называл, а если проще, то у таких шило в заднице. Когда их еще мало – это благо для народа. Они что-то новое привносят, людей в единый кулак собирают и прочие полезные штуки вытворяют. Но потом растет их число, и становится им тесно друг с другом, начинают они людей за собой звать неведомо куда.

– И куда же?

– Иной раз войной на соседей идут, а иногда у себя свару в доме учиняют... И великие дела сотворить могут, как тот же Цезарь или Александр Македонский, и худые – извести свой народ под корень. А потом сходит число этих людей на нет, и если успели они создать к этому времени что-то прочное, то дети их еще много лет живут этим. Но все хорошее всегда кончается и всякое великое тоже рушится. И очень далекие потомки становятся слабыми и уже живут, как наши отяки: в ладу с природой, охотятся, рыбалют, но ничего такого, что удивило бы окружающий их мир, создать не могут. До того момента, пока опять таких людей не станет много, однако это очень редко случается...

– И ты думаешь...

– Мыслю я, что русский народ, ну... русских или русинов, как люд киевский называют, скоро это и ждет. И чаще всего такое происходит, по моему мнению, когда племена разные одним народом жить начинают. Силой или по доброй воле – все равно. Те же словене, поляне да древляне под Рюриком соединились, и сильная Русь пошла с этого. У нас говорили, что это связано как-то с генами, но объяснить что это такое, я вам не смогу... А, вот! Всю мощь берут эти пассионарные люди от разных племен, и она возрастает от этого в них многократно.

– Может и так, – кивнул старик. – Теперь худо на Руси становится, и людишки на полуночь бегут, да еще немного к восходу заворачивают. А тут меря, мурома, мешчера, да чуть отличные от них отяки, мордва и черемисы. И первых трех достаточно, чтобы новый толчок дать Руси, а уж с остальными такое может начаться...

Полусотник согласно покачал головой и стал ломать ни в чем не повинную веточку.

– Ну, усилятся русский народ. И что? – прервал его молчание Трофим. – К чему речь свою вел?

– Усиливается народ, когда соединяющиеся племена равны, либо тот, кто духом сильнее, числом поболее, – поднял голову полусотник. – Иначе растворится мощь пассионариев в слабости более многочисленного племени. Нельзя нам разбавляться отяками в таких количествах! Стараться надо бегущий с Руси народ сюда поворачивать. Да и нужны нам людишки, ой, как нужны для дел наших...

– Так не токмо в Суздаль и Рязань они бегут – и на заход солнца уходят от разорений половецких да раздоров княжеских, – добавил Радимир. – Может их повернуть, да только чем заманить таких?

– Не знаю я, ничего пока не знаю, – покачал головой Иван. – Но часть доходов с торговли на это надо пустить.

– Да пустим, коли будут они, – с сомнением посмотрел на полусотника Радимир. – Токмо жуть меня берет от той дали, куда ты заглядываешь. Обычный людин годом живет, мы с воеводой чуть далее смотрим, а ты как бы не века проживаешь в мыслях своих... Уж не из тех ли ты людей, что жить не хотят по-прежнему?

Неожиданно их разговор прервал Петр, протиснувшись через калитку в тын.

– Воевода! Мнится мне, гости новгородские торговые идут с низовьев, оснастка на ушкуе их. Зазовем или нет?

– Давай, токмо дружинных всех подними и на боевой лад их настрой. Гости с Новгорода разные случаются, – кивнул Трофим, вставая с лавки. – А мы покамест ополоснемся у колодца и встречать их выйдем.

– А чем ушкуй от лоды отличается? – озадачился Иван.

– Судно это неширокое, легкое да быстроходное, – на ходу стал отвечать воевода. – Мачта съемная, гнезд для уключин нет, клинья под весла ставят. Вместо руля обычное кормовое весло, да палуба местами есть. Что с носа, что с кормы одинаков, может, не разворачиваясь, мигом от берега отойти.

– Сколь у нас дружинных в веси ныне? Никого не отсылал? – спросил полусотник, когда они с воеводой дошли до места и стали поливать друг другу колодезной водой из бадейки.

– Полтора десятка не наберется, новых считая, – ответил, покряхтывая от холодной воды, льющейся ему на спину, Трофим. – А отяков ты сам покуда в новую весь отпустил. Дел невпроворот.

– Хм... Это да, только сомнение меня разбирает... хватит ли нам сил, если заматня с гостями выйдет? А сколько может быть человек у новгородцев на ушкуе?

– Десятка три людишек может набраться, все вои, – ответил воевода, отфыркиваясь.

– Вои? Для торговли зачем ими весь ушкуй набивать? – озадаченно спросил Иван.

– А ты как думал? Торговлишка – дело зело опасное. А новгородцы не токмо ею промышляют, а и разорение могут учинить, егда пожива есть и сила на их стороне. Самые лихие головы у них такими делами занимаются. Потому клешни свои Великий Новгород и запустил аж до самых верховьев Ветлуги и Вятки. Сбор дани своей по всей полунощи ведут, меха любят, медом да воском берут. Ни от чего отказа у них нет, все метут. Оттого и богат сей торговый город.

– Не рискуем ли мы головами своими с такими людишками?

– Ну... приукрасил я малость, – признался Трофим. – Не все так худо, как сказывал. Большею частью торговые дела они ведут. Тын мы затворим, глянем сперва, что за купцы такие. Да и окромя дружинных ныне в веси еще наберется десятка три тех, кто лук поднять сможет, хоть и без брони они. А торговые новгородцы токмо на лакомый кусок падки. Коли кровушку пролить придется хоть за что, то шагу не ступят. А нам вести с Руси узнать ой, как не мешало бы.

– И все-таки призову я вторую часть дружины нашей, – покачал головой Иван. – Все равно хотел завтра их в деле проверить.

– Твоя воля, токмо будешь их по мелочи тягать – так взроптать могут они. Как бы не лишиться нам дружины в одночасье.

– Как раз по каждой мелочи и собирался их звать, – воспротивился полусотник. – Пусть и остальные видят, что хлеб воинский не лежанием на печи достается, а постоянным учением...

– Вот те на, – изумленно поднял брови воевода. – С какого рожна лежание на печи сродни лени стало? Это как в костер прилечь. Токмо ворогов так пытаются.

– А вот как опробуешь зимой нашу печку в четверть избы, – улыбнулся Иван, – так и слезать с нее не захочешь. Эй, эй, Мстиша, – позвал он быстроногого мальчишку, пробегающего мимо. – Есть у тебя кто-то под рукой, кого в новую весь можно отправить? Пычею передать надо, что вторую половину рати посмотреть я хочу, да и про новгородцев сомнение мое пересказать. Думаю я, что к тому времени, когда заявятся наши вояки поутру, новгородцы не исчезнут еще. А им силу нашу показать надобно, чтобы в следующий раз эти торговые гости мимо проходили да мыслей жадных не держали про добро наше.

– Сам мигом слетаю, – отозвался скорый на все Мстислав.

– Нет, пошли кого-нибудь быстроногого, самому тебе и здесь дело найду. Попытаешься выведать, что везут они, да сколько их всего. Возьмешь ребят, пристроишься рядом с их лодьей, в салочки или во что другое поиграете... В общем, не мне тебя учить.

Мстислав коротко кивнул и мигом улетучился, а воевода с полусотником, не слишком торопясь, обтерлись докрасна жестким полотенцем и привели себя в порядок. Все-таки гостей встречают, надо себя лицом показать, прежде чем другим оценки выставять.

* * *

Темный силуэт стрижа мелькнул над водой и взмыл в хмурые небеса, шелкнув напоследок ножницами острых крыльев, прорезавших воздух, как невесомый лист бумаги. Прозрачная синева недостижимого для смертного неба была скрыта темно-серой пеленой облаков, готовых разродиться частым мелким дождем, и стремительные птицы опустились почти к самой земле.

Глядя на такое безрассудство, черно-белая подвижная трясогузка перелетела из кустов к урезу воды и затрясла своим хвостом над скоплением водорослей и травы, выброшенных волной на берег.

«Не трожь, не летай, это все мое!»

Неожиданно рядом с ней покатались мелкими камешками комья сухой глины, взявшие свой разбег с речной кручи, и птаха решила перепорхнуть в более безопасное для пропитания место.

Вслед за обрушившейся землей с края обрыва свесилась девичья голова, покрытая смесью паутины, старых хвойных иголок и мелкого лесного мусора. Голова устало вздохнула и спряталась, однако после некоторого перерыва и сопения на берегу появилась ее хозяйка, тащившая за собой целый ворох перевязанных меж собой еловых веток.

Кромка обрыва немного помедлила и решила съехать вниз тяжелой грудой небольшого обвала. Стоящая на ней девчушка взмахнула руками, потеряв равновесие, и кувырнулась вниз, потянув за собой волокуши из лапника. Наконец потревоженный берег умиротворенно замер, вынеся своих обидчиков прямо на берег реки и засыпав им ноги смесью дерна и песка.

Девчушка приподняла голову и, поднявшись, стала вытягивать волокуши из завала, попутно стряхивая грязь с мальчишеской фигуры, лежащей на еловых ветках.

– Вот, Тимка, мы и обошли тот обрыв, под яким протиснуться не можно было. Потерпи немного, еще чуть и дойдем до того места, где ты лодочку треснувшую видел. Я лишь отдышусь слегка...

Вся прошедшая ночь и почти половина минувшего дня слились в один непрекращающийся кошмар. Ночные тревоги полоненной Радки и борьба с неподдающимся колышком, стремительный ночной бой, окончившийся тяжелым Тимкиным ранением, были только его предвестниками. А потом начались сущие мучения, как только высохли слезы на девичьих глазах.

Раздув тлеющие угли, Радка разожгла костер и на его свету нашла котомку с вещами и походный котелок, которые бургасские грабители по счастью захватили с собой.

И начала врачевать.

Кое-что она запомнила из их первого с Тимкой похода, когда лекарь лечил ее отца. Кое-что подсмотрела в лесу, когда тот чистил и перевязывал раны. Все пошло в дело.

Часть тряпиц были сунуты в начавшую закипать воду, а наиболее чистые из оставшихся Радка свернула в несколько слоев.

Потом подтащила Тимку к костру и расстегнула на нем рубашку, которой всегда раньше удивлялась, разглядывая ровную строчку ниток и ряд пуговиц во всю ее длину. Осмотрела длинную, истекающую кровью резаную рану, наискось уходящую к спине вдоль ребер с правой стороны. Положила под нее приготовленные холстины и прижала их Тимкиной же рукой. На глаза опять навернулись слезы, но медлить она не стала.

Ополоснув свои руки в протекающем ручейке, выхватила болт из тула и подцепила им тряпицы из котелка, поискав место, где их можно было вывалить. Не найдя ничего, стащила с

себя исподнюю рубашку, оставшись по пояс голышом. Едва начавшая расти грудь, под стылым ночным ветром сразу покрылась мурашками, расползшимися по всему телу. Вывернув белье наизнанку, Радка сбросила туда тряпицы, а котелок с новой порцией воды опять поставила на огонь.

Потом, ругаясь, что не заготовила сбора трав заранее, подожгла смолистый сук и отправилась бродить по опушке в поисках ромашки. Та не нашлась, но спустя некоторое время Радкой были сорваны цветки едва распустившегося тысячелистника, которые были незамедлительно завязаны в тряпицу и отправлены в кипяток настаиваться, а также листья подорожника, тщательно вымытые в ручье и на миг окунутые в горячую воду.

Тем временем Тимка очнулся.

Бледное заострившееся лицо на фоне отблесков костра вызывало жуткое впечатление. Вымолвить тот ничего не мог, но глаза его искали Радку. А найдя, успокоились и закрылись.

Тем временем остужаемый в ручье настой перестал обжигаться, и юная лекарка повернула раненого слегка набок, отчего тот протяжно застонал, а потом стала осторожно смывать кровь, щедро поливая тело настоем.

Было страшно раздвигать края раны, кровотечение сразу возобновлялось с новой силой, но не промыть ее до конца означало оставить возможность воспаления.

«Кажется, лекарь называл это сепс... нет, не выговорить», – подумала Радка.

Подложив листья подорожника и прокипяченные тряпки, она стала накладывать тугую повязку вокруг ребер, разодрав на полосы свою рубашку и используя отрезанные куски от нательного белья буртасов, которые она отхватила, задрав им кольчуги. Снять доспехи, припиленные болтами к телам, Радка не смогла, как ни пыталась.

Саму перевязку она старалась проводить как можно осторожнее, но все равно Тимку, уложенного на хвойную подстилку, приходилось постоянно поднимать. Тот стонал от боли, временами приходя в сознание и глядя на нее помутневшими глазами.

Наконец мучение закончилось, и Радка, обессиленная, забылась тяжелым сном около костра, тесно прижавшись к своему другу и накинув на голые плечи какие-то обрывки холстин.

А наутро она, с трудом поднявшись из-за пронзающего ее холода, стала рубить буртаской саблей длинные тяжелые ветви елей, связывая их вместе оставшимися полосками материи. Наскоро попив горячей воды, Радка покидала в котомку найденную еду, засунула туда котелок и стала перекладывать на волокушу Тимку. Прихомутив того под мышки к ветвям, взялась за толстый ствол и, напрягшись, сдернула груз с места.

А дальше овражки и перелески, ручейки и прибрежный песок слились в сплошную муть перед глазами. Правый берег Ветлуги был в этом месте крутым, и местами приходилось идти в обход, потому что глубокая вода подступала к самому обрыву.

Радка постоянно отбегала вперед, проверяла путь и опять впрягалась в волокуши, взявшись за перекрученные жгутами буртасские штаны, привязанные к веткам. Умаявшись с самого начала дергать за еловые стволы и засаживать занозы в ладони, она вернулась к костру и сняла с окоченевших тел нижние портки, соорудив из них что-то типа упряжи. Дело пошло веселее, однако радости не было: Тимка всю дорогу лежал бледный и почти не приходил в сознание.

Он потерял много крови, а задело ли лезвие при этом что-то важное, Радка знать не могла. Поэтому и волокла из последних сил на себе раненого поближе к нижнему отяцкому поселению. Только там она могла бы позвать на помощь. Про настигшую их беду никто знать не мог, искать охотника и двух детей не стали бы еще долго. Седмицу или две, как водится. А Тимка вряд ли бы дожил до этого времени.

О том же, что стало с ее отцом, Радка даже думать не хотела. Сердце сразу начинало биться, глаза наливались непрошеными слезами, из-за чего прибрежная дорога расплывалась

мутными пятнами, а ноги начинали спотыкаться о корни деревьев и цепляться за низкие ветки кустов.

Отдышавшись, Радка впряглась и продолжила свой путь по кромке прибрежного песка. Привычная тяжесть навалилась на одеревеневшие плечи, еловые ветки мерно шуршали за спиной.

В шорох задевающих о мокрый песок еловых колючих рук вплелся мерный плеск на воде. Ватная от усталости голова даже не осознала чужеродности новых звуков, и она отпрянула в сторону, только когда сзади раздался скрежет чего-то тяжелого. Повернувшись, Радка оторопела, взглядевшись в клыкастое чудовище, вознесшееся в сажени над нею.

Длинная вытянутая морда с разинутой пастью, раздвоенным языком и маленькими злыми глазами переходила в чешуйчатое, узкое тело темно-желтого оттенка. К низу его шея утолщалась и плавно расширялась в борта лодьи с поднятыми над ней рядами весел с каждой стороны. Поняв это, Радка всхлипнула и осела на берег. Рядом с хрустом вонзились разукрашенные сапоги, по щиколотку увязнув в прибрежном песке под грузом тяжелого тела.

– От и горка к остальному навару. Медяк к медяку, как речет умудренный люд. Гляньте, что за красна девица тут голышем расхаживает. А глаза яки раскосы – никак, местный народишко со степняками спутался... А потешит она плоть мою на остаток пути – с самого Новгорода бабы не было. Ну-ка, сотоварищи, кидайте сию дивчину ко мне за полог, а этого беспамятного в воду, пусть поплавает.

– Не дам! В реке утоплюсь!

Радка на четвереньках кинулась к Тимке, загородив того от дородного купца с отвисшими щеками.

– От какая ярая, это лишь на пользу... Будешь ласковая, так и дружок твой живехонек останется, поняла, дуреха? Грузите обоих на борт!

– Слышь, Слепень, оставь девку. Мала она еще для утех... И кровь первую не уронила, поди...

Худощавый жилистый паренек с запутавшимися в волосах стружками нагнулся с борта и осмотрел девчонку.

– Заткнись, мордовская харя! Тебя не спросили!

Отодвинув паренька в сторонку, на берег попрыгали несколько дюжих воинов.

Один из них, с русой бородкой, во вздетой кольчуге с короткими рукавами и полукруглом шлеме, с одной стороны которого была оторвана бармица, тяжелым взглядом осмотрел лежащих на песке отроков.

– Прав Слепень: два месяца без утех идем, оголодали совсем. А выживет, так и навар с нее получить сможем.

– Понял? – добавил толстощекий в сторону возмутившегося паренька. – Из милости ты к нам взят, а в дела наши встрять хочешь!

– Из милости? Это шкурки беличьи, что в оплату пошли за доставку мою в Новгород, и работу по починке лодьи как милость ко мне выдаете? – вскипел тот.

– Ты рот свой не разевай! Целым тебя никто не обещался доставить. Неровен час, споткнешься и за борт упадешь, – погасил его пыл купец и елейным голосом добавил. – Да и порядков ты наших не знаешь, поди. А на то надейся, что с девкой в свой черед позабавишься. После меня, вместе с сотоварищами моими. И плату за это я весьма скромную приму от тебя...

Толстощекий повернулся к своим товарищам.

– Давай, грузи сей прибыль на борт! Да несите поначалу беспамятного! А то расцарапает она вас... Вот, вот, и искушает! А за ним она сама в лодью прыгнет... Ну, все. Толкай ушкой на воду! Взяли!

* * *

Как стемнело, торговые гости расселись в дружинной избе за щедро накрытым столом, уставленным разными яствами, которых Иван прежде и не видел в веси.

Тут и моченая брусника, и недавно пошедшие слоем белые жареные грибочки, и ароматное сало, щедро посыпанное чесноком. На первое была уха куряча, а уж жареного мяса какого только не было. И зайчатина, приготовленная в кислом соусе и попахивающая какими-то травками, и исходящие соком верченые тетерева и рябчики. Годовалый кабанчик, только сегодня подстреленный кем-то из охотников, возлежал в самом центре стола.

Однако венчал стол, конечно, небольшой бочонок крепкого меда. Из него наливали ковшиком в небольшую братину, и та сразу шла по кругу. Именно поэтому душистое сыто и взвары из лесных ягод остались на столе нетронутыми.

Хозяин у новгородского ушкуя был один – Онуфрий. Но с ним сотоварищами ходили два младших брата, два мощных русоволосых воина, отличавшихся от старшего родича как небо от земли. Тот был гораздо старше них, темнее волосом и сильно раздобрел, что, впрочем, являлось признаком его успешности в торговых делах.

Братьев звали Мирослав и Козьма, но они предпочитали за столом молчать – то ли от скромности, то ли более озабоченные набитием своих желудков. А вот Онуфрий распевал соловьем.

Сказав должное про гостеприимных хозяев и глотнув крепкого медочку, отдал должное и себе. Рассказал, как они попадают в эти места из Новгорода. Путь шел через Сухону и реку Юг, по которой поднимались вверх и выходили на волок, который вел в истоки Ветлуги, точнее, в речку Вохлому.

Поведал он и про свое плавание в поволжские земли, про цены на местных рынках. Похвалил себя за то, что выгодно расторговался янтарем да мехами из Новгорода. Мельком упомянул про груз зерна, взятый обратно, похвалив качество ржи и пшеницы. Рассказал про свою судовую команду.

Народу на ушкуе было, по его словам, немного, всего полтора десятка душ, но с собой в весь, кроме братьев, он никого брать не стал. Судно с товаром без охраны не мог бросить...

Упаси Боже, махал он руками на невысказанный вопрос, на хозяев и думать бы не посмел, да только груз без присмотра никогда не оставляет. Да и людишки его большей частью ничемные, не ровен час отвечать за их деяния придется.

Хозяева на это деликатно промолчали, что такую прорву вооруженного народа они в весь и не пустили бы. Однако, посетовав на невозможность посещения сего застолья всеми новгородцами, воевода с полусотником тут же изъявили желание поднести им и горячих блюд со стола, и чарочку крепкого меда. Тут же послали за Мстишей, который, понятливо кивнув, отправился с ватагой сверстников и запасами съестного на ушкуй, а пир тут же продолжился.

Из полезных новостей была весть, что половецкий хан Аепа Осенев решил расширить сферу своего влияния, пойдя походом на болгар, с коими и до того враждовал нещадно. А вот чем закончилось это мероприятие и закончилось ли, сказать Онуфрий не мог, поскольку дела свои в окрестностях Булгарии провернул быстро и тут же убежал от греха подальше.

Хан же тот кыпчакский приходился как бы не тестем Юрию Владимировичу¹³, князю Ростовскому. И тот всячески поддерживал его в этих устремлениях, особенно после того как болгары десять лет назад в 1107 году пожгли и разорили окрестности Суздали. Однако поддержка его была пока только на словах, в поход с половцами князь не собирался, ограничиваясь

¹³ Имеется в виду сын Владимира Мономаха, будущий Юрий Долгорукий.

строительством укреплений по Клязьме. Чтобы более никто наскоком врасплох суздальскую землю не застал, ни болгары, ни родственнички с Рязани и Мурома.

Сразу после битвы у второй столицы княжества, где как раз и проживал князь Юрий, при впадении в Клязьму реки Лыбедь, на месте существовавшего там поселения заложен был город Владимир, о котором даже Иван, не интересовавшийся ранее историей, не мог не слышать.

Они уже давно вместе с Вячеславом выяснили, что попали почти в начало XII века, точнее, в 1117 год от Рождества Христова или 6625 год от Сотворения мира. Еще более ста лет осталось до монгольского нашествия, однако это был тот век, когда Русь оказалась растерзанной непрекращающимися княжескими усобицами, из-за которых и оказалась совершенно бессилой перед монгольской военной машиной, закаленной постоянными войнами с государством чжурдженов, с Хорезмийским султанатом, половцами...

Не была бы Русь раздроблена, может, и остановила бы монголов. А может, и нет. Однако впереди точно были нелегкие времена, тень от крыла которых вполне могла бы задеть и Поветлужье.

Поэтому Иван впитывал как губка все имена, даты, города, о которых как бы мимоходом упоминали гости, точнее Онуфрий, один за всех распинавшийся перед хозяевами глухой веси и высказывавший догадки, как будто бы сам видел все своими глазами. Воевода уже пару раз ненароком поморщился в сторону своего полусотника, показывая, что ему не нравится сей обрюзгший тип, гонором своим превосходящий всех за столом сидящих.

Однако сами пригласили, теперь будьте добры хлебать полной ложкой то, что зачерпнули.

Идиллия прервалась, когда в дружинную избу бочком протиснулся Мстиша. Бледный, мучительно улыбающийся, тот напрямик прошел к воеводе, при этом страдальчески посматривая на Ивана. Полусотник сразу напрягся, а после того как Трофим после тихого доклада вестника взял братину и восславил новгородских гостей, его мысли приняли совсем дурной оборот. Однако он принял медовую чашу с легкой улыбкой на устах, стараясь, чтобы та не сползала время от времени в сторону.

Восславил намечающуюся дружбу, выгодную торговлю, братство между народами и мир во всем мире. То есть произнес порядком замусоленный тост, последнюю часть которого и во времена его молодости никто не понимал, хотя каждый и поддерживал.

Отпив глоток и облившись в конце медом, Иван что-то невнятно пробурчал, поддернул гашик и выскользнул наружу. На устах новгородских гостей промелькнули сочувствующие улыбочки привычных к возлияниям трапезников, и они вернулись к питию и закуске. Иван же тем временем выбрался наружу и сразу столкнулся с Мстишей.

Тот стоял около двери в подклеть с подрагивающими плечами. Увидеть такое от вечно спешащего и понимающего с полуслова предводителя переяславской пацанвы было для Ивана подобно удару под дых. Подойдя к нему и прислонившись рядом к стене, полусотник нервно спросил.

– Мстиша, – голос сорвался на хрип. – Что случилось?

– Радка... Радка там, дядя Ваня, – всхлип вместе с появившимися слезами Мстиша прервал в зародыше и уже четко доложил. – На ушкуй не пустили нас, да мастеровой новгородский, что на берегу при свете костра копался, кувшин с медом у меня выхватил и заглотнул... оттуда.

– Ну!

– Засмеялся он громко над чем-то, а сам чуть погодя за плечо меня сжал и шепчет тихо. Мол, купец на потеху себе девку ниже по течению с отроком беспамятным прихватил, да бил ее всю дорогу – проверь, не ваша ли будет? И громко так закричал, чтобы я нес кувшин на ушкуй к нему, подталкивая меня на сходни. – Мстиша коротко сгибом локтя обтер лицо. – Захожу я вглубь, холстину откидываю и под тент ныряю... а там Радка сидит полуголая и качается, смотрит на меня и качается, в глаза мне смотрит и не узнает, а глаза такие... как не от мира

сего. И за руку кого-то держит. Меня дальше не пустили, прогнали сразу, да еще мастерового обругали.

– Точно она?!

– Радка это, Радка, верно говорю! И Тимка с ней должен быть... Стой, дядь Вань! – Мстиша дернул бледного вскинувшегося полусотника за локоть. – Воевода наш коротко шепнул мне, абы ты не это... не дергался. Помнишь ли, как сам это слово ратникам отяцким выкрикнул? Он ништо другое не сказывал – лишь тебя остановить, когда ты встрять пожелаешь, да Сваре обо всем доложить. А ратников там побольше полутора десятков будет, всяко побольше. Посменно они на берег сходят. Да и сам ушкуй, как Свара сказывал, не в пример обычному речному...

На плечо полусотника легла тяжелая рука в кольчужной сетке.

– Все верно, на морской чем-то смахивает, хоть днище у него как у речного. Я отправил второго вестника к отякам и к твоим землякам. – Свара сочувственно смотрел на Ивана. – Борзо придут, не сомневайся. Без них ушкуй на копье брать невместно. Пока со стороны веси добежим, те мигом отчальят. Да и броней в достатке нет, чтоб под стрелами стоять, а самим пускать издали боязно – попасть в отроков можно. Тут числом надо брать и на реку им нашей лодьей путь застить. Коли ты переиначишь, то твоя воля, но мыслю я, что перед рассветом брать их надобно, да и слова воеводы дожидаться сперва.

Иван выдохнул и повел плечами.

– Однако ребятки могут нас и не дожидаться, особенно если Тимка без памяти там валяется... Да, задачка. Подумать надо, чтобы не испортить чего и крови лишней не пролить. Ты мне одно скажи, Свара, пока мозги мои на место не встали: почему вы с Мстишей так смотрите на меня? Вроде Радка... я понимаю, что Тимка наверняка должен быть с ней, но почему ты меня успокаиваешь, а не того же Мстислава? Вон как хлопец переживает.

– Привык я, Иван, к смерти... – Свара отвел взгляд. – А ты вроде и кровушки пустил не меньше меня, а смотришь, будто за каждого своего горло перегрызть готов. И у Трофима Игнатича такой взгляд бывает, но изредка... А о тебе рассказывали охотники, что с тобой ходили на буртасов, да и сам сей миг вижу. Вот и успокаиваю, чтобы ты с цепи не сорвался.

– Этот взгляд первый раз появляется, когда близкие друзья у тебя на руках умирают. Один за другим, а ты сделать ничего не можешь. – Иван вскинул голову, что-то себе надумав. – Не терпит время, ох, не терпит, да делать нечего, ждем подмоги. Мстиша, беги, поднимай Ишея, пусть лодьи готовит... А как ты мыслишь, Свара, если к гостям напрямую обратиться, отдадут ли ребят наших? Вдруг не думали они, что именно наших отроков примучали?

– Не ведомо мне это... – Свара покачал головой. – Коли обращались с девкой так, как Мстиша сказывал, то им все одно, наши это али нет. В отказ злодеи пойти могут. То обида великая и вира с них за одно лишь пошибание положена. А за насилие над свободной по церковному Ярославову уставу пять гривен серебра полагается. И это токмо самой девице за сором, а надобно и митрополиту столь же, а от князя виновному казнь. Я не толкую про боярских дочерей – за них золотом плата... Да и с толочных вира немалая.

– И что?

– Коли Тимка лежит в беспамятстве, да с Антипом что свершили, то могут молвить они, что знать не знают про отроков сих, и на осмотр ушкую не пустить. Мошь наша им неведома, потому помыслить могут, что в веси с ними никто сладить не в силах. А спрос такой упредит их, и кровушки побольше прольется. Рискнешь без силы отяцкой в полон гостей взять, что за столом у нас сидят? А коли на ушкуе уйдут без них али торговаться зачнут, нож к дитятам приставив?

– Нет, пожалуй, пока не буду твердо уверен, что за нами сила. А то, что мы хлеб... ну не хлеб, так другие яства с ними делили?

– Сам помысли, ежели гость будет в твоём доме над тобой сильничать, стерпишь ли?

– У нас другие законы были, по которым я и тронуть никого не смел, даже при защите своей, – скривился Иван.

– То разбойные люди для себя придумали законы те, – покачал головой в ответ Свара. – Сам про купцов какие мысли держишь?

– Не нравятся мне они, иначе прямо сейчас бы спрос учинил. Ну ладно, я к гостям, воеводу с Петром постараюсь упредить, чтобы вышли они и решили все окончательно, – вздохнул Иван и добавил. – Трудно мне еще понять, какими законами тут люди живут.

Полусотник немного потоптался на месте и, вскинув голову, протяжно и тоскливо вывел:

Эх ты, во-о-оран, шо ты вье-е-е-е-е-шься...
Над мое-э-эю голово-о-ой,
Ты до-о-бы-ы-чи-и-и не дожде-о-о-о-о-о-шься...
Черный во-о-оран, я не тво-о-ой...

Твердой поступью Иван вступил в дружинную избу, продолжая нарастающим голосом выводить песню, а спустя несколько минут уже было слышно, как ему начали подпевать другие голоса. И не только переяславские, но и новгородские...

Закончили пировать, когда небо на востоке начало уже розоветь. Наорались песен до хрипоты, не давая заснуть веси, даже младшие братья Онуфрия принимали в сем песнопении участие, фальшивив густыми голосами.

Наконец новгородский купец поднялся, хлопнув ладонью по колену, и поклонился хозяевам, обведя вокруг осололевшими глазами.

– Благодарствуем за угощение, пора и честь гостям знать. Эх-ма... – покачнулся Онуфрий. – И вы к нам заглядывайте по приезду в славный Новгород.

— Одно дело к вам осталось, — тоже поднялся воевода. — Весть нам дошла, что на ушкуе твоём людишек наших силком держат и непотребства над ними учиняют. Что ответишь на это, купец?

Мгновенно подобравшийся Онуфрий поднял тяжелый взгляд на Трофима, а его сотоварищи сразу обступили купца с двух сторон.

– Твои людишки? – Купец натужно удивился. – Откель бы я их взял?

– Мальчонку и девчушку подобрал ты в понизовьях, – продолжал спокойно смотреть на того воеводу.

– Ах эти, кх-хе... – засмеялся Онуфрий. – Да то разве людишки? Отроки болезные это были, спасти мы их желали. Знать не знал, что ваши они. Мальчонка тот без памяти был, а девица умом тронутая, молчала всю дорогу. Я лишь рад буду их тебе на руки передать.

— Да? А верно ли, что не чинил ты над ними непотребств?

– Да как ты... Слово свое купеческое даю в том! – побагровел новгородец. – Сей миг забирай их с ушкюя... Ох, не допустят тебя вои мои на него, наказ строгий имеют никого без личного дозволения не пускать.

– С берега крикнешь, чтоб свели с судна сих отроков, согласен?

– Да крикнуть-то я крикну, однако не согласятся людишки мои на это. Помыслят, что под угрозой меня держат. Самому мне надобно на борт подняться, а... вот братишки мои с вами останутся!

– Добре, пойдём. Токмо и я с десятков воев с собой позову.

Трофим степенно поднял с лавки шлем, забросил развешенную в углу кольчугу на плечо и молча вышел в сени. Онуфрий ухмыльнулся, кивнул остальным переяславцам, подтверждая свое согласие с вышесказанным, и попытался выйти следом за воеводой. Однако его со всей вежливостью попросили немного подождать.

В итоге процессия, задержавшаяся неторопливыми сборами, вышла минут через десять и растянулась на два десятка шагов. Впереди шли купец с воеводой, дальше в окружении нескольких ратников с высокими щитами двое новгородцев, а сзади замыкали шествие одошпешенные Петр и Свара.

Еще за полсотни сажень до прибытия на место из ушкуя стали появляться вои, выстраиваясь около костра, горящего рядом на песке. Поравнявшись с ними, купец залиvisto свистнул и бросился по мосткам внутрь под полог. Через несколько мгновений после раздавшейся там брани оттуда стали выбегать лучники, рассыпавшись за выстроившимся сомкнутым строем новгородских ратников.

Напротив них тоже встал ряд переяславских щитов, загораживающих сотоварищей купца. Один лишь воевода спокойно ходил меж ними, пошвыривая носком сапога прибрежный песок и покусывая сорванную полусухую травинку. Спустя минуту на мостках появился Онуфрий, за которым вынесли шуплое беспмятное тело Тимки и вывели безвольно шагающую Радку, закутанную в какие-то лохмотья.

Детей спустили на берег, а купец остался на носу ушкуя, сажень в десяти за своими воинами.

– Все как договаривались, воевода, вот они, забирайте своих болезных. Теперь бы сотоварищей моих на судно вернуть.

– Забирай.

Трофим выплюнул надоевшую травинку, становясь около переяславского строя, и кивнул своим настороженным дружинникам. Двое из них сразу подхватили Радку и Тимку на руки и бегом убежали с ними в весь. А братьев Онуфрия выпустили сквозь строй, и те стали посреди своих.

– На правеж тебя зову, Онуфрий, – начал воевода. – Обвиняю тебя в пошибании вольной девицы. Вира за сие непотребство с тебя причитается. Про беспмятство отрока и пропажу отца сей девицы стрбовать пока не могу, потому как не знаю, повинен ли ты в этом. Ну да светает скоро, днесь и выясним все остальное...

– Ха, гляньте на него, правеж он учинить хочет... Надо мной, кого Слепнем по всему Заволочью кличут! Не слыхивали? Так еще срок ваш не пришел! – подбоченился дородный купец. – И про то скажу, что знать не знаю про беспмятство одного ничтожного смерда да пропажу другого. А вот девку вашу малолетнюю пользовал я со всем пристрастием. И всю вашу весь бы попользовал вместе с воями своими, да недосуг мне. Однако ежели попросишь, то поставлю я тебя на колени и дам насладиться этим зрелищем!

Онуфрий распалился под начавшиеся смешки новгородцев и перешел к прямым угрозам.

– И что ты сделаешь мне, сучий выродок? Своими оставшимися осьмью воями, да без луков? А? Против моих трех десятков? Накормил, напоил, девку дал на потеху... Пожалуй, я на вересень загляну еще разок к столь гостеприимным хозяевам, приготовь к тому времени для каждого моего воя по бабе, а то и по две, и сам рядом встань, токмо портки скинь...

Тут Онуфрий уже не выдержал, нагнулся, свесившись с борта, и загоготал, широко разевая рот с гнилыми зубами. Смешки у новгородцев перешли в громкий хохот и неприличные жесты в сторону неподвижно стоящих переяславцев.

– Значат ли твои слова, что не пойдешь ты на правеж? – степенно спросил воевода, подбирая с песка щит, оставленный унесшим Тимку воином.

– Да чтобы ты сдох вместе со своей всеью, вшивый сукин сын... А и сдохнешь! А ну-ка, вставляйте на колени, а не то стрелы мои...

Новгородцы недоуменно застыли, узрев, как переяславский воевода неожиданно рухнул на одно колено, полностью прикрывшись щитом, а за ним встали в то же положение и все противостоящие им воины. Онуфрий, раскрыв рот, мгновение обескураженно смотрел, как переяславцы по-своему исполнили его приказы, и взъярился.

– Да все одно сей миг сдохнете! Все одно! Стреляй по ним, сучьи дети!

Десяток стрел сорвались в стремительный полет по прямой, оборвав его на переяславских щитах, но даже не покачнули держащих их ратников. Лишь еще пара из них, кинутые навесом, оцарапали кольчуги на спинах воинов, но бессильно канули за ними в прибрежный песок.

– Выбрал ты свою долю! – глухо донеслось из-за воеводского щита, нашпигованного опереньем, и тут же из воды под самым носом ушкуя взметнулось что-то стремительное, темное.

Взметнулось и упало обратно, потянув за бороду вниз потерявшего равновесие купца. И тут же в спины новгородцам ударили стрелы, выкашивая их задние ряды, состоявшие почти из одних лучников. Те, кто успел развернуться в сторону реки, в свои последние мгновения ослепшими от пламени костра глазами заметили две огромные лоды, влекомые течением мимо ушкуя и взявшие его в клещи.

Глава 18

Общий сход

Туманное утро обильно посыпало холодной росой лиловые полураскрывшиеся бутоны колокольчиков, высокие хлысты иван-чая, желто-зеленую россыпь зверобоя.

Сверкающие капли сплошь покрыли низкие заросли розового клевера, а широкие листья лопухов, собравшие на себе целые пригоршни холодной воды, только и ждали, когда их тронут, чтобы вылить накопившуюся влагу на зазевавшегося, сонного человека.

Однако это ничуть не смущало вскочивших чуть свет людей, бродивших по старой пажити босиком по колено в мокрой траве. Утренний кашель и зевание вскоре сменились визгом молодых голосов, затеявших купание в теплой по сравнению с окружающим воздухом воде речной заводи. Начали трещать ломаемые сучья, а одинокий стук топора разбудил тех сонь, кто еще нежился около тлеющих бревен почти погасших костров.

Прибывшим с вечера людям не хватило места, чтобы переночевать в веси, и они расположились прямо на лугу, в сооруженных на скорую руку шалашах, а то и прямо на земле.

Столь выдающееся столпотворение было вызвано невиданным прежде в этих местах зрелищем. Вершился копный суд выборных, другими словами – суд народного собрания, копы, которая была созвана местным воеводой с подачи своего полусотника.

Как официально вершилось судопроизводство на Руси? Только князем и его наместниками. Сам он не мог рассматривать все дела в княжестве и поручал сие хлопотное дело своим управителям, которые звались тиунами. Те оставили о себя недобрую память в сердцах переяславцев, которые убежали на Ветлугу отчасти и от жадности этих посадников, недобрым словом вспоминая, как те толковали людские и княжеские законы, стараясь положить себе что-то в карман.

И не пожалуешься на них – ведь тиуны имели полное право это делать, потому что суд княжеский, как и собираемые ими налоги, являлся доходной статьей, от которой им шла определенная весомая часть.

Потому и старался люд не доводить своих споров до того, чтобы выносить их на такое мероприятие, пытаясь решать все внутри общины, собирая оседлых мужей, сходатаев, на собрание копы. А уж если тебе не мило ее решение, так беги к тиуну, только потом не жалуйся, если он тебя же и одберет как липку. До кун не один князь лаком.

Сам же копный суд следовал древним обычаям славянских общин, передающихся устно из поколения в поколение. В него входили сходатаи из несколько поселений, которые собирались в одном, особом месте.

По копному праву обиженному предоставлялось отыскивать своего обидчика, собирать улики, совершать обыск. Если же истец не мог отыскать того, кто ему нашкодил, то он требовал собрания копы. Если с какого-нибудь селения никто на копу не являлся, то оно должно было удовлетворить обиженного, а само потом уже могло искать виноватого.

По обычаю такой суд собирался по одному делу не более трех раз. Первое собрание проводилось, если нужно было по горячим следам искать преступника, тогда копа называлась горячей, а если дошло до третьего, то называлась завитою. Но до нее доходили лишь самые запутанные дела.

Собственно, и у отяков в общине все решалось примерно так же, только собирались они малым кругом, обычно родом.

Ныне же общий сход принял совсем другой размах. Естественно, на копу были приглашены отяки, поселившиеся в общине, но и со старых отяцких поселений были позваны так называемые сторонние люди, которые не участвовали в принятии решений, но могли следить за ходом дел.

Все-таки не своих судить собирались, дело-то... скользкое. Как потом перед теми же новгородцами оправдаться, если придут они с вопросом, почему их родичей казнили?

Кроме отяков, присутствовать на общинном суде попросили ближних черемисов, послав к ним две лоды, хотя и занимал путь до их поселений порядочное время. Помимо самого приглашения, целью визита было узнать, не было ли тем разорения от новгородцев, да и просто познакомиться с ними не мешало бы поближе. Так что собрание для вынесения приговора было не самоцелью.

На самом деле сомнений в том, что делать с теми разбойными людьми, которые остались живыми, у переяславцев не было.

«А порубать всем головы разом! Будто дел других нет!»

Однако Иван сразу попытался уговорить их устроить из сего действия небольшое шоу.

Во-первых, говорил он, требовалось собрать и предъявить доказательства всем в округе, чтобы потом проплывающие новгородцы зуба на них не имели. По крайней мере, чтобы не устроили на них поход, оправдывая его мстостью за родичей, но думая при этом просто убрать помеху на своем пути к булгарам.

Во-вторых, заявить о себе погромче соседнему люду с целью завязать какое-никакое знакомство, ибо торговлишка между переяславцами и черемисами зачихла, не успев начаться. Те из них, кто обитал в верховьях Ветлуги, жили своей жизнью под кугузом, а нижним, чьи поселения были на Волге или среди мордвы, переяславцы ничего не могли предложить, да и купить у тех тоже было особо нечего.

Третья же причина была, по мнению полусотника, самой главной. Необходимо было рекламировать себя как справедливого, доброго и сильного соседа.

С отяками, пока беда не пришла, как жили? Не ссорились вроде, но общались между собой как чужие. А в итоге? И отяки чуть не поплатились одним поселением, и переяславцев Пычей почти сдал на растерзание буртасам. Вот и с дальними соседями хотелось бы по-новому жить. Глядишь, и упредят о беде какой, и помощь при случае оказать смогут.

Единственное нововведение, которое полусотник предложил ввести для копного суда, – это избрать от поселений выборных, которые дадут присягу судить справедливо. Иначе кто будет определять вину ответчиков из собравшихся на копу полутора сотен человек? Трудно всей толпой это делать, такое мероприятие временами только побитыми рожами и охрипшими глотками окончиться может.

И опять же получится, что тот, кто вести собрание будет, староста или воевода, все определять и будет. Разве что вмешается кто-нибудь, кто кричит громче других. На удивление Ивана, Радимир на такое отступление от старых обычаев, подумав, согласился, мотивировав это тем, что традиции для новой общности отяков и переяславцев надо ковать, пока горячо. Поэтому решили предложить общинникам на сходе выбрать тех, кто судить будет, причем отдельно от старой веси и от новой. А там уж как решат.

А насчет новгородцев у Ивана, Трофима и Радимира на второй день после ночного боя вышел такой разговор на извечном месте их посиделок, лавке около дружинной избы...

* * *

– Слепня мы замочим в любом случае, как бы суд ни решил, иначе отомстит он нам так, что мало не покажется. А остальных как придется – посмотрим, что за люди, точнее, копа пусть это определяет. Надеюсь, что большинство приговорят, но кого-нибудь вменяемого и отпустить бы надо, чтобы он весть донес до Новгорода, – ответил полусотник на вопрос, что делать с выжившими ушкуйниками. – У нас на родине их бы вообще сразу освободили, после того как они сказали бы, что ни при чем и втихую тугой мошной под полой позвенели. Тогда их разве что за скабрзности и ношение оружия пожарили бы.

– Ну, Слепня ты изрядно замочил, когда его под воду уташил и на глубину уволок, – вмешался Радимир. – Токмо что нам с него мокрого? Злодея сего казнить надобно... И ответь, Иван, пошто у вас люд так не по совести жил? Что меч али лук носить невместно было, про то ты сказывал. А вот отчего люд ваш лишь за себя ответ держал? Верьв наша по любой тяжбе отвечала, егда касалась она земель наших. Убиенный какой у нас найдется, али проступок какой общинник учинит, а у нас желания выдавать его нет, то дикую виру вся весь платит. Мало ли что в жизни случается! Иной раз и вины на человеке может не быть, на защиту чью-то встал, а что потом докажешь? Все друг за дружку стоят, сами себя и к порядку призывают. И с судом новгородским так быть должно. Коли никто слова супротив непотребств на нем не молвил из ушкуйников, то ответ держать все из них должны за дела богомерзкие.

– Замочить... это для егеря что казнить – одно и то же, – не стал вдаваться в подробности своего сленга полусотник. – А насчет ответа общего... ох, прав ты, Радимир, прав, оттого мы и были каждый сам по себе, оттого и рвали друг друга, как волки, что жили и отвечали порознь! Только и в вашей Правде не все гладко. Сам мне рассказывал, что за все серебром да золотом ответить можно. Если мошна тугая, то убить почти любого для такого человека плевое дело! Заплатил в княжескую казну – и гуляй. Отчего так? У нас тоже можно было откупиться от совершенных злодейств, да только негласно. Если видовок множество было, уже трудно монетой за свободу судье заплатить! Хотя, конечно, от количества зависит...

– Сам и посуди, – принял участие в споре воевода. – Коли все одно откупаются, может, и ладно это? Пусть монета в княжеский доход идет, все на пользу будет.

– Нет, Трофим. – Радимир положил тому руку на плечо. – В этом прав Иван. За злодеяния платить кровью своей, долгой работой или несвободой надобно. А не золотом, ибо сие введено было, абы варягов пришлых от суда скорого тяжелых на руку новгородцев отвратить да месть кровавую пресечь. Месть кровавая дело богопротивное, из-за горячности нрава роды вырезались в одночасье, и пресекать сие надобно было. А вот не дать тугой мошне свою вседозволенность показать, так то дело верное. А за откупом под полой особые княжие люди должны следить, что порядок блюдут.

– Так суд же княжеский!

– Следить надобно, егда не сам князь суд ведет, а тиуны его. Самому ему монету совать не будет никто – он и так всем владеет.

– А у нас кто мог бы за порядком следить? – заинтересовался Иван. – Народу прибавляется, скоро тяжбы начнутся, особенно в новой веси. Вот тот же Петр мог бы? Я, кстати, никак не пойму, что за человек он? Вот я под тебя ушел полусотником, а он даже глазом не моргнул. Ведь второй после тебя человек на веси был все это время, дружинными ведал. А теперь как бы в стороне оказался. Иной бы на его месте копать под меня начал... ну, или вслух на мою косорукость с мечом указывать, или на ухо что плохое шептать да позорить втихомолку. А Петр все так же обходителен, как будто и не замечает, что я в чем-то обошел его. Мне это как раз в нем и нравится, да привык я, что людишки власть свою так просто не отдают... Ждать мне от него дурного чего?

– Петр... – задумчиво произнес воевода. – И так, да не так все. Те, кто от жизни кусок хотели урвать, в Суздаль подались. Сюда же вои пошли, у кого сама жизнь кусок души вырвала, так что не тревожся за него, ему твои устремления... а они есть, твои устремления, хоть и городишься ты на словах от власти! Так вот, ему они – как мирская суета монаху. Со мной он будет до конца дней моих или своих, так мне мнится. А может, и с дитяи своими, Мстишкой да Ульянкой. Я да они у него одни остались на всем белом свете...

– Так Мстислав... это Петра сын? – озадаченно поскреб в затылке Иван. – Я как-то и не догадывался. Знал только, что дружинного кого-то.

– Так и не было у тебя времени задумываться... – пожал плечами Трофим. – Не успел пообтесаться, как буртасы нагрянули. Далее отяков расселяли, а потом сызнова меч в руки

всем брать пришлось, с новгородцами ратились. Первые дни, как спокойно посидеть можно да лясы поточить.

– Чего ж не точишь? – улыбнулся Иван. – На воеводской избе как раз пары штук не хватает, вон прогал под перилами...

– Да устала рука железо держать.

Воевода сладко потянулся, устраиваясь удобнее на нагретой летним солнышком стене дружинной избы.

– Так что с Петром случилось-то? Если не секрет, конечно, – спохватился полусотник.

– Хочешь узнать? Изволь... То дело нас обоих касалось, – невесело начал Трофим. – Жил я в веси отроком при отце и матери. Петр с Марушкой были дети соседские, с ними я играл с малолетства. Марушка жинкой опосля моей стала, ежели не слыхал еще. Так вот, как-то взяли нас с Петром отцы наши на княжеский двор – как раз пешего ополчения смотрины были. И приглянулись мы воеводе тамошнему... Чем – не скажу, не упомяну. А далее как у всех: и в детских были, и в молодшую дружину оба сразу попали...

– Служили, значит, вместе...

– У князя в гриднях я без малого десятков лет пробыл, а Петр со мной, оба мы к тому времени семьями обзавелись. Я с Марушкой обвенчался, никак забыть ее не мог на княжем дворе, а Петр в Переяславле зазнобу нашел. Красавица, не описать словами. Да сумел он всех женихов от нее отвадить, от купеческой этой дочки. Не поверишь, что ни день – в синяках да порезах приходил. И это воин, а не смерд, что одними кулачными боями пробавляется! Как до смертоубийства не дошло, сам не понимает. Но сдюжил.

– От, чертяка! – хохотнул Иван, удостоившись осуждающего взгляда от Радимира за упоминание нечистого.

– А через некоторое время удачно посватался, и детки у них родились... А нам вот с Марушей Бог не дал такого счастья. И вот как-то раз решили жинки наши весь навестить, с родней пообщаться... Детей Петр все хотел показать отцу да матери – живы были они еще по ту пору. Отвезли мы их, все честь по чести, да недосуг было нам оставаться, служба князю ждать не будет. Обещали через две седмицы забрать... А приехали к пожарищу. Налетели половцы, похватили тех, кто под руку попался, и в степь. И наших забрали.

Воевода подозрительно поперхнулся но, прокашлявшись, продолжил.

– Княжил в ту пору в Переяславле Владимир Мономах. Бухнулись мы к нему в ноги – так, мол, и так, не откажи в милости, вспоможи нам семьи выручить. А кто набегом на нас ходил, мы к тому времени уже вызнали. Дал нам Мономах полусотню, спаси его Бог, пошли мы с нею искать в поле ветра. Полоняников в Кафу гнали, так мы неделю по следам без роздыху шли, пока настигать не стали. Жара стояла по ту пору такая, что кони с ног валились. Трава на корню ссохлась, в степи не спрятаться, не то что водой разжиться. Колодцы посохли в пути, мутная жижа осталась. Еле перебивались.

– А пленники как же?

– А половцы из-за жары начали резать полон – тех, кто ослаб чуть. Тут мы из последних сил прибавили, а следы взяли да и разделились. Видать, часть из них решила другим путем пройти, дабы воды хватило живым свой товар довести, а может, и погоню нюхом почуяли. Токмо и нам делиться пришлось. Петр в одну сторону направился, а я в другую. Ну, и полусотня пополам за нами разошлась. К концу ночи настиг я своих вражин. Подползли под утро втроем, сняли тех, кто в дозоре стоял, да табун шуганули. Сами к полоняникам кинулись, дабы прикрыть их, а остальные коней подняли да рассыпным строем прошлись по степнякам. Двое раненых у нас всего оказалось. Я, да еще один из дружинных, кто со мной в прикрытии стоял: безбронные мы дозор снимали. Половцы сперва к детям кинулись, как углядели, что лошадок мы увели от них, тут мы и встали втроем насмерть. А в этой части полона одни мальцы

были, и Петра дети там же. Но отбили, все живы оказались. Оставили мы десяток с ними, а сами на подмогу Петру кинулись, но...

– Что?

– Да токмо зазря спешили. На полпути их встретили – понурых, глаза отворачивают. А Петр на заводной лошади тела наших жен везет. Остальных на месте, в балке схоронили. Нежданно они наткнулись на степняков. Те как раз из этой балки со стоянки уходили. На свежих конях. Как увидели дружинных наших, начали сечь без разбора полон, а оставшихся на заводных побросали и только пыль из под копыт пошла. Кто-то из баб соскакивать стал на полном ходу, не у всех успели ноги-руки под пузом конным связать, так они сечь таких начали, никто не ушел... А у воев наших кони от усталости падать начали, а заводных уже меняли. Ушли степняки.

Глаза воеводы застил туман, будто он переживал все действие еще раз. И говорил он медленно, вспоминая.

– Вот видит Петр нас, снимает тела с лошади, раскладывает да причесывать начинает. Как ни горестно было мне в тот момент, а мыслю, что с ума воин сходить начинает... Признавался он мне потом, что подумал про нашу неудачу, видя, как мы одни возвращаемся. Поблазнилось ему, что всю семью он потерял. От усталости мниться начало, видать: две ночи до того с короткими перерывами шли, как первые трупы увидели. Ну и начала от него душа отходить да в сумраке теряться. Еле растолкал, к детям с сопровождающими отправил... А сам к Марушке своей сел.

Воевода еще несколько мгновений смотрел вдаль, но потом, резко встряхнув головой, закончил свой рассказ.

– И раньше мы с ним неразлей-вода были, а после того Петр совсем ко мне прилип. И слов никаких не говорит, а токмо по нему видно, что куда я, туда и он. Разве что дети могут его на другой путь подвигнуть.

Несколько минут над собравшимися стояла тишина, которую, казалось, можно было потрогать руками.

Но все преходяще. Склонившееся к верхушкам деревьев солнце стало окрашивать багрянцем раскудрявившиеся облака над лесом, у коновязи всхрапнул вечный дежурный Буян. Наконец у колодца раздались звонкие голоса домохозяек, в очередной раз вспомнивших неугомонного Фаддея, и их смех слегка разрушил смутные печальные образы давно минувших деяний, навеянные рассказом Трофима.

– Ну и как ты отнесешься к тому, чтобы Петр службу внутреннюю вел? – прервал молчание Иван.

– Доверяю я ему, как себе, теперь и ты, надеюсь, к тому же придешь, – ответил воевода. – Токмо обскажи осмысленнее – что делать ему надобно?

– Это у нас называлось внутренними делами и контрразведкой, – попытался сформулировать мысль полусотник. – Слово «внутренние» указывает на то, что к именно к своим проблемам силу приложить надобно. Или к корыстным людям, или к тем, кто разбоем занимается на землях наших. Охрана и покой поселений к этому же относится. Практически все, кроме суда, да и то схваченный разбойный люд ему же сторожить. Тут смешивать власти не надо, вред будет. А контрразведка – то противоположное разведке. В той что-то выведывать надо, а в этой...

– Скрывать? – ухмыльнулся Радимир.

– Нет, не давать чужим выведывальщикам у нас жить вольготно. Только к такому делу призвание нужно, поэтому и спрашивал, потянет ли Петр, – изогнул бровь Иван.

– Спросим. А согласится, да не получится, другого поставим. Петр на мое слово не обидится, сам уже должен понимать, – уверенно ответил воевода. – А то, что в помощь мне надо

кого выделить, так то верное дело. Если дальше расти будем, то не справлюсь я в одиночку без помощников.

– Главное, власти эти под одно крыло брать не надо, каждый за свое отвечать должен. Суд – за справедливость, внутренняя сила – за порядок, внешняя – за защиту от врагов, умные люди да старейшины – за законы, печать за... она книги будет печатать.

– Это как? – удивился Радимир. – От руки пишут, а не печатью какой, ту токмо для указов князь бережет как знак свой.

– А вот так же и печатать можно, – отвлекся Иван. – Вырезается много буковок, набирается из них одна страница, другая, третья. Макают их в чернила да на лист бумажный и ставят. Сразу много листов напечатать можно.

– От какое дело, – загорелись глаза у Радимира. – Об этом мы с тобою потом потолкуем.

– Поговорим, а как же, зима впереди долгая, – кивнул полусотник. – Так вот, у многих должна быть возможность сказать свое посредством этих букв печатных. Продадутся многие, чтобы не свое слово, а чужое донести, да почти все, считай. Будут говорить за того, кто больше заплатит, но без печати все равно нельзя. Один да найдется тот, кто правду донесет до людей. И на эту власть над мыслями людей тоже замахиваться нельзя. А только помогать тем, кто слово правдивое несет, даже если обидное слово это будет для Петра того же.

– Мыслишь, Петр под себя грести будет на службе своей? – нахмурился Трофим. – Зря я тебе рассказывал историю его, втуне все пропало.

– Да нет, Трофим Игнатьич, не пропало, – возразил Иван. – Не только о Петре я, но и о тебе. Нельзя тебе вмешиваться, к примеру, в дела тех, кто законы вершит, только отвергнуть их указы можешь. И в дела суда стараться не лезть. Зато и положительная сторона в этом есть: коситься на тебя никто не будет за свершения их. А вот силой всей распоряжаться... это будет именно твоя первая задача. Да и не о тебе я говорю, а о будущих поколениях. Мало ли кто захочет все к рукам прибрать и творить, что ему вздумается. А от того кровушка льется ой как. Те же князья...

– Нишкни, Иван! – стукнул клюкой Радимир. – То божья власть! Не смей!

– И я тебе про это говорил, – многозначительно произнес воевода. – Успокой язык свой, до добра он тебя не доведет. А насчет власти так скажу: я и не суюсь в мирские дела. Иначе, окромя суеты и замятни, не будет ничего.

– Так это я только при вас язык свой распускаю, – согласно развел руки в стороны Иван, но продолжил гнуть свое. – А по поводу... божьей власти одно скажу, Радимир: власть от бога в усобицах меж собой не бьется. Вот Мономах сидит сейчас крепко, и дай бог ему еще править так многие лета. И то распри меж князей идут. А вот придет после него слабый правитель – и что?

Радимир на этот раз ничего не ответил – видимо, полусотник затронул какие-то его потаенные мысли. Только покряхтел и задумчиво положил подбородок на свою клюку, оголовье которой было причудливо вырезано в виде бурого медведя, чуть приподнимающегося на задних лапах.

– И еще одну власть я забыл, Трофим Игнатьич, – повернулся уже к воеводе полусотник. – Местную. Когда князь под себя все гребет, то ему самому от этого худо становится. Ставленники его многое разворовывают да под себя берут. А местная власть – это как община наша. Все в ее распоряжении должно быть, кроме богатств рудных, да еще чего особо ценного. А ты, воевода, только налог с нее брать должен, да не все серебро и медь, что та соберет, а лишь меньшую от всего часть. Половину самое большее. Именно часть, а остальное этой властью должно тратиться на людишек своих.

– И на что же?

– Мосты да дороги должны на те монеты строиться, ремесла развиваться, а не к себе в карман главой местной власти класться через подрядчиков знакомых. От того община богаче

будет, и тех же налогов больше получишь. И суд она вести может на основе своих законов и традиций, не дергать попусту тебя. А за такой властью пригляд с двух сторон будет. Со стороны общины и с твоей стороны. Только ставленник твой должен не вмешиваться в дела старосты, а проверять лишь, честно ли тот дела ведет. Много я еще могу сказать, и не все так хорошо сделать получится сразу, как я тут вам говорил, но... никто из нас пока не готов к такому разговору. Да и не факт, что надо все организовывать именно так, как я вам толкую. Давайте лучше о хорошем!

Иван таинственно улыбнулся и замолчал.

– И чего же ты доброго нам приготовил? – поглядел с сомнением на него Радмир.

– Да вот привыкнуть никак не могу, что поселение ваше вы всею величаете, а новое место называете новой всею. А отяки, так те вообще верхним, средним да нижним гуртом свои селения кличут. Как бы названия им придумать?

– О! То дело, – цокнул языком воевода. – Токмо на названиях мы не сошлись поначалу, да и весь была одна – от чего отличать ее? Надумал, поди, что?

– Ну... предложить хочу. А уж далее на сходе решайте.

Иван лучился довольством, будто предложение его было поважнее дел, им свершенных. А может, и так – все-таки названия эти, возможно, останутся с людьми навсегда, унося с собой в даль веков частицу его души.

– Эту весь Переяславкой назвать. Вроде по делу и старое место напоминает. А новую весь – Сосновкой. Уж больно сосновый бор там красивый, посмотришь вдаль – лес прозрачный, чистый от кустарника. Сердце замирает, когда солнечный луч тебе в глаз светит сквозь хвою, и небо такое синее-синее на фоне зеленых иголок... Ну, это... расчувствовался я, конечно.

– А с железным болотом что?

– Его предлагаю просто Болотным величать. Нечего для противников наших слово «железо» называть попусту. Пусть не знают до поры, какие дела у нас тут твориться будут. Как вам такой расклад?

– А что? Добрые названия, а для нашей веси оно и вовсе памятное, – огладил свою бороду Радмир. – Старое-то не прижилось. Неклюдовкой главная весь общины прозывалась. По Неклюду, ее основавшему.

– Вынесем до суда на сход, – согласился воевода. – А отяцкие для нас как назовешь?

– Да не дело без них-то, – засомневался Иван. – Будут от их общин люди на суде, спросим, да и наши отяки с Сосновки слово скажут, тем более что нижний гурт все одно за нами остался. Уж его как-то обзовем.

– А детишки твои как, Иван, ожили после тягот своих? – поинтересовался Радмир. – Остальных лекарь не пускает, вон гонит, со знахаркой отяцкой закрылся и таинства над сборами травяными творят. А мне дюже непонятное отвечает. С тобой же словом нет-нет да перемолвится.

– Тимка оклемается, это Вячеслав точно сказал... – Иван поморщился от нахлынувших воспоминаний. – Крови он много потерял, ребра поломаны, но молодость свое взяла, а заражения крови, ну... той же огневицы, нет. Спасла его Радка. Приходить в сознание начал понемногу. Травы его поят, навар мясной давать начали, дай Бог, поправится. А вот с девчушкой худо пока. Знахарка ее первым делом в баню отвела, хоть и вырывалась она, да смотрела ее там долго. Вячеслав ей все травы подносил да советы какие-то давал. Не было насилия над ней – то ли не смог Слепень на ушке ее взять, то ли оставил как сладкое на вечер: шли они с низовьев часа три-четыре всего. Однако избил крепко.

– Так купец сам кричал о том... – недоуменно возрился на полусотника воевода.

– Слова то были, чтобы побольнее нас задеть. Вот и задел, себе на беду. В любом случае попытку сделал он. Сопротивлялась она крепко, видать: ноги расцарапаны все, а лицо вообще один синяк. Однако по женской части в порядке все. А вот насчет душевного здоровья сказать

ничего пока не могу. На несложные вопросы начала отвечать, но в основном молчит, да в точку смотрит. Что уж там у них случилось, понять сложно, да только трое прибитых буртасов сами за себя говорят. Про Антипа слышали уже?

Воевода кивнул, но Радимир, пропустивший эти события, живо этим заинтересовался.

– Что с ним?

– Живым его охотники, что на лодье с Ишеем в низовья спускались, обнаружили, только качает его всего и рвет постоянно. По голове сильно ударили. Ну да ничего, живой – и то ладно. С дочкой сидит, точнее, лежит рядом с ней. А Любима да Николая лекарь наш почти сразу прогнал, дал только поглядеть разок, и все. Помочь не помогут, а дело свое застопорили... – Иван стукнул себя по лбу. – Забыл сказать, что Николай просил передать. Трофим Игнатьич, до конца июля... тьфу, серпня не управимся мы со всем, как ты наказывал. Уж больно сложно все получается, никакое малое дело до конца нормально не закончишь, пока домницу непустишь, а она от кирпича зависит да от колеса, что мехи качать будет. Кирпич тоже на колесе завязан – оно для плинфы глину мешает, а колесо ломалось уже раз без железных деталей. Николай же всему не учился, книги только читал. Бить его сильно не будешь, спрашивает?

– Да пусть его, – мрачно улыбнулся воевода. – Лишь бы когда закончил все свои измудрения. Тот срок другим людям при других временах назначен был. Ныне изменилось все, да и мы сами. Число тех же придумок умножили. К вересеню бы что-то получилось, торговать в самый раз отправиться бы.

– Кстати, Тимка, шельмец, знаете что нашел? Николай говорил, что не известняк в его мешке оказался, а доломит. По мне, так разницы нет, тем более Степаныч говорил, что похожи они и иной раз не разберешься на ощупь, что за камень. А вот для того, чтобы печь выложить изнутри, в роли огнеупорного кирпича доломит в самый раз будет. Только обжечь его надо вроде... Кстати, людишек бы ему для помощи, в первую очередь чтобы плинфу делать.

Иван вопросительно посмотрел на Трофима.

– Да откель я возьму их? – пожал плечами тот. – Плотники частью на болоте Николаю помогают, частью на постройке веси новой, Сосновки, как ты ее обозвал. Лес заготавливают да заодно место под огороды расчищают. Бабы ихние копают да корчуют, а людины да дружинные твои срубы ставят. Все при деле. У нас... в Переяславке, тоже пора горячая. Сенокос да жатва на носу. Нет никого. Через месяц, мнится мне, с Сосновки люди освободятся частью.

– Поздно это. А пацанва отяцкая? Вот бы в помощь направить Вовке с ребятами, заодно и обучение он бы вести мог. А захотят – так всем скопом и воинское дело изучать там можно было бы, – закончил свою мысль полусотник.

– Отроков для молодой дружины готовить? – вскинул брови воевода. – Да грамотных? То мысль, озвучим сие на сходе. А платой за обучение и руки свои приложат на дела болотные. Свару я поставлю над ними, а тобой самолично займусь. Как тебе такой расклад?

– Да зашибись расклад-то, э... добрый расклад, говорю. Ребятишек отяцких, что в нужный возраст вошли, под семь-восемь десятков будет. Все бреши закроем. Только отпустят ли их?

– Посулим от доли человека в прибытках, – вмешался Радимир, – так еще и пригонят отцы их. А за учение грамоте да счету те, кто поумнее будет, зубами зацепятся. Токмо речи нашей им выучиться надобно будет, да то, мнится мне, решаемо. Пычьевский младший понимает по-нашему, он и толмачить будет сперва, и своих в узде держать. Сам-то не дитё уже, броню вздевал, однако совсем из юного возраста не вышел. Как новик у нас писался бы. Они со Сварой и руководить теми щенками будут.

– Это почему ты их щенками кличешь? – поинтересовался у Радимира Иван.

– Да не пошто, а за дело, – опередил того воевода. – Как соберутся отроки в одну свору, так зубки и начнут показывать. Как же без того? Иначе мужей из них не воспитаешь. Вон наши переяславские, пока под присмотром родичей были да болезные лежали, так смирные были, а

как Вовка ваш впряг их в одну упряжь с окончанием мора, так перегрызлись все. И за внимание его, и за работу полегше. Тот ведь, окромя плинфы своей, вокруг не видит ништо.

– И чем дело кончилось? – поинтересовался Иван.

– Чем дело могло кончиться? Верховодство Андрейка там взял, сынишка дружинного моего. Это в отсутствии Мстиши, вестимо: тот всех под собой держал. Порядок ныне при изготовке плинфы. Разбитые носы да губы не в счет. А вот отяцкие придут – и сызнава начнется все. Потому и пригляд за щенками нужен. Обскажи лучше, Иван, чему учить собираешься ты их?

– Ну, мечному да лучному бою Свара будет. Плашек дубовых для мечей только наготовить надо, а луки охотничьи у родителей поспрошают – может, найдут те для детей своих что полегче. Я про полководцев древности рассказывать буду да про то, как они свои битвы вели, скрытности да разведке обучать, бою рукопашному. Вовка – грамоте да счету учение вести будет, как прежде. А у кого сметка мастеровая проявится, тем Николай про механику да рудное дело расскажет, а Вовка к делу поставит. Вячеслав тоже себе помощников наберет, если желающие будут, а остальных научит, как первую помощь раненым оказывать... Я тут подумал, школа выходит у нас настоящая, место под нее присматривать надобно. Может, на болоте и стоит ставить? Руки рабочие рядом завсегда будут, и к Сосновке путь перекроет, чужой не проскочит.

– Добре, и это на сход вынесем, – кивнул головой Трофим. – Вот завсегда так: обсудить решили участь новгородцев, а ты нам голову сызнава замутил своими новшествами.

* * *

На общий сход двух весей собралась, пожалуй, половина жителей обоих поселений.

Мужи семейств присутствовали по необходимости. Как пропустить такое дело, даже в горячую пору, если решались наиважнейшие вопросы жития? Как веси свои назвать, да как детишек с прибытком к новым делам пристроить? Слухи-то быстрее сквозняка во всякую щель вползают.

Но главной причиной присутствия был дележ новгородских богатств, найденных на ладье. Тут небылицы ходили самые разные. И хлеба полный ушкуй, и соли столько, что каждому по мешку достанется, да такому, что не унесешь. А уж про золото и серебро чего только не толковали.

Ишей, а именно под его надзором стоял ушкуй, изрядно повеселился, рассказывая небылицы тем, кто приходил к нему за прошедшую неделю со спросом, что за товар везли новгородцы. Кому-то рассказывал про шкуру убитого чудо-юда о трех головах с серебряной чешуей, которую везли аж с Хвалисского моря, кого-то удивлял количеством кошель с золотом, которые были спрятаны под палубой судна.

Весяне смеялись на это себе в бороды, качали на прибаутки головой, и деланно удивлялись, однако при этом искоса пялились на прикрытые холстинами мешки с хлебом, одним своим видом вызывающие у них слюноотделение. Как будто кто-то уже подsunул им под нос ароматную свежую ржаную корочку с положенным на нее подсолненным кусочком истекающего ароматом сала.

Поэтому, что бы ни обсуждали меж собой общинники, одно звучало во всех их разговорах: хлебушек бы надо поделить, и как можно скорее. Нового урожая не вмоготу ждать, да и будет того не так уж много: не раскорчевали еще достаточно места для больших засевов.

Оттого, кроме мужей, голоса имеющих, на старой пажити было не протолкнуться и от баб да детей, между ними снующих. Хотя их присутствие и не приветствовалось на предстоящем собрании, да как же сгонишь их всех, если одни расположились на берегу якобы бельишко постирать, а другие таким же образом выкашивают траву, что еще осталась на месте предстоящего сбора. Что добро ногами попирать, когда в дело можно пустить?

А сам день выдался на славу. В синем, сочном летнем небе распростер свои крылья беркут. Поднявшийся теплый ветер погнал по лугу в сторону яра смешанные запахи чабреца и полыни, дурманивших голову, переворошил их в кустах тальника, опутанных выюном, и выбросил на простор реки, мерно покачивающей на своих волнах лодью со спущенным парусом. Работа была позаброшена, тем более что наступивший Петров день весьма для переяславцев этому способствовал.

К сему великому церковному, а заодно и рыбному празднику как раз пришло сечко, с которой желающие прошлись по мелководью и заполнили несколько огромных корзин мелочью на жареху. Кроме всего прочего, прямо на берегу готовили уху из стерляди, заходящей в низовье Ветлуги из Волги.

Народ вольготно расположился на пажити в ожидании самого мероприятия, хлебал ущицу, травил байки, собравшись небольшими кружками. С вежей подходил знакомиться к привезенным на лодье черемисам, пытаясь понять, что они за люди.

Вообще Петров день был раздольем посреди лета, особенно для молодежи. Не успев отгулять Купалу, отроки и девчата, не испорченные благами цивилизации, проводили ночь за хоровами и песнями, встречали рассвет в поле, слушали соловья, гадали, сколько лет кукушка накукует. Эти пернатые, по поверью, заканчивали свое пение как раз на Петров день. А отдохнув, до Рождества Пресвятой Богородицы впрягались в семейную лямку: наступала страдная пора, и в первую очередь сенокос.

И Вячеслав зашел на начавшийся праздник, однако только для того, чтобы воспользоваться своим упрочившемся положением. Он хотел отобрать себе в помощь Агафью и других баб, помогавших ему с лечением, когда ударил мор. Наступила пора собирать летний травяной сбор – чабрец, душицу, мяту, зверобой.

Те, конечно, поартачились слегка: никому из них не хотелось пропускать столь важное событие, как общий сход. Но желание быть поближе к лекарю и знахарке, если, не дай бог, конечно, наступит тяжелая година, сыграло свою роль. Тем более сами понимали, что кроме праздника, другого времени для сбора у них не будет. Вон как селения разрослись за счет отяков, сколько еще лечебной травы понадобится может?

Проходя мимо сгорбившихся на пажити баб, подчищавших траву серпами и горбушей, представляющей собой почти тот же самый серп, только надетый на короткую выгнутую рукоять, и предназначавшийся для выкоса среди кустарника и кочек, Вячеслав задумался. Потом махнул рукой и участливо посмотрел на Николая, стоявшего с Любимом и Фаддеем в отдалении, обсуждая какие-то извечные проблемы.

Как потом рассказывали видоки, лекарь подошел к лучшей половине человечества, еще не освобожденной и поэтому счастливой своей домохозяйской участью. Забрав у нее горбушу, он стал что-то показывать, рисуя в воздухе рукой более длинное косовище, ручку, то бишь лучок в его середине и чуть загнутое внутрь длинное металлическое лезвие.

Вручив косу-недомерок обратно бабам, лекарь гордо ушел собирать травы, кивнув напоследок в сторону стоявших мастеровых.

Видимо, Вячеслав что-то задел в душе тех тружениц, потому что через некоторое время целая их стайка, возглавляемая Ефросиньей, взяла в окружение кузнецов и старшину плотников, начав им что-то втолковывать. Те сначала нехотя отмахивались, потом попытались вырваться из окружившего их кольца. Двое из них были тут же остановлены, удержанные за шкуру могучей рукой Фроси. Один лишь Николай по причине своей могучести сумел прорваться через женские заслоны и затеряться среди перемещающихся по пажити толп переяславцев и отяков.

Прервано сие действие было часов так в восемь по часам Ивана, или около четырех дня по местному времени.

На холм перед пажитью степенно вышла представительная делегация. Возглавлял ее воевода Трофим Игнатьич собственной персоной, за ним следовали Никифор и Пычей, соответственно староста обоих весей и предводитель отяков. Покряхтев для солидности, Никифор взобрался повыше и крикнул, стараясь перекрычить ходивший по пажити гул.

– Здрав буде, люд переяславский, отяцкий да черемисский. Знамо вам, отчего собрали вас, оторвавши от дел страдных, да порешать надо дела грешные весей наших. Однако же, переяславцы, с праздником вас, днем святых апостолов Петра и Павла.

Православные перекрестились, слегка замаявшись, куда повернуть головы свои. Видя это, Никифор добавил.

– Грех наш велик – не на что нам взор кинуть, чтобы крестом себя обнести, да труды праведные нам не дали сотворить сие. Тем паче решили мы меж собой срубить по следующему году церквушку небольшую, дабы было где голову склонить перед Господом нашим. А плотникам под то лес заготовить. Одобряете ли деяние сие?

Одобрительный шум пронесся над пажитью.

– Добре, – кивнул Никифор и обернулся назад.

Перед весянами вышел вперед Пычей и перевел речь старосты для своих родичей.

– Тогда следующий вопрос к вам, отяцкие и переяславские, – начал сызнава речь староста. – Вот перед вами стоит Трофим Игнатьич, службу у князя переяславского несший десятником. Всем вам ведомо, что сотворил он. Его усилиями добрались и осели мы на берегах этих. Вместе с Иваном Михайловичем, что воеводой отяцким был в походе их, добивал он на пажити этой тех буртасов, что пришли к нам с разбоем. И с новгородцами он же ратился. Кликнуло войско ратное его воеводой, да и ранее исполнял он все воеводские дела. Однако же и к вам, мужам переяславским да отяцким, спрос есть, поскольку он у нас иной раз и мирскими, торговыми делами занимается. А спрос этот таков... признаете ли вы его главой над собой, всеми своими семьями и своими делами, где я, как староста, буду лишь помощником ему в мирских свершениях? Может, обиду какую кто на него затаил? Выходи да перед честным людом сказывай все.

Пока Пычей переводил сказанное, в рядах переяславцев негромко перекачивался шум обсуждения. К нему добавился нарастающий гул со стороны отяков, получивших свою порцию информации. На холм, споткнувшись к всеобщему веселью, взъерошенный и помятый, выбрался Фаддей и, бросив, чтобы покрасоваться, плетенную из тонких сосновых корешков шапку на землю, крикнул.

– Да все мы знаем Трофима Игнатьича! Люб он нам! Пусть будет! – и остался на холме, почему-то не решаясь спуститься обратно.

– Да шо ты вылез-то на вид и назад не идешь, али не милы мы тебе? – Могучий голос Фроси перекрыл возникший было шум. – Не твое дело стоять над нами. Сей миг, как вылез, так и взад засунем.

Не полностью расслышав сей монолог, Фаддей дернул рукой, чтобы прикрыть себя с тыла. Это вызвало сдавленное хихиканье в первых рядах, прикрытое массовыми действиями по поправке усов и бороды. Заметившая все Ефросинья продолжала.

– А если противиться будешь, так еще и маслом смажем, чтобы легче ходило! Это что же получается, воевода? Бабы облегчения просят, а он в отказ пошел?

Тихие смешки начали переходить в гомерическое повизгивание.

– И какое же облегчение себе бабы просят? – вмешался воевода, кусая губу, чтобы сохранять серьезный вид. – Вроде Фаддей вам ни в чем не отказывает, даже наоборот. Слышал, гоняют его бабы почем зря от желания его облегчение вам принести.

– От, и ты туда же! Кабы он с этим делом проворил хорошо, то и гнать бы его никто из баб не стал бы, – поддержав ехидный тон, продолжила возглашать на всю пажить Фрося.

К смеху переяславцев прибавились отяки, до которых, наконец, довели тонкости перевода.

– Он сию срамную деревяшку переделать отказывается. – Предводительница переяславских баб подняла над головой горбушу и встала в позу, подбоченившись. – Али у него у самого такой же плюгавенький, как это косовище, такой же кривой и малый? Так пусть в мыльню пойдет, мужей посмотрит, оценит, каковы они должны быть!

– Фаддей, а Фаддей! А я на такое косовище согласна бы, ежели оно у тебя от пояса до землицы! А что кривое, так лишь бы не согнуть было! – донесся визгливый от смеха голос от толпы баб, стоявших неподалеку.

– Цыц, бабы! – гаркнул воевода, видя, что из схода хохот да срам один выходит. – А ты, Ефросинья, говори что дельное, а то выведу тебя отсель. Нечего бабам на сходе толочься.

– Ты меня обабы сначала, воевода! – не смутилась та. – Тогда и гони! А говорю я дельное. Лекарь сказывал, косы у них были такие, что бабе не надо на карачках ползать, а стой себе и коси, а ежели грабки приделать, то и хлеб убирать можно. Зело борзо, нежели серпами, баял. А шо кузнецы, шо Фаддей – в отказ пошли. А тут дело общинное, люд высвободится от дел страдных.

– Гхм-м... – повернулся к Николаю воевода. – Было такое у вас?

– Было, Трофим Игнатьич, – кивнул тот. – Литовкой ту косу звать. Только для нее железо нужно хорошее, да поизвели мы почти все... Разве что сломанную пилу перековать. Сделаем на пробу, откует Любим, есть время ныне у него. Только без нового железа пустое то дело, точить и точить придется.

– Так и порешим, – кивнул воевода. – А ты, Фрося, геть со схода, не бабское дело это.

– Не гони ты ее, Трофим Игнатьич, – попросил Николай, опередив ту, открывшую было рот для отповеди. – На буртасов с мужами стояла вместе, пусть и тут побудет.

– Гхм-м... – опять в кулак закашлялся предводитель переяславцев, услышав одобрительный гул голосов. – Сызнова вы мне традиции ломаете, да быть посему, раз то не баба, а вой в поневе... А остальные – геть отседова! – нахмурился он в сторону порскнувших в разные стороны баб. – Продолжай, Никифор!

Фаддей, помявшись, подобрал свой головной убор и бочком спустился с холма. Тут же из отяцких рядов вышел Терлей и, повернувшись к толпе, начал что-то горячо втолковывать своим родичам. Те загомонили, поддерживая говорившего выкриками, а Пычей растолковал переяславцам смысл его слов.

– Добрый люд переяславский, мужи наши согласны с тем, что Трофим Игнатьич главой был, да хотят, абы Иван Михайлович при нем воеводой был. На том стоят и уступать не собируются.

Воевода поморщился и кивком подозвал к себе своего полусотника, стоящего в первых рядах.

– Иван Михалыч, вишь, что натворили мы? Понимаешь, о чем я?

– А как же, печенкой чую...

– И что?

– А что? Правду сказать надобно, дашь слово?

– Слово твое, я у тебя его не брал и отдавать нужды нет.

– Жалко, что черемисы о том услышат, да ладно уж...

Полусотник повернулся к отякам, поклонился и, кивнув Пычею, начал говорить.

– Опять у меня к вам, род отяцкий, вопросы имеются – ответите ли?

Полусмешки после заминки с переводом пронесли над рядами людей.

– Мало ли вам того, что я полусотник ваш? Полусотник егерского полка, то есть полка охотников? – Выслушав крики, олицетворяющие то, что этого несомненно мало, Иван продолжил: – И так слишком громко себя назвали: одна полусотня во всем полку. А вы хотите на плаху

меня подвести? Вместе с воеводой нашим? Что замолчали, не понимаете? Ну ладно, для вас, может, и внове, но вот как на Руси или у черемисов человек, над воеводой стоящий, зовется? О-о, дошло, затихли... Нужны ли нам распри по поводу названий с князьями русскими или черемисскими? Силы в себе почуяли много? Так придет другая и переломит нашу, как тростинку малую. Не о названиях думайте, а об обучении воинском. Силу надо еще копить, чтобы место свое между князьями да ханами найти, а потом уж о названиях думать. А дел воинских с меня никто не снимал и не собирается, спросите о том Трофима Игнатьича. Вырастем, чтобы сотню прокормить, так и сотником стану, если соответствовать буду. Таково мое мнение: пусть воевода воеводой и останется до поры. Негоже на себя косые взгляды по гордыне своей копить. Вот мое слово.

Через пару минут Пычей повернулся у воеводе и кивнул.

– Согласен род отяцкий с тем, что старостой предложено было, да полусотник наш сказал... Только желает, чтобы Иван Михайлович с тобой рядом стоял, воевода.

– Быть по сему, отныне вставай рядом одесную, Иван, – поклонился честному собранию Трофим. – С тем и сход наш вести далее буду. Вопрос к вам, отяцкие: гош ли вам староста Никифор, что нам вами поставлен?

– На то я тебе отвечу, воевода. – Пычей повернулся к толпе, сказал что-то родичам и продолжил. – Хотим мы своего старосту, и уж тут непреклонны. Уговор меж нами и тобой был, чтобы традиции наши блюсти.

– Не тебя ли хотят?

– И меня выкликали, было дело.

– Как ты к этому отнесешься, Никифор? – посмотрел воевода на старосту.

– Тяжко мне с ними, Трофим Игнатьич, не разумею я по-отяцки, прости Господи и помилуй мя. Коли нужно, то могу, но душа моя к нашей веси лежит, река милей, – скороговоркой произнес тот.

– Добре, но пока не отпускаю. – Воевода повернулся к Пычею и негромко продолжил: – Вот тебе мой сказ. Тебя я для других дел возьму, поболее, чем в землице на огородах копаться. Пока Никифор будет у вас, тем более и наши мастеровые с семьями там обитают. А через полгода посмотрю я, кого вы кликнете. Одно к нему условие, на языке нашем должен говорить, як на своем... А ежели ты старшего своего к этому подготовишь, то не против буду, да токмо кричать сей миг об этом не надо. И младшего мне отдашь – командовать отроками его поставлю, добре?

Пычей поперхнулся таким быстрым оборотом дела, но, чуть помедлив, кивнул и также тихо ответил.

– Чуть разумеет старшой по-вашему, а младший уже лихо слова плетет, да то и сам ведать должен: на лодьях к черемисам они ходили.

Через несколько минут после того, как Пычей утряс вопрос со своими родичами, воевода объявил решение и перешел к следующему пункту повестки дня – названию весей. Тут уже все прошло без помарок, названия были вброшены заранее, их уже повертели со всех сторон, притерлись к ним и даже начали употреблять. Переяславцы в первую очередь.

Отяки поначалу попробовали переиначить название новой веси, назвав ее Пожома Яг, что означало сосновый бор. Однако, после споров с переяславскими переселившимися мастерами, которые доказывали, что живут одним миром и имена общих весей должны быть одинаковы, иначе все путаться будут, все-таки сломались и согласились на одно название на всех: Сосновка.

Названий же отяцким гуртам никто не удосужился придумать к сходу, и это дело отложили на потом.

Скорым образом был решен и вопрос об отяцких отроках и школе, создаваемой на месте Болотной веси. Прослышав, что всем подросткам, кто поможет обжигать кирпичи или выпол-

нять другую нехитрую работу, будет начисляться треть от полной ставки взрослого, которая пойдет в зачет при дележке доходов от металла и теса, члены общины дружно на это согласились. Правда, при этом отстояли неполный рабочий день на время страды, остаток которого отроки смогут тратить на помощь родителям.

А уж когда услышали, что особо старающихся с осени будут обучать в школе грамоте и военному делу, оговорив условие, что отяцкие дети должны подучить язык будущих учителей, то эйфория наступила полная. Еще не пришли те времена, когда образование стали насильно пихать в отказывающиеся от него головы, и понятие грамотный человек или воин еще означало почет и богатство.

Однако когда воевода попытался свернуть сход и перейти к суду над новгородскими разбойниками, толпа недовольно загудела.

– Чего это они? – Трофим Игнатьич недоуменно оглянулся на Никифора.

– Ну... видать, добро ушкуйников делят, – отозвался тот.

– Эх, сучьи дети, и тут прослышали? – крикнул от досады воевода и громко обратился к толпе. – Люди добрые, это пошто, медведя не завалив, уже ободрать хотите? Пусть поначалу копа вину ушкуйников признает да осудит их, а там и баб своих слушать будете, которые по сусекам уже все узелочки разнесли. Давай, люд, предлагай тех, кто судить будет!

Глава 19

Копный суд

Четверо черемисов, поднимавшиеся вверх по холму, ничем особо не выделялись ни среди отяков, ни среди переяславцев. Светлые холщовые рубахи и штаны, распашные кафтаны со сборками по бокам, лапти и онучи. По подолу одежды в причудливой вязи красного узора были разбросаны фигурки медведей, лосей и птиц.

Разве что по этой вышивке, да особому крою кафтана можно было отличить ветлужских соседей от местного населения.

– Здравствовать вам, гости дорогие! Хорошо ли отдохнули с дороги?

Воевода вышел черемисам навстречу, внимательно наблюдая, как те выстраиваются по ранжиру, ведомые какими-то своими обычаями.

Вперед выступил один из них, с заметными монголоидными чертами.

Возраст гостя было тяжело определить, он застыл где-то между сорока и пятьюдесятью. Так обычно выглядят нестареющие до поры бродяги с обожженными солнцем, заматеревшими лицами. Черемис поклонился и ответил на приветствие.

– Таза лий, родо¹⁴! Будьте здоровы, и пусть вам сопутствует счастье и удача, а дом будет полная чаша!

Эту фразу глава делегации сказал практически без акцента. Впрочем, и раньше он демонстрировал хорошее знание языка хозяев.

Настоящее знакомство состоялось еще вчера, после того, как прибывших гостей разместили в дружинной избе, предварительно ее освободив.

Трое черемисов были из нижних поселений, один прибыл с верховьев. Приглашали гораздо больше, но остальные сослались на страду, дав не совсем вежливо понять, что не собируются отвлекаться невесть на кого. Хорошо еще, что стали разговаривать, а не встретили стрелами на подходе.

Улыбнувшаяся было удача в виде двух отяков, знавших с грехом пополам язык черемисов, оказалась одновременно и несчастьем.

По крайней мере, для той лодьи, что ушла вверх по течению.

Несмотря на то, что суда старались комплектовать переяславцами, присутствие отяков, переводивших их речи, пагубно сказалось на желании черемисов общаться. В итоге плюнули и поплыли обратно, тем более что сам процесс перевода походил на детскую игру в изломанный телефон. Сначала Пычеев сын переводил на свой язык, а потом отяк, знавший язык черемисов, пытался объяснить с ними. Что уж в итоге получалось, и как черемисы понимали адресованное им приглашение, один бог ведал, но все-таки из ближней деревеньки привезли какого-то хроменького, подраненного медведем охотника, который смог освободиться от повседневных дел.

На пути же в понизовья удача к приглашающим повернулась своим ликом.

В большинстве поселений находился кто-то, знавший славянскую речь. А в одном из них им даже попался крещеный черемис, назвавшийся Яныгит Лаймыр, что означало Владимир, сын Яныгита. Он, по слухам, был далеко не последним человеком в ветлужском кугузстве, и потому приветствовал воеводу от имени всех, бегло складывая слова, положенные говорить в таких случаях гостям.

– Не на веселый пир званы вы были, – пристроил сбоку воеводы свою клюку Радимир, поднявшийся на холм, как только черемисы приблизились. – Но для суждений своих о том,

¹⁴ Будь здоров, родич. (У черемисов было принято приветствовать как родственника незнакомого человека.)

правы ли мы в своем гневе и не затмит ли оный очи наши, не осудим ли мы невиновных и не пощадим ли виноватых. В благодарность за отклик на беды наши будьте гостями и после копного суда, да и в любой день посещайте весь нашу с горестями или с радостями своими.

– Дурные вести идут впереди, добрые позади, – поклонился в знак благодарности за приглашение Лаймыр. – Придет время, и радостью делиться будем. Не все сразу. У нас говорят: лес есть – медведь есть, деревня есть – злой человек будет.

– Радость в наши дома давно ждем, – вступил в обмен присказками Радимир. – А пока у нас все по пословице «пришла беда – ожидай другую». Одних прогнали – другие нагрянули...

– Силен медведь, да ведь и его ловят, – не остался внакладе черемисский гость.

– Гхм-м... – прервал воевода пытающегося оставить за собой последнее слово Радимира. – Верно, гостям нашим не терпится послушать, как мы судить татей разбойных будем, кои на нас злоумышляли? Прежде столь большим кругом не вершили мы деяний своих.

– Ржавый сошник лишь на пахоте очищается, – добил Радимира своим знанием языка Лаймыр.

Усадив гостей на вкопанные заранее лавки, воевода с Радимиром сдержанно поприветствовали отяков, пришедших из верхних гуртов поглядеть, что еще учинили их беспокойные соседи, уже уведшие под свою руку половину родичей.

Иван на всякий случай заранее встал поодаль, дабы не смущать своим присутствием отяцких старейшин. Они и так чувствовали себя не в своей тарелке от встречи с вышедшими из рода воинами, которые в полном облачении степенно стояли на пажити, дожидаясь начала суда и не подавая виду, что присутствие родичей как-то их задевает.

На самом деле после памятного исхода отяков предпринимались многочисленные попытки со стороны оставшихся установить контакты с ушедшими. Признавались, что погорячились, пытаясь чуть ли не силой оружия остановить тех, да и добычу с буртасов предлагали поделить по-новому. Однако ушла в основном молодежь, вырвавшаяся из-под опеки старших и почуявшая в себе силы поступать и творить по-своему.

Росшие, как на дрожжах, статные избы, разительно отличающиеся от землянок предков, только подчеркивали, что обратного хода нет. Да жена поедом потом съест, если ее водворить обратно в тесный подземный барак, в котором, отделенные плетеными перегородками, жили многочисленные семьи!

А на новом месте уже стоит светлый дом с оконцами, затянутыми бычьими пузырями. Полы пахнут свежей древесиной. Новый теплый хлев уже почти достроен и подведен под одну крышу с жилой частью, причем отгорожен от нее бревенчатыми стенами.

Да и не стоит забывать, от чего ушли! От гибели и прозябания, от предательства и жадности родичей. И успели уже вновь показать свою силу, встав на защиту новых соплеменников. Глядишь, опять будет добыча, а с нею зимой не пропадешь. Да и воевода обещал, что овощами и хлебушком переяславцы поделятся, как бы с железом и торговлей потом ни вышло.

Так что ответ родичам звучал очень просто:

«Смотрите, уважаемые, может, и к нам присоединитесь? На наших условиях?»

Наконец, семеро человек выборных от Сосновки и трое от Переяславки поднялись на холм, поклонились честному собранию и заняли свои заранее определенные места.

Предварительно одни из них осеяли себя крестным знаменем и клали руку на евангелие, хранившееся у Никифора, проговаривая каждый на свой лад, что судить будут справедливо. Другие подходили к открытому берестяному коробу, который держал Пычей, и там что-то вещали по-отяцки. По первому разу никто не стал требовать произносить одинаковую клятву для всех, поскольку переяславцы не знали, как отяки должны это делать. Отдали все на откуп Пычею.

Однако новые соседи старательно копировали поведение жителей старой веси, разве что применительно к своим святыням.

Воевода оглядел толпу, заполнившую старую пажить. Более чем полторы сотни человек стояли на ней под чистым голубым небом, очистившимся от утренней хмари. Каждый со своей верой и своей надеждой, своими устремлениями и чаяниями.

Им еще придется стать единым целым, но назад пути уже нет. Нежданные путники, свалившиеся на них, как зимой снег рывком съезжает на голову с ветвей деревьев, полностью изменили судьбу переяславцев и отяков.

Не было бы их, может, одни головешки дымились бы ныне на месте сгоревших развалин. И никто бы не вспомнил, что когда-то, в 6623 году от сотворения мира, пришел сюда спастись от лихой судьбы люд с Переяславля и жили здесь когда-то остатки отяков, основная часть которых уже давно ушла на новые места в поисках тихого угла...

Воевода тряхнул головой, отгоняя не вовремя нагрянувшие мысли:

– Люд переяславский и отяцкий! Днесь предстоит нам судить пришедших к нам ушкуйных людишек с Новгорода. Принятых нами с добром и отплатившим нам пошибанием девицы молодой, поношением и нападением на воев наших. Не упредили бы мы их, так и кости воинов наших лежали бы ныне в земле, а так только пораненных двоих имеем. Смотрите, и не скажите после, что не видели. Петр!

На пажить от ворот стали выводить шестерых выживших новгородцев, которых содержали до этого по отдельности. Все из них отделались легкими ранами, с тяжелыми увечьями воев сразу добивали, дабы облегчить их страдания. Поставив ушкуйников перед выборными и толпой, вперед вытолкнули Слепня, оставив его связанным, но вынув из рта кляп.

– Признаешь ли вину сво... – начал было воевода Трофим Игнатьич, но слова его потонули в выкриках, издаваемых предводителем ушкуйников:

– Люд новго... Люди добрые! И пошто же вы меня повязали, а людишек моих побили?! Пошто у честного купца товар отобрали, да с ушкуем вместе? Как тати, подпоили меня, да под покровом ночи за моей спиной гнусные дела обделали! А теперь напраслину на меня возводят! Детишек тех я спас от гибели неминучей, да привез в дом родичей, а на меня немочь их возвести хотите?! Не верьте тому, что сказано было! Лжу сей вой возводит на меня!

– Поставь ему кляп, Петр! – прервал поток словоизвержения воевода. – Обращаюсь к вам, выборные, и к вам, гости, как сторонним людям. Купец сей в известность не поставлен, как ушкуй его вместе с людишками взят был, оттого и пытается криком раздор сеять. Но то поправимо. Пычей, выйди к нам, расскажи, какие слова сей муж кидал, стоя на ушкуе своем, да с чего стрелами нас побить вздумал? Да обскажи, зачем полусотник мой рать позвал, и какие вести отроки до вас донесли.

Пока Пычей обстоятельно докладывал выборным о событиях той ночи, воевода внимательно оглядывал гостей. Эта сцена была именно для них.

Приглашенные отяки сидели, чуть приоткрыв рот, слушая синхронный перевод Пычеевского младшего сына. Черемисы же уже были отчасти посвящены в детали, пока плыли сюда на ладье, но тоже с интересом слушали рассказ от первого лица. Когда же отяцкий староста закончил, воевода повернулся к собранию, чтобы задать свой вопрос:

– Вой, мечи поднимите – кто был на лодьях тех и речи его внимал? Кто слышал, как новгородец сей вину свою признал и словом позорным нас поносил, а потом указал людишкам ушкуйным стрелы в нас пускать?

Лес клинков взметнулся, озаряя отблесками окрестности пажити. Опять же рассчитано все было только на гостей да пленных. Три четверти из ратников не понимали той ночью, кого и как поносил Слепень с носа своего судна.

Ну, так об этом надо еще и догадаться, говорил воеводе его полусотник, ухмыляясь и разглаживая свои усы. А на гостей такое количество видоков явно повлияло. И те на новгородцев уже бросали взгляды, не сулящие ничего хорошего.

Выждав несколько мгновений, воевода дал знак вытолкнуть вперед одного из пленных, отличающегося от остальных прямым спокойным взглядом. Взгляд этот явно говорил внимательному человеку, что с его владельцем уже имели беседу и тот о своей судьбе не беспокоился.

– Назови себя, новгородец, да рассказывай, как дело было, и не совершал ли ты каких непо-
требств?

– Не новгородец я. – Широкоскулое круглое лицо с живыми глазами это подтверждало, а неторопливые, вальяжные движения выдавали, что паренек воином не был. – Зовут меня люди Мокшей, хотя я из эрзян.

– Давай все о себе рассказывай – как попал на ушкуй, да откуда сам?

Трофим Игнатьич был явно настроен на неторопливую, плавную беседу.

– Недалече от Муромы поселение мое, на другой стороне по Оке обитаем мы, а племя мое вы мордвой называете. Но не мордва мы, а эрзя, – начал горячиться парнишка. – Еще мокша есть, так их тоже неверно чествуют иной раз!

– А тебя пошто так называли, коли ты с другого племени?

– Да язык мой довел меня... – покраснел тот. – Столь раз рассказывал в Муроме, что из эрзян я, а не мокшан... Так и прозвали Мокшей люди мастеровые. Я в городе том пять годков без малого ремеслам разным учился. И по дереву резать, и по меди чеканить, и лепить из глины... Призвание мое в том! Я и в Новгород податься решил, дабы новое что узнать да силы свои попробовать. Белкой отдал за проезд купцу этому да подрядился вырезать чудо-юдо у него на ушкуе. На носу чудище – моя работа, у варягов пришлых такие диковинки бывают.

– Ну-ну, переходи к делу нашему, – отвлек его воевода от рассказа. – Только о том внача-
ле скажи, зачем новгородцы в Муром заходили? Нам они не обмолвились об этом, хотя
остальными походами хвалились изрядно...

Трофим цепким взглядом прошелся по новгородцам и поймал чуть заметный кивок
одного из них, помеченного на щеке шрамом.

– Про то не знаю, не рассказывали мне, а вот про девчущку могу слово молвить...

Мокша вздохнул и начал свой сказ про то, как они заметили ее, шатающуюся под тяже-
стью волокуши.

Как Слепень ее на борт для утех взял, да выкинуть мальчонку за борт пригрозил. Рас-
сказал и про свои неудачные попытки отвести от нее беду. Что уж за занавесочкой купец с
девкой делал, про то парень поведать не мог, однако крики оттуда слышал. Хоть на растерза-
ние команде не успел отдать, и то ладно. В итоге упомянул, как передал весть о ней отроку
перемыславскому и как спрятался на ушкуе, когда стрелы обрушились на новгородцев.

Перемыславцы и все, кто понимал речь Мокши, замерли, слушая его нехитрый пересказ.

Какое там кино или книга, коими потчевали себя их потомки! Трагедия проходила прямо
тут, у них на глазах. То, о чем они только догадывались, приобретало живые краски. За неделю
ожидания суда возмущение поступками Слепня понемногу стиралось из их памяти. А ныне
отчасти деланное поначалу возмущение сменилось яростью на их лицах, особенно когда они
узнали, на что пошла Радка, чтобы спасти воина, чтобы не выбросили его в волны Ветлуги.

Да, именно воина.

Кем бы ни числился потом Тимка – отроком, новиком, ушел бы в мастеровые или охот-
ники, смотреть на него будут уже не как на несмышленного мальчишку.

Под конец рассказа стали раздаваться выкрики к немедленному самосуду, и воеводе при-
шлось окриком призвать всех к тишине. Тут только дай слабинку – сожрут на раз, а потом и
привыкнуть могут. А тогда уже только с кровью выбивать такие привычки...

Закончив с Мокшей, воевода обратился к новгородцам: хочет ли еще кто повиниться в
делах своих?

Понимая, чем закончится дело, трое из четверых оставшихся новгородцев начали
божиться, что знать не знали про то, что девицу для утех на борт подняли. Думали, шуткует

Слепень. А то, что стрелы метали, так как послушаться хозяина? И только когда они закончили, вышел четвертый со шрамом и повинился.

Заложил при этом он всех, в том числе и себя. Все, мол, знали, для чего девчонку притащили, и приказ Слепня о беспамятном отроке выполнили бы, не задумываясь. Иначе бы сами кормили раков на дне речном. И про то сказал, что не только торговлей купец Онуфрий занимается, но и другими, не слишком чистоплотными делами. И знают его действительно в Заволочье как Слепня. Жалит он сильно и воняет так же делами своими.

И что готов он принять расплату за все свои прегрешения перед переяславцами, если признают те вину его, хоть стрелы он и не пускал, а лишь мечом пытался отбиваться. Потому как знает, что в ответе он за непотребства купца перед общиной местною.

Виноват, что не остановил и не встал на защиту отроков даже словом. Не покинул своего предводителя, видя, что он творит. При этом новгородец смотрел прямо в глаза воеводе, намекая:

«Вот он я, пригожусь, если тебе дела муромские или другие какие интересны будут».

Слепень задержался, но, поняв, что ему скоро будет все равно, знают вокруг про его дела или нет, утих.

После этих монологов Трофим Игнатьич повернулся к выборным и гостям:

– Желаете ли выслушать отроковицу, что пошибанию подвергли? Девицу ту не успели ссильничать, о том реку при всех. Однако пытался купец сей это сделать, и следы от его кулаков да ногтей по всему телу ее, а про обещания с ней это сотворить все вы слышали. И от того ныне она не в себе до конца, не помнит, что на ушкуе с ней творили. Не успели бы мы вовремя – вскоре на дне речном вместе с отроком лежала бы. А послухами, что следы на ней видели, позвать могу лекаря нашего да знахарку отяцкую Юбер Чабья. Они смотрели девицу сию и подтвердить все сказанное могут... Весомая же вина купеческая – что стрелы он спустил на нас, иначе виру малую требовали бы мы за девицу да за слова позорящие. Ныне же, приговорите вы кого из ушкуйников, так смерти их предам.

Выборные отказались звать Радку – все было ясно. Они поднялись и огласили свой приговор.

«Виновны все, кроме Мокши, а как наказать их, и надо ли щадить кого, про то воевода пусть думает».

Гости тоже согласились с их вердиктом. Лаймыр же добавил про новгородцев: «лицом пригожи – душою дрянь».

Воевода молча выслушал, что-то обсудил со стоявшим одесную полусотником и повернулся к честному собранию:

– Вот что, люди добрые, слушайте и не сказывайте после, что не слышали. Купца Онуфрия я к самой низкой казни приговариваю: удавить его, как прямо повинного в пошибании, а также умышлении словом и делом против общества нашего. Имущество его отойдет общине за такие его грехи. А раненым да девице пострадавшей выделим мы сами оттуда. И так будет со всеми, кто любого из нас обидит, покуда силы у нас хватит спросить за то. Мокша судом оправдан, и волен идти куда вздумается, однако за спасение отроков наших может гостить у нас невозбранно. Остальных же новгородцев приговариваю я к усекновению головы, но... один есть у них раскаявшийся. Коли возьмет он на себя удушение и усекновение остальных, то волен идти куда вздумается сей же час. У нас же оставаться ему неместно будет. Согласен ли ты, вой?

Вскинувший голову новгородец побледнел, осознав, что не все пошло так, как он рассчитывал. Даже шрам на щеке смотрелся белой шелковой ниточкой на светлом холсте. Однако, сглотнув, он замотал головой, отказавшись.

Трофим Игнатьич удовлетворенно кивнул каким-то своим мыслям и продолжил.

– А коли в отказ пошел, то жизнь ему я сохранию, потому что поступил он, как воину подобает по отношению к соратникам своим. Но быть ему холопом нашим до скончания его века, коли не надумаем ничего другого. И вольны его продать куда вздумается, поскольку... – воевода споткнулся в своей речи, посмотрев на полусотника, однако все-таки договорил, с трудом протолкнув слова: – Поскольку холопов держать неместно среди нас считаю. И надо их после года трудов или освободить, или продать в полуденные страны, коли грехи их тяжки. А приговор сей надлежит исполнить дружинным нашим. А поелику откажутся они, полусотник сам на себя возьмет его исполнение.

На пажити пронесся шум, и воевода повысил голос.

– До люда переяславского и отяцкого довести еще одно хочу! Все, что есть на ушкуе из зерна или другого пропитания, поделено будет меж общинниками нашими... за вычетом того, что на сев или на прокорм зимний отложено будет. Засим сей копный суд оконченным считаю.

* * *

– Что пригорюнился, полусотник? Или мыслишь, я тебя в грязь мордой сунул? Видать, отказались твои дружинные приговор мой исполнять... Сам белые ручки свои пачкал!

Воевода подсел на лавку около дружинной избы, где опять собралась неразлучная троица да Петр, тихонько сидевший прикрыв глаза и будто бы не обращающий внимания на завязавшийся разговор.

– Да я и не предлагал, – задумчиво ответил Иван. – Сам привел в исполнение. Негоже других грязным делом заставлять заниматься, особенно ныне. А мордой сунул ты меня правильно, а то я больно белый да пушистый стал, смотреть тошно. А что пригорюнился я, так то верно – тяжело связанных жизни лишать.

– Эх... А мне мнилось, возопишь ты и правду искать кинешься. В вину мне поставишь, что принижаю достоинство твое. Опять ты меня удивил, – вскинул брови воевода.

– Думаешь слишком хорошо обо мне... Я ведь чуть не отпустил одного из новгородцев. Один тупо принял свою судьбинушку, молча подошел, голову склонил... Другой кричал, грозился карами земными и небесными, если живота его лишу, под конец слюной изошел, на визг перейдя... А третий – тот жалостливо так попросил крестик нательный матушке передать да монетку золотую, что в пояске у него при обыске не нашли. Одна, мол, она младших сестричек его поднимает, по миру пойдут они без него. По бедности великой он и к Слепню нанялся.

– И ослобонил бы его, – махнул рукой Трофим. – Мыслишь, кару на тебя наложил бы какую? От кого другого не стерпел бы, а от тебя... как-то привычно стало мне, что волен ты во многих поступках своих. Да и обида на ушкуйников прошла, тем паче главный обидчик в петле раскачивается.

– И освободил бы, хотя и не мыслил сие для себя без наказания. – Иван растер лицо ладонями, прогоняя усталость и напряжение последних часов. – Да увидел вдруг, как на этого третьего охолопленный новгородец смотрит брезгливо так. Отзываю его в сторону, спрашиваю – чего это он? Молчит, взгляд отводит. Ну ладно, за Мокшей посылаю, с того спрос веду поодаль. Оказывается, этот обездоленный как раз и тащил Радку на ушкуй да похохатывал над тем. Кинул я взгляд назад невзначай, пока он думал, что не вижу я. И такой ненавистью меня мельком обожгло, что едва не вывернуло меня... В общем, удавил я его.

– Хм-м... а холоп-то новый не столь отвратен, как погляжу, да и соображение имеет. Прав ты был, спросив проверку ему учинить. И как заметил, что знак он мне подал?

– Того кивка слепой не заметил бы. И спаси Бог тебя за то, что давнее обещание выполнил.

– Про холопов? Так я только мысли свои довел до общины, что не вижу нужды в них. Истину ты при первой встрече сказывал. Стеречь их надобно, да и удар в спину получить всегда можно. Холопы сплошь из воев ныне нам попадают.

– Это ты просто еще не домыслил, к чему речь твоя привести может. Вот когда поймешь, тогда удивись, – печально улыбнулся Иван.

– До сей поры не пойму, зачем ты те слова с меня вытребовал...

– Узнаешь, да не на сей год и не на следующий. Слово твое – не птаха, а целая стая! Сначала ты от холопства откажешься, потом к тебе люд холопский бежать начнет, а потом...

– Далее можешь не сказывать, – досадливо крикнул воевода. – Войной рати княжеские на нас пойдут за этими беглыми холопами! Только пустословишь ты. Беглых не примем мы и хозяевам их возвернем обратно.

– Почему? В холопах иной раз вольные люди оказываются. Пойдет какой князь соседнего воевать, возьмет на копье городишко евойный, да всех его жителей к себе на землю осадит. За что им такое? – саркастически спросил Иван. – По мне, так леса тут бескрайние, слона спрятать можно... Зверь это такой, поболее медведя раз в десять, в полуденных странах водится... Да не пытаюсь я зубы заговаривать, не смотри так! Никто на конфликт тебя не толкает с князьями! Но и заворачивать беглых людишек не надо бы. Спроса от них требовать не станешь – так никто и лжи не утворит...

В разговор, наконец, вступил Радимир, посетовавший сначала на боль в спине, а потом попенявший Ивану, что тот все более о грядущем беспокоится: нет бы насущные проблемы его волновали.

– Все ты про княжескую власть худое толкуешь, а не поймешь, что без нее не было бы Руси. Изрубили бы друг друга по причине ссор своих.

– Нет, неверно ты понимаешь слова мои, – категорически замотал головой Иван. – Если бы отрицал я все хорошее, то глупцом был бы. Всякая власть плоха по сравнению с тем, чего люди от нее хотят. Княжеская или другая какая. Даже был бы один князь на всю Русь, и не было бы усобиц, все равно от глупости или лености его или детей евойных не уберечься. Сдерживать его кто-то должен или направлять – нужен совет при нем из малого числа людей, кто бы законы вершил и через которых сам князь не мог бы переступить.

– От что ты замыслил... Это как божью власть сковать препонами? Богохульствуешь ты, Иван... – повысил голос Радимир.

– А что, до христианства на Руси князей не было? Или от других богов власть вы признаете? Или вече новгородское не препона для князей? Кто слова такие про божью власть в уста ваши вкладывать начал?

На заданные полусотником вопросы никто из присутствующих не смог сразу ответить. Даже Петр оторвался от дремоты и стал задумчиво разглаживать бороду.

– А совет при князьях из старших бояр набирается, они ему помощники в делах его, вот тебе и препона твоя, – перевел разговор со столь опасной темы воевода.

– Не препона это, князь их не всегда и слушать будет, да и те иной раз о своих только делах пекутся, – покачал головой Иван.

– А как же иначе? – недоуменно спросил Трофим. – Всяк о себе вначале печется, аще кто токмо о других, так то святые или с головой у них не в порядке.

– Не про то я, а про разные силы, которые сдерживать друг друга должны, чтобы каждый на Руси защиту имел! Те же советы при местной власти можно создать, чьи законы даже князю не отменить!

– Хочешь власти полной для советов местных? – недоуменно посмотрел на своего полусотника воевода.

– Тыфу... – аж сплюнул от огорчения полусотник, поняв, до чего он договорился. – Там видно будет, как назвать, лишь бы работало, а уж полной власти им не надо точно. Скажите лучше, что там о муромских делах новгородец поведал? Говорили уже?

– Пустое там, сговаривался он с татями девок муромских хитить, да болгарцам их продавать, – взял слово Петр. – Насмотрелся на рынках невольничьих, какие цены за наших полонянников ломают, вот и возжелал легкой наживы. Ну, да теперь сему не бывать.

– А что, много ли там наших продают? – угрюмо поинтересовался Иван.

– Не он один сей промысел учинять вздумал – издревле свозят туда товар живой. А в последнее время все только об этом и говорят. Купцы билярские по сию пору слюной захлебываются, вспоминая, как после разорения Суздали великое множество полоня приведено было... Эх тебя ломает, Иван, – поглядел на того Петр. – Да это не только они учиняют. И наши князья себе невольных людишек после походов на Булгарию приводят.

– Ничего, отольются кошке мышкены слезки... – скрипнул зубами Иван. – Придет время, и пощиплем торговцев этих.

– К первому и второе деяние ты задумал, – покачал головой Радимир. – Не только беглых хочешь привечать... Слов не найду я, дабы отвратить тебя полон освобождать. Дело то богоугодное, но уж зело опасное. Не для тебя, для других! Один раз оступишься, и поселения нашим конец придет, а мы все живота своего лишимся. На полоне же столь людей властных кормится...

– Да я не тороплюсь с этим... А что везли еще ушкуйники, кроме хлеба?

– Золотишка в мошне было чуть, – стал неторопливо загибать пальцы старец, – но все на прокорм новой веси пойдет. Без огородов да посевов отяки остались, на наше слово лишь полагаясь, что прокормим их. Пряности да соль есть. Листы бумаги из хлопка, да остальное по мелочи: иголки да нитки, малые отрезы шелка... В основном гружен ушкой рожью, пшеницей да крупой, что греки при монастырях взращивают. Мнится мне, торопился он в Заволочье товар сей сбыть, а там подельников прихватил бы да в Муром подался промыслом греховным заниматься.

– И что с зерном делать собрались? – наострил уши Иван.

– То у воеводы спрашивай, ему сие действие заповедано.

– По общинникам пряности да пшеницу раздам, как Никифор все обсчитает, гх-хм... – прочистил горло Трофим. – Пшеницу ведь заморозками бьет в этих местах. А рожь добрая, на посев оставим, да в запас на зиму уйдет. Весь прибыток сызнова – брони воинские, мечи да луки боевые.

– А что за крупа та, много ли ее? Это не гречка ли, раз греки выращивают? – проигнорировал полусотник упоминание о воинских доспехах.

– И так ее зовут. Добрая каша с нее получается, да выход с посева малый идет. Сеяли мы ее в Переяславле, одна морока.

– Вот те, бабушка, и Юрьев день, – обрадовался Иван. – Не там сеяли! Сами не понимаете, какое богатство в руки идет. На черноземах ваших она и не стала бы расти, как пшеничка, а тут, на песчаных почвах, самое оно. Да и на старых торфяниках хорошо в рост идет, а также на чашобных полянах и на новых полях. Сорняков гречиха не боится, вычищает от них поле. За ней хорошо хлеб сажать! Да ее так и вводят в четырехпольный севооборот – удобренный пар, рожь, гречиха, а далее овес или озимая рожь...

– Чудные слова ты баешь, да и сеете вы как-то не по-людски, – встрепнулся Радимир. – Но глаголешь ты зело полезное большей частью. Ну-ка, все мне сей миг обскажи.

– Это тебе с Вячеславом объясняться надо, – открестился полусотник, выставив ладони. – Он не только лечением занимался, а и скот разводил, и сеял что-то. Знаю только, что от такого сева с чередованием зерна большой прибыток идет. А насчет гречихи еще главное скажу. В первых, гречневая крупа долго хранится, не киснет, в отличие от того же пшена. Запасы делать

можно. А во-вторых, и этому я как раз обрадовался, гречиха – медонос. Пчелы с нее кормятся, меда много берут. И само растение они опыляют... Ну, пыльцу на цветках перемешивают! От этого урожай с гречихи повышается в два-три раза! А пчелы – это что? Правильно, мед и воск, а значит, куны, ногаты, резаны, гривны... Я уж не говорю, что лекарь наш с пчел да гречихи лекарств множество наделает. Он про то должен знать. А уж как доски пойдут, наколотим ульев... ну, это борти, сколоченные для пчел. Туда рои пчелиные селить можно, и пасека получится. Как пастбище для скота, только пчелы на гречихе пастись будут.

Иван улыбнулся своему сравнению и замолчал.

– От, сызнова навалил нам чудес всяческих, – всплеснул руками воевода. – Деваться от них некуда... Ты, Радимир, Никифора возьми да с лекарем нашим поговори. Коли польза от того сева будет, так и попробуем по-новому. И про борти, что на пастбище пчелиное выставятся будут, с людьми потолкуй. Кто возьмется из них за дело сие на тот год? Ныне, мнится мне, поздновато будет творить его...

– Добре, – согласился Радимир и свернул разговоры. – Мнится мне, черемис наш от Ишея идет.

– Ужо и нашим кличешь? – спросил старца воевода.

– Закваска в нем правильная, – ответил тот. – Не чурается ни старого, ни малого. За весло не гнушается взяться, ум живой, взгляд зоркий...

– Так то и против нас направить можно, – подметил Иван. – Не забыли еще деяния князька черемисского, надеюсь? Да и к лодьям нашим любопытство имеет.

– Перемолвился я с ним опосля суда копного, – махнул рукой старец. – Торговлей живет, а в хитрословии не был замечен мною. За столом к нему присмотримся поближе – может, и выплывет по вопросам его, подсыл ли он кугуза...

Черемис приблизился и старец обернулся к нему.

– Лаймыр, не проголодался ли ты? На реке, да за работой, время быстро летит, – съязвил Радимир подходящему черемису по поводу того, что за последние два часа тот излазил лодьи переяславцев вдоль и поперек. – согласишься ли со своими родичами трапезу нашу разделить?

– Виш омсам огыт поч¹⁵. Ты ломишься в открытую дверь, Радимир, – улыбнулся черемис. – Я готов и лапоть сжевать сей миг.

– Жареный, да с маслом, так и старый лапоть можно съесть, – уел наконец того Радимир, отчего оба они осклабились, донельзя довольные своей словесной баталией.

¹⁵ Открытую дверь не открывают (*черем.*).

Глава 20

Трудовые будни

Тонкая рука потянулась к свету и неосторожным движением задела край столешницы, стоявшей впритык к потемневшей от дыма бревенчатой стене. Огонек догорающей лучины затрепетал, отразился от стоящей под ней плошки с дрожащей водой и заплясал на неровном потолке.

Пальцы сомкнулись на кончике щепочки, и свет растворился в сумраке, оставив вместо себя бледное подобие из лунных лучей, заглядывающих в горницу из небольшого оконца под крышей.

– Ты спишь? – понесся еле тихий шепот в дальний угол комнаты.

– Нет, – отозвался сумрак, приглушенный мягким ворсом овчинного полушубка, кинутого на тесаные доски лавки.

– Расскажи, – понеслось опять в мягкой тишине.

– О чем? – спросила темнота, переключаясь с шелестом забравшегося под дверную щель ночного ветра, принесшего с собой горький запах полыни.

– О сверчке, который живет под третьей справа половицей и каждую ночь не дает тебе уснуть...

Сумрак хмыкнул, коротко вздохнул и отпустил с губ горячий осторожный шепот.

– Он несносный...

– Зато он всегда с нами... и ничто его не заставит уйти и прервать свою цокающую трель.

– Ты говори еще, мне нравится...

– А когда ты засыпаешь, то вздрагиваешь, будто у тебя перехватило дыхание и на мгновение остановилось сердце, а потом сопишь и швыркаешь во сне носом.

– Неправда, не швыркаю я... – тихонько скрипнула лавка под невесомой тяжестью поворачивающегося тела.

– Швыркаешь, швыркаешь, – тихонько хохотнуло из другого угла избы.

– Может, оттого, что по носу меня ударили, и горбинка появилась. Егда заживут все болячки мои на теле, то и это пройдет. А покуда буду назло тебе швыркать...

– Ну, вот! Опять твое «егда». Уже вроде научилась говорить как я, а потом опять «скачивать, баять, ажно»...

– Ну а твои родичи? – лавка протестующе скрипнула из-за приподнявшегося на локте тела. – Вечор внимала им, бают как мы... А вот скажи, зачем ты меня своим словам учишь?

– Хочется... А ты днесь разговорчивая.

– А днесь по-вашему как? Забыла...

– Сегодня... Но мне по-вашему больше нравится...

– Разговорчивая... Но лишь кто пытается выпросить, как я да что, так меня мутить начинает и язык немеет...

– Ништо, все пройдет! – торопливый шепот раздвинул сумрак. – Ты давеча совсем молчала, только «да» и «нет» говорила, а теперь оживать начинаешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.